Кэти Гласс

АРИФМЕТИКА ДОБРА
благотворительный фонд

ТЫ МЕНЯ ПОЛЮБИШЬ?

История моей приемной дочери Люси

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей книге Кэти Гласс, психолог и опекун, помогающая проблемным детям уже больше 25 лет, рассказывает о Люси – маленькой девочке, которая к 11 годам сменила несколько приемных семей. Казалось, что ребенок уже не сможет вернуться к нормальной жизни, разучился доверять и любить. Но благодаря заботе и чуткости Кэти Люси не только смогла освободиться от травм прошлого, но и обрела настоящую семью.

- Кэти Гласс
  -
  - Предисловие
  - Благодарность
  -
  - Пролог
  - Часть первая
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
  - Часть вторая
    -
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
    - Глава восемнадцатая
    - Глава девятнадцатая
    - Глава двадцатая
    - Глава двадцать первая
    - Глава двадцать вторая
    - Глава двадцать третья

- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая

Кэти Гласс
Ты меня полюбишь? История моей приемной дочери Люси

Cathy Glass
WILL YOU LOVE ME?
Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd. under the title Will You Love Me?
Text © Cathy Glass 2013

Издано по заказу Благотворительного фонда «Арифметика Добра»

© Новикова Татьяна, перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие

Роман Авдеев, основатель фонда «Арифметика добра», отец 23 детей, 17 из которых усыновленные.

В последние годы общественные организации и НКО не только усиленно трудятся, помогая детям-сиротам обретать семьи, но и много говорят о проблеме. Фонд «Арифметика добра» вносит свою лепту – мы выпустили несколько книг, публицистических и художественных, стали экспертами для СМИ, пишем статьи, выступаем публично. Тема семейного устройства звучит сегодня и на самом высоком государственном уровне. В результате совместных усилий общества и государства количество детей, которые воспитываются в сиротских учреждениях, за последние 4 года сократилось вдвое. Однако, как это ни парадоксально звучит, информации о детях-сиротах и о семьях, которые их принимают, в нашем обществе до сих пор ничтожно мало. Нередко она искажается недобросовестными СМИ ради погони за рейтингами. Как следствие, у людей возникают ложные суждения, стереотипы.

Именно поэтому книг, фильмов, статей, передач, отражающих реальное положение вещей, рассказывающих правду о сиротах и семьях, которые их воспитывают, должно становиться больше.

Книги Кэти Гласс широко известны во всем мире и прежде всего на ее родине – в Великобритании. Их рекомендуют будущим приемным родителям, используют на тренингах по подготовке специалистов в сфере защиты детства. Уже более 20 лет Кэти Гласс (это псевдоним автора, настоящее свое имя писательница скрывает) помогает детям, оставшимся без попечения родителей, как профессиональная приемная мама. К ней попадают малыши и подростки со сложной судьбой, пережившие насилие, пренебрежение нуждами, потерю родных и безразличие тех, кто должен был защищать. Каждая книга – это история одного ребенка и сложный путь его адаптации в новой семье. Автор не пренебрегает деталями, подробно описывает мысли и действия опекуна, его реакцию на поступки приемного ребенка. И обязательно объясняет природу такого поведения сироты – в каждом случае есть своя, иногда очевидная, а иногда глубоко запрятанная причина. Именно поэтому книги Кэти Гласс – это одновременно дневник опекуна и учебник для приемного родителя, художественный роман и публицистика, вскрывающая множество проблем современного общества. Бедность,

безответственность, алкоголизм, наркомания, агрессия – в Великобритании истоки сиротства всё те же, что и у нас. Люди с завидным постоянством повторяют одни и те же ошибки, а должностные лица порой точно так же не видят за статистикой и бумагами живого ребенка. Кэти Гласс знает о недостатках системы опеки Великобритании. Благодаря ее книгам у нас появляется уникальная возможность не повторять чужих ошибок, учиться на них.

Книга Кэти Гласс «Ты меня полюбишь?» издается на русском языке впервые. Фонд «Арифметика добра» совместно с издательством «Эксмо» сделали перевод с английского языка и выпустили благотворительный тираж, который предназначен для будущих и состоявшихся приемных родителей, усыновителей и опекунов. Также для всех желающих обычный тираж книги будет доступен в книжных магазинах.

Почему наш фонд обратил внимание на книгу именно этого автора? Детей, которые живут без семьи, в нашей стране до сих пор слишком много – десятки тысяч. И им нужны надежные и заботливые взрослые, готовые принять в свою семью. Однако именно сейчас мы переживаем сложный период в семейном устройстве сирот. Можно сказать, кризис. В детских домах (Центрах содействия семейному воспитания) остались дети, которых не так-то просто усыновить и тяжело воспитывать: это подростки старшего возраста, дети с инвалидностью, сиблинги – братья и сестры, которых нужно устроить в одну семью. Даже если находится ресурсная семья, готовая взять на себя такую большую ответственность, ей понадобится серьезная моральная, психологическая и даже материальная поддержка. Кроме того, в учреждениях сегодня большое количество малышей и ребят постарше, у которых родители не лишены родительских прав, не ограничены в них, но не могут в данный момент заботиться о своих детях. И им тоже нужна семья, только временная – та, которая поможет сохранить и развить социальные навыки, окажет поддержку, будет заботиться и оберегать, но при этом сохранит отношения ребенка с его кровными родственниками и вернет его родным, когда придет время. Такая семья, как у Кэти Гласс. Профессиональная семья. Юридически эта форма устройства сирот в нашей стране уже существует – это «приемная семья». Но фактически, с точки зрения ее философии и организации процессов, здесь пока слишком много трудностей и еще больше пробелов. Да и наше общество демонстрирует слабую готовность к принятию такой формы опеки. В определенных кругах поднимается буря протеста, тиражируются лозунги о том, что любить родители должны просто так, что любая помощь в адрес

семьи – это «бизнес на детях». Аргументация абсурдная – кровным семьям не платят никаких пособий на содержание детей и не оказывают никакой дополнительной помощи, а они все равно воспитывают, потому что любят. На мой взгляд, с утверждением, что кровным родителям помощь не нужна, тоже следует серьезно поспорить. И уж точно невозможно согласиться с тем, что семьи вытянут сложных приемных детей самостоятельно, не являясь профессионалами своего дела, не чувствуя поддержки общества и защиты государства.

В России существует несколько форм семейного устройства, и между ними в последние годы, с момента введения формы «приемная семья», произошла существенная путаница. Нет четких указаний, какие дети должны быть устроены по форме «усыновление». Хотя очевидно, что маленькие, без особых проблем по здоровью, с полным статусом, принять которых в свои семьи хотят очень и очень многие граждане – об этом говорят огромные очереди из желающих усыновить младенца. И также нет регламента, какие именно дети должны устраиваться по форме опеки и возмездной опеки (приемная семья). Но по логике выходит, что именно дети из тех самых сложных для семейного устройства категорий. А также те дети (даже маленькие и без проблем по здоровью), которым предстоит со временем вернуться в кровную семью. Повторюсь, что возмездная опека – это и есть та самая профессиональная семья, но на практике всё пока, к сожалению, далеко не так. Нет должного отбора, подготовки и сопровождения таких семей. Как следствие, возникает ложное понимание формы устройства даже у самих приемных родителей. Лично знаю ситуации, когда ребенок воспитывается в семье с младенчества, даже хранится тайна усыновления, но он, оказывается, находится под возмездной опекой. Не усыновлен. Или опять же – оформлена приемная семья, кровные родители не лишены прав, а опекуны считают ребенка своим собственным и мысли не допускают о том, что с ним когда-нибудь придется расстаться. Такое смешение понятий и юридических форм приводит в итоге ко многим личным трагедиям.

Книга «Ты меня полюбишь?» на реальном примере показывает существенную разницу, которая есть между усыновлением и приемной семьей. Она рассказывает о том, как развиваются отношения между взрослым и ребенком. И о той границе, за которой взрослый старается не просто всеми доступными средствами помогать ребенку, но и вправе присвоить его, назвать безоговорочно своим.

Мне кажется, сегодня мы подошли к моменту, когда это важно обдумать и осознать. Серьезно поразмыслить над тем, кто

такие профессиональные приемные родители и почему они сегодня нужны. Важно перестать показывать лубочные картинки счастливой жизни с приемными детьми. И не менее важно прекратить поток мрачных прорицаний по отношению к приемным родителям и детям. Нужно говорить правду о множестве трудностей, с которыми сталкиваются люди, принявшие в семьи сирот, и одновременно избавлять общество от стигм и предрассудков. Это очень болезненный процесс – расставание с иллюзиями, – но пока в тему не будет погружено огромное количество людей, точнее, подавляющее большинство, об изменении ситуации не может идти речи. А значит, и проблемы сиротства – его профилактика, недостаток приемных семей для сложной категории сирот, отсутствие временных семей – не будут решаться никак. Даже в ситуации, когда государство оказывает значительное влияние, ничего не меняется, если само общество остается статичным. Вопрос уже не в деньгах, а в нас с вами. Вопрос в том, как мы собираемся с этим жить и что именно можем сделать. Каждый должен ответить себе на него. И, может быть, я слишком идеалистически настроен, но я верю, а точнее, твердо знаю – если общество начнет обращать больше внимания на проблему сиротства, не станет отмахиваться от правды, многое удастся решить.

Я далек от того, чтобы давать людям советы. Я также прекрасно понимаю, что совершенно бессмысленно утверждать «помогать должны абсолютно все». Мне чужды подобные призывы. Но понимать суть проблемы, не ограничивать себя мифологией и стигматизацией – это вопрос простого уважения к самому себе. И если вдруг у человека в результате полученных знаний, нового восприятия социальной проблемы откроется сердце, он испытает потребность поддерживать кого-то, не обязательно именно ребенка-сироту, то это уже очень сильно меняет и самого человека, и наше общество в целом. Задумавшись, он обязательно найдет для себя именно то доброе дело, которое ему по плечу: каждый делает свой выбор, руководствуясь тем, что исходит из сердца и от души. Здесь у каждого может быть только свой путь.

Для меня, например, новым этапом помощи детям стало основание благотворительного фонда «Арифметика добра». Именно ко Дню его рождения мы и приурочили выпуск книги Кэти Гласс «Ты меня полюбишь?». В этом году нам исполняется 4 года. Я пришел к созданию «Арифметики добра» через опыт поддержки детских домов и в результате усыновления 17 детей. Помощь в моем случае всегда была вопросом действия, так же произошло и с фондом. Всегда понимал, что в части сиротства в

благотворительной сфере нужно ставить перед собой самые амбициозные задачи и менять ситуацию системно. Действовать через изменение мировоззрения общества, через просвещение, через привлечение людей к этой проблеме и их объединение. Кстати, название фонда тоже возникло случайно, само по себе. В добре, в благотворительности заложена совершенно особая арифметика, не математическая. Здесь 1 + 1 это не 2, это гораздо больше.

Для меня создание фонда – это попытка вовлечь людей в решение проблемы сиротства. И чем больше добрых дел мы делаем все вместе, тем больше положительной энергии возникает вокруг нас, в целом мире. И тем счастливее становимся мы сами.

Благодарность

Огромное спасибо моему редактору Холли, моему литературному агенту Эндрю, а также Кэрол, Викки, Лоре и всей команде издательства HarperCollins.

Каждый раз, когда я слышу крик новорожденного…
Я понимаю, почему я верую.

«Я верую», Эрвин Дрейк

Пролог

Я услышала, как Пэт, опекун Люси, постучала в дверь ее спальни. Затем раздался скрип открываемой двери, а потом Пэт сказала:

– Люси, тебе звонит твой новый опекун, Кэти. Ты можешь выйти и поговорить с ней?

Наступила тишина. Я услышала, как захлопнулась дверь.

Через несколько секунд в трубке раздался голос Пэт:

– Я сказала ей, но она по-прежнему отказывается даже глядеть на меня. Она просто сидит на кровати и смотрит в пустоту.

Я забеспокоилась.

– И что мне делать? – с тревогой спросила Пэт. – Может быть, попросить мужа поговорить с ней?

– Она ему больше доверяет?

– Да нет, не сказала бы, – ответила Пэт. – Она и с ним не разговаривает. Мы можем оставить ее здесь до понедельника, когда придет работник социальной службы.

– И тогда Люси придется провести так все выходные, – вздохнула я. – Будет только хуже. Давайте еще раз попробуем позвать ее к телефону. Уверена, ей станет легче, если она поймет, что я не монстр.

Пэт усмехнулась.

– Джилл говорила, что вы отлично ладите со старшими детьми, – сказала она, вспомнив нашу общую знакомую из социальной службы.

– Мило с ее стороны. У вас стационарный телефон или беспроводная трубка?

– Беспроводной.

– Отлично. Тогда возьмите трубку с собой, постучите в дверь спальни, войдите и еще раз скажите, что я хочу поговорить с ней. Но теперь оставьте трубку на ее постели, лицом вверх, чтобы она могла меня слышать. И выйдите из спальни. Может быть, мне придется говорить в пустоту, но я к этому привыкла.

Пэт снова нервно усмехнулась.

– Держу за вас кулачки, – сказала она.

Я снова услышала, как Пэт поднимается по лестнице. Раздался осторожный стук и легкий скрип открывающейся двери. Когда Пэт заговорила, голос у нее слегка дрожал:

– Кэти все еще у телефона, и она хочет поговорить с тобой.

Я услышала шуршание – по-видимому, Пэт положила трубку на кровать Люси. Дверь захлопнулась. Я осталась наедине с Люси.

Мы с Люси убеждены, что нам было суждено стать матерью и дочерью. Нам просто потребовалось время, чтобы найти друг друга. Когда Люси появилась в моей жизни, ей было одиннадцать. Как бы мне хотелось, чтобы это случилось раньше! Мое сердце рвется от боли, когда я думаю, что ей пришлось пережить. Уверена, вы почувствуете то же самое. Чтобы рассказать историю Люси – нашу историю – с самого начала, нам нужно вернуться в ее детство. Я не знала ее, когда она была младенцем. С помощью документов мы смогли восстановить ее историю – и вот она перед вами, с самого начала…

Часть первая

Глава первая
Отчаяние

Февральский вечер в Англии выдался страшно холодным. В девять часов вечера было уже темно. Резкий северо-восточный ветер с воем бился в витрины маленьких магазинчиков: газетный киоск, небольшой продуктовый, магазин всего на свете, где можно было купить все – от пакетов с гвоздями до просроченных сладостей и печенья. В конце улицы притулилась маленькая прачечная. Четыре магазинчика с небольшими навесами замыкали узкую улочку домиков с террасами. Когда-то этот район входил в программу реновации городского совета, но бюджет давным-давно иссяк.

В трех магазинчиках было темно, окна надежно закрыты ставнями – после наступления темноты в этом районе бесчинствовали молодежные банды. Но прачечная, хотя и была закрыта для посетителей, светилась теплым светом. Машины работали. Свет люминесцентных ламп поблескивал на блестящем сером потолке, пар от работающих машин оседал на окнах. По самому большому окну над сушкой стекали ручейки воды. На подоконнике уже собрались лужицы.

Бонни, мать Люси, работала одна. Ей было около двадцати пяти лет. Худенькая девушка с тоненьким хвостиком на затылке. Она доставала влажную одежду из стиральных машин и закладывала ее в сушку, а потом перезагружала стиралки. Бонни работала на автомате. Шум машин, щелчки при переключении режимов стирки, полоскания, отжима и сушки задавали ритм. Работа напоминала хорошо отрепетированный танец. Когда все загруженные машины занимались своим делом, Бонни переходила к гладильной доске и начинала гладить рубашки, пока какая-нибудь из машин не подавала сигнала об окончании работы.

Бонни стояла у гладильной доски и тщательно разглаживала рубашки разведенных бизнесменов, которые гладить не умели и учиться не собирались, предпочитая ездить в прачечную из своих престижных районов по пути с работы. Обычно ей оставляли чаевые, что было очень кстати – денег, которые платил Бонни хозяин прачечной, Айвен, никак не хватало на жизнь одинокой матери с младенцем. Ну совсем никак.

Бонни работала в наушниках, включив свой плеер на полную громкость. Вокруг гудели машины. Она не услышала, как мужчина постучал в окно, а потом забарабанил по двери. Бонни

была полностью сосредоточена на работе. Она стояла спиной к двери, и мужчина мог бесконечно стоять у дверей, безуспешно пытаясь привлечь ее внимание. Дверь была заперта на надежный замок и двойной засов – когда Бонни работала по вечерам в одиночку, она всегда запиралась. Но через несколько мгновений она отставила утюг в сторону, чтобы подрегулировать громкость плеера. И в этот момент она уголком глаза заметила какое-то движение. Бонни подошла к окну и стала всматриваться в темноту. С удивлением она увидела у дверей мужской силуэт. А потом с облегчением узнала в нем Винса.

Бонни сняла наушники, выключила плеер и направилась к двери. Она ждала Винса – это из-за него она не стала закрывать ставни. Вечером он позвонил ей и сказал, что им нужно срочно увидеться, потому что он уезжает – навсегда. Известие о том, что отец ее ребенка уезжает, Бонни не поразило. Винс (на самом деле звали его иначе, но, как говорил он сам, англичанам его не выговорить) приехал из Таиланда по студенческой визе четыре года назад. Впрочем, насколько было известно Бонни, студентом он никогда не был. Виза его давно истекла. За те четырнадцать месяцев, что они были знакомы, Винс много раз говорил, что его разыскивают иммиграционные службы и ему придется уехать. Но после нескольких первых раз Бонни начала в этом сомневаться. Винс часто врал ей – и о возрасте, и о том, чем зарабатывает на жизнь. Бонни поняла, что это всего лишь оправдание для того, чтобы появляться в ее жизни и исчезать, когда ему захочется. И все же Бонни отодвинула засовы и открыла дверь. В прачечную ворвался холодный ночной воздух. По выражению лица Винса она поняла, что сегодня все не так. Обычно аккуратный Винс сегодня был каким-то взъерошенным. Несмотря на холод, на его лбу выступил пот.

– Звонила сестра, – сказал он, слегка задыхаясь. – Мать заболела. Мне нужно ехать к ней.

Он вошел в прачечную и запер за собой дверь.

Бонни смотрела на него. Он был такого же роста, что и она, пять футов восемь дюймов (172 см), со светло-оливковой кожей и абсолютно черными волосами. Как бы он к ней ни относился, она никогда не могла устоять перед его обаянием и красотой. Мать всегда говорила, что она сама виновата в том, что мужчины вытирают об нее ноги. Но Винс хотя бы не бил ее, хотя другие порой поднимали на нее руку.

– Твоя мать постоянно болеет, – ответила Бонни без злобы, просто констатируя факт. – Ты говорил, что за ней присматривает сестра.

Винс потер лоб тыльной стороной ладони.

– Ее положили в больницу. У нее рак, и ей недолго осталось. Я должен ехать домой.

Бонни всмотрелась в темные, почти черные глаза, пытаясь понять, правду ли он говорит. Ведь в его словах заключено ее будущее.

– Ты едешь домой? Летишь самолетом? – спросила она, повышая голос, чтобы перекричать шум машин.

Винс не сказал, что едет домой – только, что уезжает.

Винс кивнул и сунул руки в карманы кожаной куртки.

– Надолго?

Он пожал плечами.

– Может быть, навсегда…

– А твоя дочь? – Спокойствие Винса раздражало Бонни. Она никак не могла ему поверить. – Что я скажу Люси, когда она вырастет и начнет спрашивать про отца?

– Я напишу, – спокойно ответил Винс. – Я буду писать и звонить ей в день рождения.

– Как твой отец? – с горечью спросила Бонни.

Она знала, что отец звонит Винсу только в день рождения. Впрочем, честно говоря, она всегда знала, что Винс не хотел ребенка. Она сама решила не прерывать беременность.

– Я должен идти, – сказал Винс, с тревогой посматривая на дверь прачечной. – Мне нужно купить билет на самолет, но у меня нет денег.

Бонни горько усмехнулась.

– Поэтому ты и пришел? Чтобы занять денег? Нет, Винс. Я зарабатываю очень мало. Нам с малышкой еле хватает. У меня ничего не остается, ты же знаешь…

– Ты не платишь за квартиру, – перебил ее он. В голосе его зазвучало отчаяние. – У тебя наверняка есть деньги, и ты можешь мне их дать.

– Нет! Мне нужно оплачивать счета – за отопление и свет. Мне нужно покупать еду и одежду. Я уже говорила, у меня нет сбережений. Мне еле хватает на нас с Люси.

Бонни по-настоящему разозлилась. Настоящий мужчина давно все понял бы и не стал бы просить.

– У меня отчаянное положение, – умоляюще произнес Винс. – Ты же не помешаешь мне увидеться с умирающей матерью, верно?

Бонни почувствовала, что Винс пытается ею манипулировать, но справиться с чувством вины было очень трудно.

– У меня нет денег… Честно, совсем нет…

Глаза у Винса стали холодными. Он иногда становился таким, хотя рядом с ней это случалось редко. Бонни испугалась –

ей открылась та сторона этого человека, которой она никогда не видела.

– Касса, – сказал он, переводя взгляд в дальний угол прачечной, где на столе, закрепленном на полу, стояла касса. – У тебя есть дневная выручка. Пожалуйста… Я в отчаянии… Я все верну, обещаю…

– Нет, – твердо ответила Бонни, ощущая холодок в спине. – Это невозможно. Я говорила тебе, что за человек Айвен. Он постоянно твердит, что изобьет меня, если выручка снизится. И он это сделает, я точно знаю. Он на это способен. Ты же не подвергнешь меня опасности?

Но по глазам Винса Бонни поняла, что он так и поступит. Он не отрывал глаз от кассы, нервно облизывая губы.

– Ты не понимаешь, – пробормотал он. – Дело не в матери. Я задолжал серьезным людям. Они убьют меня, если я не отдам им деньги. Прости, Бонни, но у меня нет другого выхода…

В чем же дело? В болезни матери или в кредиторах? Бонни не знала, но это ее больше не волновало. Винс окончательно предал ее. Она с ужасом смотрела, как он упорно двигается к кассе. Бонни видела, как он открывает ящик и выгребает деньги. Ей не верилось, что собственная безопасность волнует этого мужчину больше, чем судьба женщины и ее ребенка. Винс готов был на все, лишь бы спастись. Он выгреб все деньги, которые она заработала за ручную стирку, сушку и глажку. В кассе было фунтов пятьсот, а то и больше. Каждый вечер она забирала эти деньги домой, чтобы утром отдать Айвену. Бонни подумала об Айвене и о том, что он сделает с ней, обнаружив отсутствие денег. Она понимала, что должна остановить Винса.

– Нет, Винс! – крикнула она, бросаясь к кассе. – Нет! – Она схватила его за руку. – Нет! Остановись! Подумай о Люси! Айвен убьет нас, если ты заберешь деньги.

– Он этого не сделает, – хмыкнул Винс, – а меня бандиты убьют точно.

Он оттолкнул ее, продолжая набивать карманы деньгами.

– Нет! Остановись!

В отчаянии Бонни схватила Винса за руки, пытаясь остановить его, но он отшвырнул ее в сторону.

Она снова схватила его, но его ответный толчок был намного сильнее. Она отлетела, сильно ударившись спиной о металлический корпус стиральной машины. Бонни вскрикнула от боли. Винс быстро выгреб последние деньги, сунул их в карман и, даже не посмотрев на нее, выбежал из прачечной.

Бонни осталась на месте, пытаясь перевести дух. Она

пыталась осознать, что произошло. Винс ушел, по-видимому, навсегда. Он забрал все деньги Айвена – деньги, которые Айвен хочет получить завтра в восемь утра. Слезы текли по щекам Бонни. Она прислонилась к стиральной машине, пытаясь понять, что делать дальше.

В прачечной наступила необычная тишина. Сушильные машины, которые работали, когда пришел Винс, закончили свою работу и стихли. Стиральные машины тихонько ворчали, барабаны вращались, гоняя воду туда-сюда. Бонни смотрела на распахнутую дверь – уходя, Винс не захлопнул ее. Зимний холод быстро вытеснял привычное тепло. Если она не закроет дверь, то сюда ворвутся пьяные наркоманы. Впрочем, денег-то все равно не осталось, с мрачной улыбкой подумала она. Теперь нужно думать только о себе.

Оторвавшись от стиральной машины, Бонни потерла поясницу и двинулась к двери. Несмотря ни на что, Бонни не осуждала Винса за то, что он сделал. Она была уверена, что сама заслужила это. Насилие – это ее вина. С хорошими девушками такого не случается. Она была дурной, и мужчины обращались с ней дурно. Все очень просто. Она закрыла и заперла дверь, задвинула засовы и осмотрелась. Корзины с бельем ждали стирки и сушки, глажка была не закончена. А нужно было еще убраться и навести порядок, чтобы прачечная могла открыться в половине восьмого утра. Бонни обычно делала все это перед сном. Айвену нравилось приходить в аккуратно убранную прачечную за деньгами в восемь утра. Хотя убираться приходилось до полуночи, но Бонни всегда делала то, чего ожидал от нее хозяин.

Но не сегодня. Нет смысла заканчивать стирку и убираться, если потеряны все деньги. Чисто убранной прачечной этого не искупишь. Она подумала, что можно было бы сказать, что прачечную ограбили, но никто же не врывался и не ломал замки. Айвен вряд ли ей поверит, так что лучше не рисковать. Бонни страшно боялась Айвена, как, впрочем, и других мужчин, которые появлялись в ее жизни.

На сердце у нее было тяжело. Спина болела. Бонни пошла в угол комнаты, открыла внутреннюю дверь, которая вела в квартирку наверху. Она нажала на выключатель, и на лестнице загорелся свет. Потом Бонни выключила свет в прачечной – весь, кроме маленького ночника, который горел всю ночь. Закрыв дверь прачечной, она стала подниматься наверх. Она слышала, как в квартире плачет Люси. По отчаянным крикам Бонни поняла, что Люси плачет уже очень, очень долго.

Глава вторая
Бегство

На середине влажной вонючей лестницы, застеленной скользящим под ногами ковром, свет выключился. Айвен установил таймеры на выключателях, чтобы не тратить электричество впустую: он платил за свет в прачечной и на лестнице, Бонни – за свет в квартире. Как всегда, ей пришлось последние шесть ступенек преодолевать в темноте. Она добралась до выключателя на площадке и включила свет – еще на десять секунд: достаточно, чтобы открыть дверь квартиры и войти.

Дверь открывалась прямо в комнату, где лежала Люси. Крик малышки стал оглушительным. В комнате горела небольшая лампочка – оставляя Люси в одиночестве (а это случалось довольно часто), Бонни не гасила свет. Люстра на потолке никогда не работала, и Айвен никогда не предлагал починить ее. В полумраке Бонни подошла к Люси. Девочка лежала в небольшой колыбельке-корзинке на полу. Глаза ее были зажмурены, а ротик разинут в крике. Пахло ужасно – поносом и рвотой: в последний раз Бонни переодевала Люси более пяти часов назад. Она знала, что нельзя оставлять малышку так надолго, но ей нужно было работать. Она понимала и то, что в шесть месяцев Люси давно переросла свою корзинку, но купить кроватку было не на что. Бонни ставила корзинку на пол, чтобы, если Люси выберется, она не упала бы.

Когда Бонни взяла девочку на руки, Люси открыла глаза и перестала плакать. Но на ее личике не появилось того спокойного удовлетворения, какое появляется у детей, знающих, что о них позаботятся. При виде матери она не заулыбалась, как это делают большинство детей в таком возрасте. Бровки Люси нахмурились, в глазах появилось беспокойство и тревога. Казалось, она чувствует страх матери и неуверенность в будущем.

Белье в корзинке, одеяльце и одежка Люси были покрыты пятнами засохшей рвоты. На одежке Бонни заметила свежие коричневые пятна – подгузник не выдержал. У Люси уже третий день были рвота и диарея, и Бонни знала, что нужно пойти к врачу, но для этого придется зарегистрироваться в компьютерной системе – и тогда приход социального работника станет лишь вопросом времени. Пока что никто не знал, где она находится, даже ее мать. О существовании Люси знали только в больнице, где родилась девочка, а больница находилась в ста милях отсюда.

Бонни пощупала лоб девочки. К счастью, лоб оказался не

горячим, значит, температуры у Люси нет. Бонни надеялась и молилась, чтобы природа взяла свое и Люси стало лучше просто так, хотя она не представляла, сколько времени на это уйдет. Не обращая внимания на беспорядок в комнате, Бонни понесла дочь в ванную и включила свет. Грязная плитка вся растрескалась, старую ванну покрывали желтые пятна. В жалкий линолеум намертво въелись пятна от подтекающего унитаза, потолок почернел из-за протекающей крыши. Как и во всей квартире, в ванной было холодно, между плитками, по бортику ванны и вокруг окна чернела плесень. Открыть окно было невозможно, но от ветра оно постоянно стучало. Бонни знала, что это помещение – как и остальные, которыми ей было позволено пользоваться: гостиная и кухня, – для нормальной жизни не подходит. Айвен это тоже знал. Бонни не жаловалась, потому что ей некуда было идти. Двери двух спален были заперты, а ключи хранились у Айвена. Он никогда не говорил ей, что находится в этих комнатах, а она не осмеливалась спросить.

Расстелив на грязном полу ванной свое полотенце, Бонни осторожно положила дочку на него. Люси сразу же принялась плакать – она чувствовала, что ее ожидает.

– Тише, тише, – прошептала Бонни. – Прости, но мне нужно тебя помыть.

Когда Люси плакала, Бонни охватывала паника. Ей казалось, что она все делает неправильно.

Бонни начала снимать с девочки грязную одежду, и Люси заплакала еще громче.

– Перестань плакать, – с тревогой сказала Бонни. – Тебя услышит наш сосед.

Рядом с прачечной находился газетный киоск. Его хозяин, азиат, жил в квартире наверху с женой и двумя детьми. Он уже дважды приходил в прачечную – он слышал, как здесь долго плакал младенец, и беспокоился за него. Бонни удалось его успокоить, но с того времени она жила в страхе, что он выскажет свое беспокойство полиции или социальной службе.

Бонни отложила грязную одежку Люси в сторону и расстегнула подгузник. Запах был настолько сильный, что ее саму чуть не вырвало. Прежде чем снять подгузник, она привычным движением открыла над ванной горячую воду. Холодная вода с воем полилась из крана. Трубы стонали и выли. Бонни держала руку под тонкой струйкой воды, пока она не стала чуть теплой. Горячее она уже не станет – и сама Бонни, и Люси мылись чуть теплой водой, и Люси всегда плакала.

Бонни сняла с Люси подгузник и, держа девочку над ванной, стала ее обмывать. Люси зарыдала еще громче.

– Шшшш, – прошептала Бонни, обтирая девочку старой фланелевой тряпкой. – Пожалуйста, не кричи…

Но Люси не понимала.

Вымыв попку и спину дочки, Бонни повернула ее и стала мыть животик. Потом настала очередь личика и волосиков. Когда вода полилась по головке и лицу, Люси закричала во всю мощь своих легких.

– Ну вот и все, – прошептала Бонни. – Все кончилось!

Выключив воду, она подняла Люси из ванны и положила на полотенце. Относительное тепло и комфорт мягкой ткани успокоили девочку, и она перестала плакать.

– Хорошая девочка, – с облегчением прошептала Бонни.

Она встала на колени рядом с дочкой и стала вытирать ее полотенцем. Люси пристально следила за движениями матери, готовая в любой момент снова заплакать. Закончив вытирать дочку, Бонни закутала ее в полотенце и принесла в гостиную, где царил полумрак. Она села на потрепанный диван, держа Люси на коленях.

– Сейчас мы тебя оденем, – сказала она, целуя девочку в макушку.

Из пакета, лежавшего, как и все другое, прямо на диване, Бонни вытащила подгузник. Вещей у Бонни было немного – все ее имущество и вещи девочки умещались на диване и кресле. «Мне хотя бы собираться долго не придется», – с горечью подумала она. Она не знала, куда бежать, но понимала, что после того, как Винс забрал деньги Айвена, другого выхода у нее нет.

Положив Люси на диван, Бонни надела на нее чистый подгузник, а потом потянулась за чистой детской одеждой. Работа в прачечной имела серьезное преимущество – она могла бесплатно стирать и сушить свою и детскую одежду.

Бонни очень быстро натянула на Люси все ее одежки. Единственным отоплением в квартире был электрический камин, но пользоваться им было слишком дорого. Поэтому Бонни полагалась на тепло, поднимающееся из прачечной: в квартире было не холодно, но и тепло не было никогда.

Пока Бонни одевала девочку, Люси не плакала. Она вообще не издавала никаких звуков. Бонни заметила, что Люси или плачет, или молчит. Ничего среднего не существовало. Она не агукала и не ворковала, как многие дети в ее возрасте. Все дело было в отсутствии стимуляции, но Бонни об этом не знала.

Одев Люси, Бонни сменила простынку в корзинке и понесла дочку на грязную кухню. Удерживая Люси на бедре одной рукой, другой она наполнила и включила чайник, а потом взяла пакет молока с подоконника. Холодильника в квартире не было,

поэтому зимой продукты лежали на подоконнике – из оконных щелей страшно дуло. Молоко, йогурт, сыр могли здесь храниться какое-то время. У стены стояла старая газовая плита, но конфорки работали еле-еле, поэтому Бонни пять месяцев жила на холодной консервированной фасоли, бутербродах с сыром, кукурузных хлопьях и печенье. Люси она кормила обычным молоком – детское питание стоило слишком дорого. Возможно, именно поэтому девочку постоянно тошнило и у нее расстраивался животик.

Бонни приготовила Люси молоко так, как делала это всегда – наполовину наполнила бутылочку молоком и опустила ее в кипящую воду. Специальных кастрюль у нее не было, и это был единственный выход. Она заварила себе чай, взяла несколько печений из открытого пакета и вернулась в гостиную. Бонни села на диван и дала Люси ее бутылочку. Бонни пила чай и нервно грызла печенье. Ей хотелось сбежать прямо сейчас, пока Айвен не пришел и не обнаружил пропажу денег. Но ночь выдалась холодной, поэтому стоило пробыть в квартире как можно дольше. Бонни решила уйти в шесть утра – за два часа до прихода Айвена. Этого времени будет достаточно, чтобы убраться подальше.

Изможденная физически и эмоционально, Бонни откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Люси сосала молоко из бутылочки. Бонни думала, стоит ли поехать в Шотландию, к матери, но та вряд ли ей обрадуется. Мать воспитывала Бонни одна. У нее постоянно жили любовники, и некоторые пытались соблазнить Бонни еще в детстве. У матери и без нее достаточно проблем. Бонни терпела, сколько могла, но потом сбежала. В семнадцать лет она оказалась на улице с одной лишь холщовой сумкой, где лежали все ее вещи. Она спала под мостами и везде, где могла найти кров. Старшие братья Бонни ушли из дома еще раньше и не давали о себе знать. Когда Люси допила молоко и заснула, Бонни поняла, что идти ей некуда – поэтому-то она в свое время и оказалась у Айвена.

«Диоралит»! Эта мысль поразила Бонни, как молнией. Это лекарство рекламировали по телевизору, когда она год назад жила со сквоттерами, и у них был телевизор! Это лекарство дают младенцам и детям от поноса и тошноты! Бонни точно помнила. У нее было немного денег – полученные чаевые. Когда аптеки откроются, она купит «Диоралит», и Люси станет лучше. Настроение у Бонни улучшилось. Она посмотрела на мирно спящую дочку и почувствовала острый приступ любви и жалости. Бедная малышка, в который раз подумала она. Она заслуживает лучшего, но Бонни знала, что бездомная мать-одиночка вряд ли

сможет ей это дать.

Стараясь не разбудить Люси, Бонни осторожно поднялась с дивана и уложила девочку в корзинку. Она тщательно накрыла ее одеялом, чтобы холод не проникал в колыбельку. В комнате стало очень холодно – стиральные машины давно не работали. Тут Бонни поняла, что сегодня им можно и не мерзнуть – можно не думать о счете за отопление: ведь она все равно не собирается его оплачивать. В последнюю ночь в квартире Айвена можно и согреться! Бонни подвинула электрический обогреватель в середину комнаты, поближе к себе и колыбельке, но не слишком близко, чтобы не обжечься и не повредить одежду. Она включила его, и спирали быстро покраснели. В комнате стало тепло. Бонни начала зевать, глаза ее закрылись. Она с ногами забралась на диван, спихнула пакет с подгузниками, свернулась клубочком, положив голову на груду одежды и заснула.

Проснулась она от плача Люси. Сквозь драные шторы Бонни увидела, что на улице светает.

– Черт! – выругалась она, садясь на диване. – Сколько времени?

Порывшись в сумке, она вытащила телефон. Господи! Семь утра! В тепле она заснула слишком крепко. Айвен придет через час, а то и раньше! Сердце у нее заколотилось.

Не обращая внимания на рыдающую в корзинке Люси, Бонни схватила пустую бутылочку и бросилась на кухню. Она наполнила чайник, сполоснула бутылочку «горячей» водой. Когда чайник вскипел, она вернулась в гостиную и, не обращая внимания на крики Люси, сменила ей подгузник. У девочки снова был понос – нужно найти аптеку как можно быстрее. Положив Люси в корзинку, Бонни бросилась на кухню, налила последнее молоко в бутылочку и согрела ее в кипящей воде. В гостиной она сунула соску в рот Люси и прислонила бутылочку к краю корзинки, чтобы девочка могла сосать, пока она будет собираться.

Бонни запихнула всю свою одежду, подгузники и полотенца в холщовую сумку, натянула куртку с капюшоном (пальто или чего-то более теплого у нее не было), застегнулась. Бонни бросилась в ванную, сходила в туалет, вымыла руки чуть теплой водой, взяла зубную щетку и рулон туалетной бумаги, вернулась в гостиную и запихала все это в сумку. Никаких туалетных принадлежностей и косметики у нее не было. Все это стоило очень дорого, а рисковать, чтобы украсть это, ей не хотелось. Она вполне могла прожить без мыла и макияжа.

На кухне Бонни собрала последние оставшиеся продукты – полпакета печенья, два йогурта и тюбик сырной пасты. Она не

забыла прихватить чайную ложку из ящика, чтобы можно было съесть йогурт. Все это тоже отправилось в сумку. Сумка была так набита, что Бонни с трудом застегнула молнию. Она упаковала почти все. Осталась лишь грязная одежда Люси, но ее придется бросить. Для этого нет места, да и запах будет.

Бонни снова посмотрела на часы. Пятнадцать минут восьмого. Сердце у нее забилось еще чаще. Ей нужно быть очень осторожной, чтобы не наткнуться где-нибудь на Айвена. Каждое утро он приезжал на машине, но она не знала, с какой стороны. В последний раз окинув взглядом комнату, Бонни подхватила сумку и корзинку-колыбельку. Ее охватили смешанные чувства – здесь у них был кров над головой и хоть какие-то деньги. Бонни почувствовала острую боль в спине – в том месте, каким она ударилась о стиральную машину, когда Винс ее оттолкнул.

Открыв дверь, которая вела на лестницу, Бонни включила свет, вытащила на площадку корзинку с Люси и сумку, и закрыла дверь за собой. Она начала осторожно спускаться по лестнице. Внутри ее все сжималось от страха. Пройти можно было только через прачечную. Если Айвен вдруг приехал раньше – а он пару раз так делал, – пути к отступлению не будет. Задняя дверь наглухо закрыта для защиты от хулиганов. Свет, как обычно, погас, когда Бонни была на середине лестницы. Бонни очень осторожно спустилась по оставшимся ступенькам, вцепившись в корзинку и опираясь локтем на стену. У основания лестницы она нажала на выключатель и увидела дверь прачечной. Она открыла ее, вошла и закрыла за собой. Ни одна машина не работала. В помещении было очень тихо и холодно. Бонни двинулась к двери, не отрывая взгляда от окна, чтобы вовремя заметить появление Айвена. Сердце отчаянно колотилось в груди. Выглянув из окна, она открыла дверь. Колокольчик звякнул. Бонни вышла. Дверь с табличкой «Закрыто» захлопнулась за ней.

Глава третья
Тревоги

Морозный северо-восточный ветер продувал легкую одежду Бонни насквозь. Она направилась в город, и ей нужно было пройти около мили. Четкого плана у нее не было, но на улицах она была не новичком. Бонни отлично знала, что «Макдоналдс» на главной улице открывается в шесть утра, а многие такие заведения работают круглосуточно. Там всегда тепло, а если купить хоть что-то – пусть даже самое дешевое – и тихонько устроиться в углу, персонал обычно не обращает на тебя внимания. В прошлом году она так познакомилась с Джамилем. Он сел за соседний столик, и они разговорились. Узнав, что она ночует на улице, он пригласил ее в свою компанию сквоттеров, куда входили восемь человек – мужчины и женщины лет двадцати. Многие из них находились на соцобеспечении. У одной был четырехлетний ребенок. Тогда Бонни подумала, что ребенка не следует заставлять вести такую жизнь, что ему лучше было бы в приемной семье или социальном интернате. Но теперь, когда у нее появился собственный ребенок, все изменилось. Она готова была на все, лишь бы ребенок оставался с ней. Бонни прожила со сквоттерами два месяца и ушла, когда в ее жизни снова появился Винс. Шагая по направлению к городу, Бонни подумала, что тогда совершила серьезную ошибку. Люси проснулась и теперь смотрела на нее.

– Эй, у вас все в порядке? – рядом неожиданно раздался мужской голос.

Бонни от неожиданности остановилась и оглянулась. У тротуара остановилась полицейская машина. Офицер опустил стекло и смотрел прямо на нее, ожидая ответа.

– Да, все нормально, – ответила она, сразу же запаниковав.

– Рановато вы выбрались из дома с малышкой в такой холод, – продолжал офицер, поглядывая на корзинку Люси.

Бонни почувствовала знакомый приступ паники – паника охватывала ее всегда, когда приходилось иметь дело с полицией.

– Я еду в отпуск, – со слабой улыбкой сказала она, стараясь говорить спокойно.

По выражению лица полицейского она поняла, что он ей не верит – и это было понятно. Посреди зимы мало кто едет в отпуск, да и выглядела она не по-отпускному.

– Я еду к тете, – пояснила Бонни. – На несколько дней, пока муж в командировке.

Ложь была настолько глупой, что Бонни была уверена: полицейский ей не поверит. В открытом окне машины она видела ноги женщины-полицейского, сидевшей на пассажирском сиденье.

– А где живет ваша тетя? – спросил первый офицер.

– На противоположном конце города, – тут же ответила Бонни. – Не очень далеко.

Женщина-полицейский наклонилась, чтобы рассмотреть Бонни через окно.

– Сколько вашему малышу? – спросила она.

– Шесть месяцев.

– И он ваш?

– Конечно! Не волнуйтесь, мы недолго будем на улице. Как только подойдет автобус, мы уедем.

Бонни увидела, что первый офицер потянулся к ключам зажигания. Дурной знак. По опыту она знала, что, если он заглушит двигатель, ей будут задавать новые вопросы, а то и устроят проверку по компьютеру. Если бы не Люси, она могла бы сбежать, но сейчас эта дорога была отрезана. Как убежать от полиции с огромной сумкой и Люси в корзинке?

– Так где живет ваша тетя? – спросила женщина-полицейский, пока водитель глушил двигатель.

«Вот черт!» – подумала Люси и быстро выпалила:

– В Бердуотер-истейт.

Она никого там не знала, но видела название на автобусах.

И тут в полицейской машине включилась рация: «Требуется немедленная поддержка – серьезное дорожно-транспортное происшествие на трассе». Бонни с облегчением увидела, что водитель снова запускает двигатель.

– Похоже, с вами все в порядке, – сказала женщина-полицейский, откидываясь на спинку своего сиденья. Бонни больше не видела ее лица.

– Все хорошо, – сказала она. – Спасибо за беспокойство.

Водитель поднял стекло, и машина с включенной мигалкой и сиреной помчалась на вызов.

– Чуть не попались, – пробормотала Бонни и ускорила шаг.

Она знала, что привлечет внимание любого полицейского, озабоченного судьбой ребенка: одна, на улице в мороз, с большой сумкой и корзинкой-колыбелькой. Точно так же она пришла в прачечную Айвена в половине восьмого утра, когда Люси был всего месяц. Она давно заметила полицейскую машину, патрулировавшую этот район. Прачечная только что открылась, и Бонни бросилась туда. Айвен страшно ругался: женщина, работавшая на него, день назад сбежала с деньгами. Они

разговорились. Когда Бонни узнала, что при прачечной можно еще и жить, то тут же согласилась занять это место.

Она перешла дорогу и села на автобусной остановке. До города было всего две остановки, и она могла позволить себе взять билет. Кроме того, женщина с ребенком на автобусной остановке привлекает меньше внимания, чем идущая по пустым холодным улицам.

В восемь утра Бонни вошла в ярко освещенный ресторан фастфуда вместе с обычными клиентами, пришедшими позавтракать. Ей хотелось пить, руки и спина у нее болели от корзинки и сумки. Ей нужно было в туалет. Есть тоже хотелось – кроме печенья вечером, у нее во рту крошки не было. Оставался последний бутерброд с сырной пастой. Хотя у нее были деньги на завтрак, Бонни не представляла, сколько времени придется жить на улице, поэтому не хотела тратиться. Только самое необходимое. Бонни открыла дверь в коридор, который вел к туалетам. Оттуда вышла работница ресторана.

– Ой, малыш! – удивленно произнесла она и отправилась в зал, убирать со столов.

Бонни с трудом протиснулась в дамский туалет. К счастью, там никого не было. Она оставила сумку и корзинку с Люси возле кабинки, вошла и не стала закрывать дверь. Слив воду, она вышла, помыла руки, посушила их под воздушной сушкой. Когда включилась сушка, Люси заплакала.

– Все в порядке, малышка, – успокоила ее Бонни и быстро выключила сушку.

Она подняла корзинку и сумку и тут заметила собственное отражение в зеркале. В ярком свете она показалась себе еще более бледной, чем обычно. Похоже, она похудела: скулы заострились, под глазами появились темные круги. Бонни с ужасом подумала, что, если жизнь ее не изменится, она станет похожа на мать – годы пьянства, курения и постоянных драк с любовниками не прошли для нее бесследно.

Вернувшись в ресторан, Бонни заказала горячий шоколад для себя и пакет молока для Люси.

– Здесь или навынос? – уточнил кассир.

– Здесь, – ответила Бонни.

Она расплатилась, поставила стакан и пакет в корзинку, чтобы унести все за один раз, направилась к длинной скамье в дальнем углу ресторана – подальше от кассиров и от входной двери, из которой страшно дуло. Поставив корзинку рядом, Бонни принялась за шоколад. Горячий, сладкий напиток успокаивал, навевал воспоминания о горячем молоке, которым в

детстве поила ее бабушка. Интересно, что теперь с бабушкой, подумала Бонни. Мать с ней поссорилась, и они несколько лет не разговаривали. Бонни любила бабушку, хотя и не видела ее вот уже восемь лет, с того момента, как покинула дом.

Из сумки она достала пакет с последним печеньем, положила на колени, чтобы персонал не видел, и быстро съела. Сахар поднял ей настроение и избавил от чувства голода. Люси смотрела на нее, но вроде бы не была голодна, поэтому Бонни решила оставить молоко на потом. Она понадежнее расположила пакет в корзинке, чтобы воспользоваться им при необходимости. Еще у нее остались йогурты, и один можно будет дать Люси попозже. Бонни уже начала давать девочке мягкую пищу – йогурт, пережеванное печенье, хлеб, размоченный в чае. Когда они найдут жилье и у нее появятся деньги, она начнет покупать настоящее детское питание.

– Всегда так быть не может, – громко сказала Бонни, повернувшись к дочери и нежно погладив ее по щечке. – Все будет хорошо, обещаю…

Впрочем, она представления не имела, когда и как все станет хорошо…

В девять утра Бонни подхватила сумку и корзинку с Люси и вышла из ресторана в поисках аптеки. Люси спала. Хотя сегодня ее не тошнило и поноса вроде не было, Бонни хотела купить лекарство, чтобы быть во всеоружии, когда возникнет необходимость. Она твердила себе, что старается быть хорошей матерью, но это очень трудно, когда у тебя нет дома, постоянного дохода и матери, которая могла бы послужить образцом для подражания. В детстве она считала, что хаос и нищета, в которых живут она сама и ее братья, это совершенно нормально, что так живут все. Но когда она стала постарше и начала ходить в гости к другим детям, то ей стало ясно: это ненормально, ее все жалеют и осуждают ее мать за то, как она относится к дочери и сыновьям. Бонни удивлялась, почему никто не вмешался. Возможно, все дело было в ужасном характере ее матери – она была скора на расправу, особенно когда была пьяна. Возможно, поэтому социальные службы не спасли ее и ее братьев, как других детей. А может быть, их и не стоило спасать. Они не заслужили этого – в последнее время она думала так все чаще.

Бонни заметила бело-синий крест аптеки и направилась туда. В аптеке были два покупателя: дама, которая рассматривала что-то на полках, и мужчина у стойки. Бонни осмотрела полки в поисках лекарства, но не нашла. Когда мужчина отошел от стойки, она обратилась к провизору – женщине-азиатке средних

лет в ярком сари.

– Знаете, мне нужен «Диоралит», – сказала Бонни.

– Для вас? – спросила женщина, оглядывая Бонни с головы до ног.

– Нет, для ребенка.

– Сколько ему?

– Шесть месяцев.

Женщина посмотрела в корзинку, которую Бонни держала перед собой.

– Что с ним?

– Рвота и диарея.

– И как давно?

– Два дня.

– Если симптомы сохранятся, вам нужно обратиться к врачу.

Женщина-провизор потянулась к полке и достала коробку с надписью «Диоралит».

– Здесь шесть пакетиков, – сказала она, ставя коробку на стойку и постукивая по ней пальцем. – Действуйте по инструкции. Смешайте содержимое пакетика с водой или молоком. Вы же понимаете, что это не лечит рвоту и диарею? Это средство восстанавливает потерянные с жидкостью соли и глюкозу. Если вашему ребенку не станет лучше в течение суток, вам нужно обратиться к врачу.

– Обязательно, – кивнула Бонни, вытаскивая из кармана кошелек.

– С вас четыре фунта двадцать, – сказала женщина.

– Так много?! – воскликнула Бонни. – А не могу я купить только два пакетика?

Аптекарша внимательно посмотрела на Бонни. Бонни поняла, что нужно просто заплатить и уйти. За стеклом она заметила мужчину, наверное, мужа аптекарши. Он отвлекся от своих дел и смотрел на нее. Аптекарша вышла из-за стойки и наклонилась над корзинкой, чтобы посмотреть на Люси.

– Я чувствую запах, – сказала она, трогая лобик девочки, чтобы проверить температуру. Люси заворочалась, но не проснулась.

– Наверное, от одеяла, – защищаясь, ответила Бонни. – У меня не было времени все постирать перед отъездом. Одежда у нее чистая.

– Вы мерили температуру?

– Да, – солгала Бонни. – Она же не горячая, правда?

– Нет, но это не всегда хорошо. Какая у нее температура?

– Нормальная, – ответила Бонни, понятия не имея, какой она должна быть.

Женщина посмотрела на нее и вернулась за стойку.

– Младенцы очень быстро заболевают – и серьезно, – сказала она. – Вы должны внимательнее следить за ней. Если вы пойдете к своему врачу, вам выпишут бесплатный рецепт. Где вы живете?

– 86 Хиллсайд-гарденз, – Бонни назвала адрес прачечной, откуда только что ушла. Других адресов по соседству она не знала.

– Вам все еще нужен «Диоралит»?

– Да, – кивнула Бонни и протянула пятифунтовую банкноту.

– Помните: если девочке не станет лучше, вам нужно обратиться к врачу, – повторила аптекарша, протягивая ей сдачу.

– Обязательно, – ответила Бонни, думая только о том, чтобы побыстрее уйти.

Она положила сдачу в кошелек, кошелек и коробку с лекарством в корзинку Люси и быстро вышла из аптеки.

Но аптекарша, миссис Пател, встревожилась. Молодая женщина была очень худой и бледной, а ребенок явно болен. Женщина вела себя возбужденно, корзинка младенца была старой и потертой – миссис Пател уже много лет таких не видела. И почему мать оказалась на улице посреди зимы, с сумками и больным ребенком? Что-то не складывалось. Что-то явно было не так. Миссис Пател понимала, что ее вмешательство может прекратить страдания и даже спасти жизнь. Через полчаса она поделилась своими соображениями с мужем. Он остался в аптеке, а она пошла в кабинет и позвонила в социальную службу.

– Может быть, это и не важно, – сказала она, как это делают многие, кто звонит по этому номеру. – Меня зовут миссис Пател, я работаю в аптеке, 137, Хай-стрит. Я только что обслуживала молодую женщину с больным ребенком, и это меня беспокоит. Вы не могли бы проверить ее адрес?

Так социальная служба впервые узнала о Люси – о шестимесячной девочке, у которой есть адрес, но нет имени.

Глава четвертая
Помощь запоздала

Через три дня Миранда остановила свою машину на первом попавшемся свободном месте чуть в стороне от прачечной, вышла и пошла по улице, раскрывая зонтик. Она первый год работала в социальной службе – только что получила квалификацию. Поэтому ей поручали относительно простые дела. В социальной службе зафиксировали обращение миссис Пател и передали его начальнику Миранды, который и дал ей задание. Миранда уже связалась с врачом, который обслуживал указанный адрес, но выяснилось, что никакой информации о молодой матери с ребенком, проживающей по этому адресу, у него нет. И Миранда лично отправилась в этот дом, чтобы проверить сигнал миссис Пател.

Только стоя перед домом, Миранда поняла, что это не дом, а прачечная – последний магазинчик в ряду из четырех. Дождь барабанил по ее зонту. Она подошла к уличному указателю, чтобы понять, правильно ли она приехала, потом заглянула за прачечную – нет ли там двери в дом номер 86. Ничего не обнаружив, она вернулась к прачечной, закрыла зонтик и вошла. Она сразу попала в душную, влажную, нездоровую атмосферу. Хотя почти все машины работали, в прачечной было всего два человека. Пожилой мужчина сидел на скамейке перед машинами, ожидая завершения стирки. В дальнем углу гладила белье крупная женщина лет под сорок. Она увидела Миранду и, заметив ее замешательство, с сильным восточноевропейским акцентом спросила:

– Могу я вам чем-то помочь?

Миранда подошла к ней и спросила:

– Это дом 86 по Хиллсайд-гарденз?

– Да, – подтвердила женщина, отставляя в сторону утюг.

– Вы хозяйка?

– Нет, я просто здесь работаю. А в чем дело?

– Я пытаюсь найти молодую женщину с ребенком, которая, возможно, жила здесь, – объяснила Миранда.

Женщина посмотрела на нее с подозрением, и Миранда подумала, что выразилась недостаточно понятно:

– Я бы хотела увидеть женщину с ребенком, которая живет здесь.

– Нет, здесь живу я. – Женщина указала на потолок. – Я – Алисия, и мой муж.

– У вас есть младенец? – спросила Миранда. Хотя Алисия не походила на женщину, которую описывала миссис Пател, может быть, она – ее родственница?

– Конечно нет, – ответила Алисия. – Моему сыну восемь лет. Он живет в Польше.

– А здесь кто-нибудь еще живет?

– Вы из полиции? – прищурившись, спросила Алисия. – Мы живем здесь по закону. У моего мужа есть виза.

– Нет, я не из полиции, – улыбнулась Миранда, чтобы немного успокоить женщину. – Я – социальный работник.

Алисия озадаченно нахмурилась.

– Социальный работник, – повторила Миранда, сожалея, что не занималась польским языком, как некоторые ее коллеги. Указывая на себя, она сказала: – Я – добрая женщина. Я помогаю людям. Я хочу помочь женщине с ребенком.

– Не из полиции? – уточнила Алисия.

– Нет. Социальный работник. Здесь живет женщина с ребенком?

– Нет. Никаких детей. Только я и мой муж.

– А вы не знаете молодой женщины лет двадцати пяти с шестимесячным младенцем? – спросила Миранда. Может быть, женщина, которую она ищет, жила у Алисии или приходила в гости.

– Нет, – покачала головой Алисия и снова указала на потолок. – Показать вам нашу квартиру?

Миранда не собиралась осматривать квартиру – у нее и прав на это не было. Но Алисия сама пригласила, поэтому она решила осмотреть квартиру, чтобы понять, жил ли там ребенок.

– Да, спасибо, – согласилась она. – Это очень любезно с вашей стороны.

Алисия коротко кивнула, отключила утюг и направилась к двери в дальнем углу комнаты. Она открыла дверь, включила свет и стала подниматься по влажной, грязной лестнице. Миранда последовала за ней.

– Айвен очень злился на девушку с ребенком, – сказала Алисия. – Айвен – хозяин прачечной, а она украла его деньги и сбежала.

– Понимаю, – кивнула Миранда. – Значит, здесь жила девушка с ребенком? А теперь она ушла?

Она вскрикнула от неожиданности – свет погас.

– Не волнуйтесь, я сейчас включу. – Алисия поднялась на площадку и включила свет снова. Миранда последовала за ней.

– Да, она ушла, – сказала Алисия, открывая дверь в квартиру. Мы с мужем приехали вчера вечером. Еще не распаковались.

Вслед за Алисией Миранда вошла в квартиру. Как и на лестнице, здесь было влажно и грязно. Унылый зимний дождь просачивался сквозь щели грязных окон. Даже в полумраке Миранда поняла, что такая квартира для жизни никак не приспособлена.

– Мы еще не успели распаковаться, – извиняющимся тоном сказала Алисия, указывая на сумки, картонные коробки и чемоданы на полу. – Не было времени.

Миранда слабо улыбнулась и кивнула. Взгляд ее упал на нейлоновые спальные мешки на грязном, потрепанном диване и кресле.

– Кроватей нет, – сказала Алисия, поймав взгляд Миранды. – Айвен сказал, кроватей нет. Он запер дверь в спальни. Ключи у него. Мы с мужем спим здесь.

Не в первый раз с начала работы в социальной службе Миранда с изумлением и отвращением видела, в каких условиях приходится жить некоторым людям. И хотя это был еще не самый худший вариант из виденных ею, но здесь было ужасно. Она чувствовала унижение Алисии: ей с мужем – двум взрослым, работающим людям – приходится жить в таких условиях. Миранда разозлилась на хозяина прачечной, безжалостно эксплуатирующего иммигрантов.

– И здесь жил ребенок? – спросила Миранда. Она поверить не могла, что младенец мог жить в таких условиях.

– Да, – кивнула Алисия. – Мать оставила грязный подгузник и одежду. Детскую одежду. Я вам покажу.

Вслед за Алисией Миранда пробралась между коробок и сумок на кухню. Ледяной холод, обваливающаяся штукатурка и грязь – как и во всей квартире. Миранда заметила, что на кухне нет никаких шкафов и холодильника. Алисия подошла к ряду завязанных мешков с мусором, прислоненных к старой плите. Развязав один мешок, Алисия наклонила его, чтобы Миранде было видно. В мусоре Миранда увидела грязный подгузник и детскую одежду. Запах был настолько отвратительным, что она отшатнулась.

– Я выброшу это позже, – быстро сказала Алисия, завязывая мешок. – И в квартире уберусь, когда закончу работу.

Миранде хотелось спросить, сколько Алисия с мужем платят за эту трущобу, но это ее не касалось. Начав работать в социальной службе, она поняла, что социальные работники не могут спасти всех, кто живет в бедности. На это никаких денег не хватит. Поскольку здесь не было ни ребенка, ни взрослого, находящегося в опасности, она могла уходить. Она ничего не могла сделать.

– Я покажу вам ванную? – предложила Алисия. – А потом мне нужно работать. Айвен разозлится, если я не буду работать.

– Спасибо.

Миранда вышла из кухни, снова обошла все сумки и коробки и направилась в ванную. Там все было так, как она и ожидала: грязно, плесень на стенах и вокруг окна, старая ванна, растрескавшаяся раковина, рваный линолеум, подтекающий унитаз и никакого отопления. Невозможно было представить, что тут жила женщина с младенцем.

– Вы не знаете, куда ушла эта женщина? – спросила Миранда, когда они вышли на лестницу и Алисия зажгла свет.

– Нет, – покачала головой Алисия. – Хорошо, что Айвен не знает. Он страшно зол. Она взяла его деньги, но он плохой человек. Он пугает меня. Но моего мужа ему не запугать.

Алисия пошла вперед и включила свет внизу, чтобы Миранда смогла спокойно спуститься, не поскользнувшись в темноте.

– Теперь мне нужно работать, – сказала Алисия, когда они оказались в прачечной.

– Спасибо, что уделили мне время, – поблагодарила ее Миранда. – Вы очень помогли. – Она достала из сумки небольшую визитку социальной службы и вручила ее Алисии. – Здесь есть мой рабочий телефон. Если девушка с ребенком вернется, позвоните мне, пожалуйста.

Алисия кивнула, сунула визитку в карман джинсов и включила утюг.

– Она не вернется. Она сбежала от Айвена. Может быть, вам поговорить с мужчиной из соседнего магазина? Он приходил сегодня утром. Спрашивал про ребенка. Он беспокоился – его жена слышала, как младенец плакал.

– Спасибо, обязательно зайду к ним, – поблагодарила Миранда. – Берегите себя.

– Пожалуйста.

Миранде страшно хотелось сделать что-нибудь, чтобы помочь Алисии, и ее мужу, и тысячам других, кого безжалостно эксплуатируют. С этим чувством она вышла из прачечной. Не раскрывая зонта, она быстро вбежала в газетный киоск по соседству. Социальный работник подобен детективу – постоянно приходится расспрашивать соседей, друзей и родных, пытаясь представить себе портрет человека, которого ищешь. Некоторые помогают с охотой, другие отказываются. Кто-то грубит и даже угрожает. Такая работа.

Когда Миранда входила, из киоска вышли два подростка. Она подошла к стойке. За стойкой стоял азиат в очках и толстом

джемпере. Он посмотрел на Миранду и улыбнулся.

– Чем могу вам помочь?

– Я – социальный работник, – улыбнулась в ответ Миранда, – и…

– Вы пришли из-за ребенка по соседству? – перебил ее хозяин магазина.

– Да, – ошарашенно ответила Миранда.

– Вы опоздали. Она ушла. Моя жена видела, как они ушли в понедельник утром, примерно в половине восьмого. Мы очень беспокоились. Вам следовало прийти раньше.

– Мы не знали, что они здесь живут, – ответила Миранда, доставая свой блокнот и ручку, чтобы записать дату и время.

– Мать с ребенком приехали примерно пять месяцев назад, – продолжал азиат. – Мы с женой слышали, как плачет ребенок. Мы слышали это каждый вечер, пока мать работала внизу в прачечной. Нельзя оставлять ребенка в одиночестве так надолго. Мы очень беспокоились. У нас двое детей, и, когда они были маленькими, мы всегда утешали их. Мы никогда не оставляли их.

– Вы знаете, как ее зовут? – спросила Миранда, записывая его слова.

– Нет. Но малышку звали Люси. Я знаю, потому что, когда я пришел узнать, все ли в порядке, мать называла ее Люси. Она гладила, стиральные машины работали, стоял такой шум, что она просто не слышала, что ребенок плачет наверху. Когда я сказал, что мы услышали плач ребенка за стеной, она очень встревожилась и отложила утюг. Она сказала, что сейчас же пойдет к девочке. Она очень много работала, слишком много для женщины с ребенком. Думаю, ей нужны были деньги.

– Да, спасибо, я понимаю, – нахмурившись, пробормотала Миранда. – Могу я записать ваше имя?

– Мистер Сингх.

Миранда записала.

– Жена предлагала ей присмотреть за ребенком, пока она работает, – продолжал мистер Сингх, – но она отказалась. Я понимаю, ведь она не знала нас. Но было бы лучше позволить нам присмотреть за девочкой, чем оставлять ее без присмотра.

– У этой женщины был партнер или бойфренд?

– Нет, насколько я знаю. К ней иногда заглядывал мужчина восточной наружности. Но не думаю, что он жил здесь.

– Вы видели ребенка?

– Нет, – покачал головой мистер Сингх. – Ребенок всегда был в квартире. Она никогда не выходила. Мы видели ребенка только в понедельник, когда она уходила. Жена выглянула из окна и позвала меня. Мы видели, как она уходила. Ребенок лежал в

странной корзинке. У нее с собой была большая сумка, и мы поняли, что она уходит. Бежит, я думаю. Она была очень встревожена и постоянно оглядывалась. Вот тогда мы видели ребенка единственный раз.

– Спасибо вам.

– Эта женщина была очень замкнутой. Может быть, у нее были проблемы с полицией, не знаю. Она была молодой, чуть за двадцать. Бледная кожа, светлые волосы, очень худенькая. Жена всегда говорила, что ее следовало бы как следует подкормить.

– Полагаю, вы не знаете, куда она могла направиться?

– Нет. Я же говорил, она никогда с нами не общалась. Мы только слышали, как плачет ребенок.

– Спасибо, вы очень помогли, – сказала Миранда, убирая ручку и блокнот в сумку. Она достала еще одну визитку и протянула ее мистеру Сингху. – Если вы увидите ее снова, не могли бы вы позвонить по этому номеру.

– Конечно, – кивнул он и положил визитку на стойку. – Надеюсь, вы их найдете. Мы с женой очень волнуемся о ребенке. Дети – это же так прекрасно!

– Да, это так, – согласилась Миранда. – Я постараюсь их найти.

Еще раз поблагодарив, Миранда вышла из магазинчика. Она была встревожена сильнее, чем раньше. Совершенно ясно, что мать не могла присматривать за Люси. Но она почти ничего не могла сделать: ей не были известны ни фамилия, ни номер социального страхования, ни адрес женщины. Под проливным дождем Миранда побежала к машине, села в нее и закрыла дверцу. В офисе она обсудит все со своим начальником, и тот убедится, что она ничего не упустила. Как жаль, что соседи не позвонили в социальную службу или полицию – тогда Люси и ее матери можно было бы помочь. Но они, как и многие, не говорят о своих подозрениях, считая неэтичным шпионить за другими людьми. Все надеются, что ответственность возьмет на себя кто-то другой. И кто-то другой позвонит.

Когда Миранда вернулась в офис, Бонни была в трех милях от нее, она ехала в поезде в другой большой город в сорока милях отсюда. Там жила ее тетя Мэгги. Две ночи Бонни ночевала на улице, страшно беспокоясь о состоянии Люси. В конце концов она все же позвонила матери и попросила помощи. Мать, к ее удивлению, оказалась трезвой. Она никак не ожидала, что Бонни ей позвонит. Впрочем, то, что у нее есть ребенок, мать не удивило.

– Я всегда знала, что ты будешь шлюхой, – закашлявшись,

пробормотала она. – Какова мать, такова и дочь!

Бонни с трудом сдержалась, чтобы не сказать, что она никогда не была такой, как мать, и никогда такой не станет – даже через миллион лет! Но ей нужна была помощь матери. Впрочем, та сразу же сказала:

– Если думаешь, что можешь вернуться домой, забудь об этом! Мой новый дружок приехал с детьми, так что места для тебя нет.

Бонни ничего другого и не ожидала – мать всегда думала только о себе.

– А бабушка? – спросила она. – Может быть, мы с Люси можем пожить у нее, как раньше?

Мать цинично рассмеялась.

– Давно же ты не была дома! Бабка в доме престарелых. Окончательно с ума свихнулась и ног лишилась.

Бонни расстроилась из-за бабушки. Безразличие матери выводило ее из себя. Нужно было раньше обратиться к бабушке, может быть, все было бы иначе. Она уже хотела повесить трубку, но мать сказала:

– Позвони тете Мэгги. Она всегда была без ума от детей.

Тетя Мэгги была единственной родственницей, с которой мать поддерживала связь. Хотя Бонни ее совсем не помнила – они виделись, когда ей было всего три года, – Мэгги всегда присылала матери открытку на Рождество, приглашая приехать.

– Дай мне ее адрес и телефон, – попросила Бонни.

– Скажи «пожалуйста»!

– Пожалуйста.

Мать продиктовала адрес и телефон, и Бонни все записала.

– Пока, – сказала мать, не добавив ни «береги себя», ни «звони». И повесила трубку.

Бонни почувствовала обиду на мать, которая не видела ничего особенного в том, чтобы приютить своего нового приятеля с его детьми и прогнать родную дочь и внучку. Впрочем, она к этому давно привыкла. Мать всегда была такой. Вряд ли она могла измениться. Я никогда не поступлю так со своей дочерью, подумала Бонни.

На последние деньги она купила билет на поезд. Позвонить Мэгги уже было не на что. Бонни собиралась просто приехать. Она надеялась на лучшее. О тете Мэгги, кроме того, что она была замужем и любила детей, Бонни знала только то, что она была мулаткой. Они с матерью Бонни были сводными сестрами: отцы у них были разными, но отец Мэгги был чернокожим.

Люси спала в своей корзинке рядом с Бонни. Под мерный перестук колес она тоже задремала. В дороге она получила

эсэмэску от Винса: «Самолет взлетает через полчаса. Пока. Винс». Она не ответила. Так Бонни в последний раз общалась с отцом Люси.

Глава пятая
Семья

Ктете Мэгги Бонни приехала около шести вечера. Тетя жила в викторианском таунхаусе на окраине города. Бонни вся измучилась и замерзла. Ей пришлось всю дорогу от вокзала тащить сумку и корзинку с Люси – а это было больше мили. Бонни поставила корзинку на ступеньку, радуясь хоть малому облегчению, и нажала кнопку звонка. Ей уже было ясно, что этот дом не похож на дом матери и на те места, где она жила прежде. Аккуратный садик, свежепокрашенная красная дверь, небольшое деревце в горшке в портике и коврик у двери – все говорило о том, что за этим домом ухаживают. И ухаживают за теми, кто здесь живет.

Бонни еще раз нажала на звонок и почувствовала, что сердце ее забилось. А вдруг дома никого нет? Что ей тогда делать? Вдруг тетя Мэгги не захочет ей помогать? Бонни не знала даже, чего она хочет от тети Мэгги – ведь она была ей чужой. Но она так отчаялась, что готова была пойти по любому адресу, какой дала бы ей мать или кто-то еще. Невозможно жить на улице с ребенком. Она молила бога, чтобы тетя Мэгги помогла ей – ведь ей больше некуда было идти.

Она услышала шаги за дверью – детские шаги, как ей показалось. Дверь распахнулась. На пороге стояли мальчик и девочка лет десяти. Они улыбались ей. Дети были одного роста, с крупными темными глазами и темной кожей. Курчавые волосы мальчика были подстрижены коротко, а девочка заплела аккуратные косички.

– Кто там? – раздался женский голос.

Дети с любопытством смотрели на Бонни.

– Не знаем, мам! – крикнул мальчик. – Какая-то женщина!

– Что она продает?

Дети перевели взгляд с Бонни на Люси в корзинке.

– Ребенка! – со смехом прокричал мальчик.

Дети расхохотались, и Бонни впервые за долгое время почувствовала, что улыбается.

– Нет, я не продаю своего ребенка, – с улыбкой сказала она. – Скажите маме, что приехала Бонни.

Детям не пришлось это пересказывать. Бонни увидела, что женщина уже сама спешит к дверям. Она оказалась среднего роста, довольно пухленькая, в черных брюках и яркой блузе.

– Чем могу вам помочь? – сказала она, подходя к двери и

глядя на Бонни, ее сумку и ребенка в корзинке. Дети стояли по бокам от матери.

– Вы Мэгги? – спросила Бонни.

Женщина кивнула.

– Ваш адрес дала мне мама. Я Бонни.

На лице женщины отразилось удивление, а потом она поняла, кто перед ней.

– Дочь моей сестры! – воскликнула она. – Господи боже! Что ты здесь делаешь?

Шагнув вперед, она крепко обняла Бонни.

– Ты должна была сказать, что приезжаешь. Я и понятия не имела.

Бонни почувствовала себя неловко. Ей не нравился физический контакт, особенно с незнакомыми людьми. Когда Мэгги ее отпустила и отступила в сторону, Бонни стало легче.

– Как ты смогла дойти по такому холоду, с сумкой и с ребенком? – затараторила Мэгги. Бонни не успела ответить, как ее уже втащили в дом. – Входи же, на улице так холодно. Господи, девочка! Давай я тебе помогу!

Мэгги подняла корзинку с Люси со ступенек и внесла в дом, одновременно заглядывая в лицо девочки. Обычно Бонни никого к дочке не подпускала, но тут она почувствовала, что не имеет ничего против тети Мэгги. Ощущение того, что контроль теперь в руках другого человека, приносило ей облегчение.

– Оставляй здесь сумку и обувь, – сказала Мэгги, указывая на полку под аккуратной вешалкой. – У тебя нет пальто, девочка?

– Нет, – Бонни никак не могла сдержать дрожь.

– Ну входи же, согрейся, – расстроенно произнесла Мэгги.

Под взглядами детей Бонни сняла кроссовки. Она видела, что дети и Мэгги ходят босиком, но, в отличие от Бонни, ноги у них были чистыми.

– Простите, – смущенно пробормотала она. – Пришлось ночевать на улице.

Мэгги печально вздохнула.

– Сюда, – сказала она и повела Бонни в аккуратную гостиную.

Мэгги увидела толстый розоватый ковер, фарфоровые статуэтки на полках, семейные фотографии в рамках. В доме было тепло и уютно. Настоящий дом, какого она никогда не знала.

– Значит, сестра послала тебя ко мне? – спросила Мэгги, ставя корзинку на пол и откидывая одеяльце, чтобы разглядеть Люси. Дети тоже с интересом заглянули в корзинку.

– Вроде того, – ответила Бонни. – Мне некуда было идти, и она предложила поехать к вам.

– Мать не позвала тебя домой?

– Нет.

– Ну хорошо. Давай сначала разберемся с твоей дочкой, а потом уж займемся тобой. Как ее зовут?

– Люси.

– Когда она ела в последний раз?

Мэгги видела, что Люси яростно сосет свой кулачок.

– Около двенадцати. Думаю, она уже проголодалась.

– Конечно! Бедная малютка! Это было шесть часов назад. Ребенок не может столько обходиться без еды. Сколько ей?

– Чуть больше шести месяцев.

– Все хорошо, лапа, – проворковала Мэгги, качая Люси на руках. – Сейчас мы тебя накормим и уложим.

Детям она приказала:

– Поднимитесь наверх и позовите сестру. Скажите Лайзе, что она мне нужна – пусть присмотрит за ужином. И сейчас же, а не тогда, когда ей будет удобно.

Дети бросились исполнять поручение. Бонни поняла, что они привыкли слушаться мать, а Мэгги привыкла, что ее слушаются. И хотя Мэгги говорила жестко, Бонни чувствовала, что она очень заботливый и любящий человек. Она была настолько не похожа на ее мать, что трудно было поверить, что они – сестры.

Шаги детей затихли наверху, потом послышались их крики:

– Эй, Лайза! Мама тебя зовет! Угадай, зачем?!

Бонни неловко устроилась на краю дивана. Мэгги посмотрела на нее и улыбнулась:

– Расслабься, девочка. Потом расскажешь, что с тобой случилось. А пока что нам нужно покормить и вымыть малышку. Она больна? Я чувствую запах рвоты…

– Она болела, но я дала ей лекарство из аптеки.

– Ты не показывала ее врачу?

– Нет. Рвота прекратилась.

– Что она ест? – спросила Мэгги, вытаскивая из корзинки пустую бутылочку.

– Молоко, йогурт, мягкую пищу…

Мэгги не стала говорить, что она думает…

– Хорошо, начнем с бутылочки молока, а потом искупаем ее. А когда она привыкнет, устроим ей ужин. Нужно постирать ее одежду и одеяльце.

– В сумке есть ее одежда, – сказала Бонни, радуясь, что Мэгги знает, как им помочь.

На лестнице раздались шаги, и снова появились дети. Теперь с ними была девочка-подросток в легинсах и красивой тунике. Она посмотрела на Бонни, перевела взгляд на Люси на руках

матери.

– Лайза, это Бонни, – сказала Мэгги. – Дочь моей сестры, твоя двоюродная сестра. Помоги мне с ужином, пока я разберусь с этой малышкой.

Бонни показалось, что на лице Лайзы мелькнула обида, но она кивнула и направилась на кухню.

– Подержи малышку, а я приготовлю ей бутылочку, – сказала Мэгги, передавая Бонни девочку.

Она взяла бутылочку, которую стоило бы как следует вымыть, и исчезла на кухне. Дети остались и с интересом смотрели на Бонни.

– Ты будешь спать здесь? – спросил мальчик.

– Не знаю, – пожала плечами Бонни.

– У тебя нет дома? – спросила девочка.

Бонни покачала головой и перевела взгляд на Люси. Малышка сосредоточенно сосала свой кулачок.

– Как это? – поразился мальчик. – Как это – у тебя нет дома, мамы и папы?

– Просто нет – и все.

Любопытство детей мучило Бонни. Она слышала приглушенные голоса, доносившиеся с кухни, и надеялась, что Мэгги скоро появится. Уверенность детей пугала ее. С Мэгги она чувствовала себя в безопасности. Люси вот-вот начнет плакать – и это беспокоило Бонни еще больше.

Мэгги на кухне тщательно вымыла грязную бутылочку горячей водой.

– Неудивительно, что малышку тошнит, – сказала она, третий раз оттирая ободок бутылочки губкой.

Молоко подогревалось на плите. За ним следила Лайза, одновременно мешая что-то на сковородке.

– Она останется у нас? – спросила Лайза, глядя на мать.

– Сегодня точно, – кивнула Мэгги. – Уже поздно и холодно. Ей нельзя уходить с ребенком. Им некуда идти.

– Ты положишь ее на кровать Бетт? – Лайза стукнула ложкой по краю сковородки, чтобы стряхнуть овощи, потом положила ее на кухонный стол.

– Да, только сегодня.

Лайза понимала, что жаловаться бесполезно. Мать решила, что Бонни будет спать на кровати старшей дочери, пока та в университете.

– А девочка? Она тоже будет спать со мной?

– Придется, пока я не придумаю, как быть.

Мэгги перелила теплое молоко в чистую бутылочку и понесла в гостиную, где Бонни стала кормить Люси. Сама же она

поднялась наверх, чтобы приготовить спальню.

* * *

Вечером, когда Люси была накормлена, переодета и уложена, вся семья собралась за ужином. Мэгги долго говорила с Бонни, и ей стало ясно, что нет смысла звонить сестре, поскольку та не может и не хочет помогать собственной дочери. И Мэгги приняла ответственность на себя, хотя сразу же дала понять, что Бонни остается в ее доме лишь на время, пока не найдет себе жилье. Судя по документам социальной службы, Бонни и Люси прожили у Мэгги два месяца. Это было лучшее время в жизни Бонни – она впервые жила в настоящей, любящей семье, с женщиной, которая по-настоящему заботилась о ней.

Каждый вечер, когда муж Мэгги, Леон, возвращался с работы, вся семья собиралась за большим круглым столом, застланным безупречно чистой скатертью. Столовые приборы сверкали. Ужин был главным событием дня. Все болтали и смеялись, рассказывали новости, обсуждали события дня. Бонни никогда прежде ничего подобного не видела. Поначалу она чувствовала себя неловко. Эта шумная семья ее пугала. Она ела молча. Но со временем и Бонни начала оттаивать. Она стала присоединяться к разговору, хотя ей почти нечего было сказать. Больше всего говорил Леон, он оказался отличным рассказчиком. Бонни нравилось его слушать. Он был настоящим отцом, совершенно не похожим на тех мужчин, которых приводила домой мать. Леон вырос в большой семье с Ямайки и привык к тому, что дома постоянно гостят родственники. Поэтому пребывание Бонни и Люси его не тревожило. Он работал механиком в автобусном парке, чинил и обслуживал муниципальные автобусы. Мэгги была домохозяйкой, но подрабатывала в местном детском саду – управляла кухней и следила за обедами. Лайза очень скоро забыла свою обиду и перестала жаловаться на тесноту и необходимость делить комнату с кем-то. Ей нравилось ухаживать за Люси. А девочка, оказавшись в тепле и сытости, почти не плакала по ночам. Семья тети казалась Бонни идеальной – как те, что в Рождество показывают по телевизору. Она мечтала бы остаться здесь навсегда.

Утром после приезда Бонни Мэгги настояла на том, чтобы показать Люси врачу. Бонни и Люси она зарегистрировала у своего врача, как временных пациентов, проживающих по ее адресу. Доктор проверил сердце, легкие и желудок Люси, задал Бонни массу вопросов – на все она отвечала: «Кажется, да». Врач

сказал, что ему нужно свериться с компьютерной системой относительно прививок – если какие-то пропущены, он пришлет им вызов. Рвота и понос, по-видимому, были связаны с гриппом. Поскольку симптомы прошли, то с ребенком все в порядке и больше можно не приходить. Бонни с облегчением вздохнула, узнав, что Люси здорова, но ее беспокоило то, что теперь информация о них есть в компьютерной системе и к ней в любой момент могут прийти.

– Не волнуйся, девочка, – успокоила ее Мэгги. – Патронажные сестры помогают матерям маленьких детей. Тебе не о чем беспокоиться. Все в порядке.

Конечно, Мэгги не знала, в каких ужасных условиях жили Бонни и Люси. Она не знала, что социальные службы уже настороже, что социальная работница приходила в прачечную и обнаружила отсутствие Бонни. Мэгги присматривала за ней, как за дочерью. Она кормила и одевала ее, давала ей карманные деньги, а Бонни помогала ей по дому, как и другие дети. Мэгги научила Бонни готовить, установила для Люси распорядок дня, научила Бонни играть с дочерью, чтобы стимулировать ее развитие – Бонни представления обо всем этом не имела. Мэгги начала правильно приучать Люси к твердой пище – сначала к разнообразным пюре. Бонни с радостью прислушивалась к советам тети, и Мэгги решила, что из нее получится хорошая мать. Она сказала Леону:

– Хоть Бонни и не самая лучшая мать на свете, но она любит своего ребенка и умеет выживать.

В доме Мэгги Бонни увидела, какой должна быть настоящая семья, и многому научилась. Впервые в жизни она почувствовала, что ее любят и ценят, а не просто терпят, как это было в доме матери и в ее отношениях с мужчинами. Осознав глубокую пропасть между своей жизнью и жизнью своих кузенов, Бонни страшно злилась на мать – та не только ей не помогала, но и допускала самое ужасное. Она рассказала об этом Мэгги. Однажды утром, когда дома остались они вдвоем, Бонни спросила разрешения позвонить матери, и Мэгги позволила.

Сама Мэгги ушла в другую комнату, но она все слышала, потому что Бонни говорила громко, а потом перешла на крик. Она обвиняла мать во всем, что та не сделала, в том насилии, какому она подвергалась. Она твердила, что мать виновата в том, какой жизнью жила ее дочь. В конце концов Мэгги ее прервала, потому что Бонни дошла до истерики. Она положила трубку и долго утешала Бонни, пока та не успокоилась. Вечером, когда Бонни уже спала, ее мать позвонила сестре. Она была пьяна. Она твердила, что Мэгги «вбивает ей в голову дурацкие идеи»

и настраивает против нее. Мэгги пыталась урезонить сестру, но безуспешно. В конце концов Леон вырвал у нее трубку и повесил ее.

Хотя Бонни понимала, что жизнь в доме тети Мэгги – это временно, что Мэгги подыскивает ей жилье, когда такое жилье нашлось, это стало для нее шоком. Однажды Мэгги вернулась с работы и объявила, что нашла небольшую меблированную квартирку для Бонни и Люси всего в миле от их дома. Спальня там достаточно просторная, чтобы поставить кровать и детскую кроватку. Есть маленькая кухня и ванная. Кроме того, домохозяин не возражал против оформления документов на возмещение. Мэгги объяснила Бонни, что, когда у нее будет постоянное жилье, она может подать заявление о возмещении арендной платы, пока она не найдет работу и не определится с уходом за ребенком. Условия были такие хорошие, что Мэгги, опасаясь, что квартира может уйти, внесла депозит и заплатила за первый месяц. Бонни поблагодарила, но Мэгги видела, что девушка расстроена. И хотя в доме не было места, чтобы Бонни жила здесь постоянно, Мэгги терзало чувство вины. На Пасху Бетт должна была вернуться из университета на каникулы, а после окончания она обязательно вернется в родной дом. Кроме того, младшие дети Мэгги до сих пор жили в одной комнате.

На собственные деньги Мэгги купила кроватку, постельное белье, коляску, теплое пальто для Бонни и детскую одежду на вырост. Шкафы в новой квартире она заполнила продуктами, помогла Бонни переехать и дала ей пятьдесят фунтов на первое время, пока она не получит возмещение. Мэгги понимала, что сделала для Бонни все, что было в ее силах. Убедившись, что у Бонни и Люси есть все необходимое, она пообещала звонить и навещать их и велела Бонни почаще приезжать к ним и постоянно звонить.

Первые несколько недель все шло хорошо. Мэгги навещала их дважды в неделю. Хотя в квартире часто царил беспорядок, Люси была ухоженной, чистенькой и сытой. Но уже в следующем месяце Мэгги начала беспокоиться. Когда она звонила по пути на работу, Бонни часто была еще в постели, хотя была уже половина двенадцатого. Заезжая, Мэгги часто заставала Бонни в ночной рубашке, а Люси все еще лежала в кроватке. Хотя Бонни говорила, что они поднялись рано, что она уже накормила и переодела Люси, Мэгги начала сомневаться в этом. Судя по состоянию девочки, ее подгузников, одежды и постельного белья, Бонни не переодевала ее довольно давно. И Люси постоянно была

голодной. Пару раз, когда Мэгги ожидала, пока Бонни ей откроет, она слышала плач Люси – несчастный и отчаянный. А потом она заметила, что в шкафах нет никаких продуктов – только молоко и йогурты в холодильнике, хотя Бонни исправно получала возмещение и пособие.

– Как вы тут живете? – встревоженно спросила Мэгги.

Бонни сразу же перешла к обороне. Она пожала плечами и сказала, чтобы Мэгги уходила, потому что ей самой нужно скоро уходить.

Мэгги встревожилась не на шутку. После работы она вернулась к Бонни с сумкой продуктов, но Бонни ее не впустила. Мэгги знала, что она дома – она слышала плач Люси. Она постучала и позвала ее, но Бонни так и не открыла. Мэгги уехала, оставив пакет с продуктами у двери. Она не понимала, что сделала не так. В тот вечер и на следующий день Мэгги много раз звонила Бонни, но та не брала трубку и не перезвонила сама. Не понимая, что происходит, и беспокоясь за безопасность и благополучие Бонни и Люси, Мэгги отправилась к врачу – к тому, к которому Бонни и Люси ходили после приезда. Она рассказала о своем беспокойстве и сказала, что не знает, что делать. Врач ответил, что врачебная тайна не позволяет ему обсуждать Бонни и Люси, но он попросит патронажную сестру посетить их. Проверив всю информацию, он обнаружил, что они все еще зарегистрированы как временные пациенты по адресу Мэгги. Мэгги дала ему их новый адрес, и врач ввел его в компьютерную систему. Через два дня патронажная сестра навестила Бонни и Люси. Ее впустили, но увиденное заставило ее обратиться в социальную службу.

Глава шестая
Невнимание

Дорис было уже далеко за тридцать, и она была опытным социальным работником. У нее были свои дети. Отношения с патронажной сестрой Бонни у нее сложились отличные. Дорис доверяла ее мнению. Если у сестры возникало беспокойство относительно кого-либо, действовать следовало немедленно. Дорис хотела посетить Бонни и Люси сразу же, но утром назначили экстренную конференцию по защите детей, днем ей пришлось пристраивать пятерых братьев в приемные семьи – так прошел весь день. И она отправилась к Бонни на следующее утро. В половине десятого она позвонила в дверь. Она не рассчитывала, что Бонни встретит ее при полном параде – немногие ее клиенты поднимались в это время. И Дорис позвонила еще раз.

Через минуту открылась соседняя дверь. Из нее высунулась пожилая дама.

– Вы из социальной службы?

– Да, – улыбнулась Дорис. Она и не знала, что это так заметно.

– Хорошо, – кивнула соседка. – Этот ребенок слишком много плачет, а мать не хочет со мной разговаривать.

С этими словами она исчезла в квартире и захлопнула дверь. Дорис снова нажала на кнопку звонка, преисполнившись решимости попасть внутрь. Если мать не ответит, она вернется позже. А если ей не откроют и на этот раз, она вернется с ордером и полицией.

Нажав на звонок еще раз, Дорис приподнялась на цыпочки и заглянула в почтовый ящик. Щель была закрыта, чтобы в комнате не гулял сквозняк. Дорис решила поговорить:

– Бонни, дорогая, вы там? Меня зовут Дорис, я социальный работник. Мы можем поговорить, дорогая? Вам не о чем беспокоиться.

По опыту Дорис знала, что не нужно сразу же заговаривать о защите детей. Иногда это было неизбежно – когда дети находились в опасности и их следовало изъять их семьи. Но чаще всего матерям нужна была просто поддержка и помощь.

Дорис снова нажала на звонок и стала ждать. Через несколько минут щелкнул замок, и дверь открылась.

– Здравствуйте, дорогая, – с улыбкой сказала Дорис. – Вы – Бонни?

Женщина кивнула. На ней была мятая футболка и шорты,

волосы растрепались. Она явно только что поднялась с постели.

– Что вам нужно? – неприветливо спросила она.

– Я социальный работник. Я пришла поговорить с вами, чтобы убедиться, что у вас все в порядке и вы получаете все, что вам причитается. Меня попросила зайти ваша патронажная сестра – я работаю с ней.

Сестра сказала Дорис, что следов насилия она не заметила, но уход, получаемый ребенком, явно не отвечает стандартам и граничит с полным невниманием. Впрочем, об этом Дорис сообщать не спешила.

– Могу я войти? – с улыбкой спросила она.

Молодая мать явно обиделась, но отступила в сторону. Дорис вошла в небольшой коридорчик, где стоял мешок с мусором, и закрыла за собой дверь. Ребенок не плакал, но в комнате сильно пахло использованными подгузниками.

– Вы можете сесть вон там, пока я подниму девочку, – ворчливо сказала Бонни, кивая на дверь гостиной, а сама направилась в спальню.

– Все нормально, – улыбнулась Дорис. – Я пойду с вами. Мы можем поговорить, пока вы будете ухаживать за ребенком.

Менее опытный социальный работник сел бы в гостиной и стал ждать, когда мать вернется, упустив возможность осмотреть дом клиента и понять, как женщина относится к ребенку или детям.

В спальне Дорис увидела смятую двуспальную кровать с одной подушкой. Судя по всему, Бонни сказала патронажной сестре правду: у нее нет постоянного партнера или бойфренда. Дорис заметила в углу груду грязного белья, беспорядок на подоконнике – он явно служил полкой. Возле стены стояла детская кроватка. Маленькая девочка сидела совершенно молча, вцепившись в прутья, как зверек в клетке.

– Какая славная девочка! – сказала Дорис, подходя к кроватке. Ей хотелось, чтобы Бонни расслабилась. Она почти физически ощущала ее враждебность, а это не способствует налаживанию отношений. – Ее зовут Люси, верно?

Бонни кивнула, подошла к кроватке и подняла дочку. Дорис заметила игрушки – погремушку и мобиль. Это хорошо, подумала она, но тут же заметила, что подгузник полон, и почувствовала сильный запах кала и аммиака. Судя по всему, девочка долго оставалась в одном подгузнике. Бонни положила Люси на кровать, взяла с подоконника рулон туалетной бумаги и стала переодевать дочку. Дорис заметила, что ребенок напрягся и сжался, словно ожидая боли. Бонни сняла мокрый подгузник, оторвала кусок туалетной бумаги и стала вытирать покрасневшую

попку ребенка. Девочка заплакала. Дорис ожидала реакции Бонни. Никакой реакции. Казалось, мать не замечает страданий девочки. Бонни продолжала вытирать попку Люси сухой туалетной бумагой, не пытаясь ее успокоить.

– У вас нет детских салфеток или крема? – спросила Дорис, когда Бонни потянулась за чистым подгузником.

– Нет, кончились.

– Вам нужно иметь дома запас. Сегодня же купите антисептический крем – или сходите к врачу за рецептом. Вы на пособии, так что лекарства для вас бесплатные. И сделайте это побыстрее – на ягодицах у девочки раздражение. Это причиняет ей боль.

Бонни рассеянно кивнула, взяла дочь на руки. Девочка перестала плакать. Бонни отнесла ее в гостиную. Дорис пошла за ними. То, что на девочке почти не было одежды, ее не беспокоило – был июнь, и в квартире было достаточно тепло. Но вот отсутствие общения между матерью и ребенком было плохим признаком. В десять с половиной месяцев ребенок обычно стремится привлечь внимание матери. Люси же даже не пыталась. Скорее всего, на нее так давно не обращали внимания, что она бросила попытки общения с матерью. И теперь мать тоже не пыталась общаться с дочерью. Она держала ее на руках, но не разговаривала с ней и почти не смотрела на нее.

Дорис заметила, что гостиная обставлена очень скромно, учитывая, что здесь живут мать с ребенком. Единственной мебелью были два старых креслах и шаткий журнальный столик. В этой комнате совсем не было игрушек – только куча пластиковых кубиков в углу. Пустая комната производила впечатление нежилой. Дорис решила, что мать и дочь большую часть времени проводят либо на прогулках, либо в спальне – возможно, они долго остаются в постели, что вполне вероятно, поскольку мать находится в состоянии явной депрессии, что бросилось в глаза патронажной сестре.

Дорис села в одно кресло, Бонни в другое. Люси она оставила на полу. Девочка тут же встала на четвереньки и медленно и неуклюже поползла к Дорис. Дорис было приятно это видеть, потому что во время визита патронажной сестры девочка не ползала. Дети, на которых не обращают внимания, часто не проходят этот важный этап развития. Поскольку они весь день остаются в кроватке, то их развитие остается на уровне новорожденных.

– Она отлично ползает, – доброжелательно сказала Дорис, доставая из сумки блокнот и ручку.

Бонни кивнула.

– Ты умная девочка! – Дорис улыбнулась Люси. Люси ответила непонимающим взглядом. – Она еще не подтягивается, чтобы встать?

Еще одна важная веха развития ребенка. В возрасте Люси многие дети это уже делаются.

– Нет, – ответила Бонни, рассеянно теребя прядь волос.

– Думаю, скоро она это сделает. – Дорис сделала пометку в блокноте. – А что она любит из еды?

– Патронажная сестра спрашивала меня об этом, – с обидой ответила Бонни. – Я ей ответила: молоко, йогурт и кашу.

Дорис кивнула.

– Думаю, патронажная сестра посоветовала вам включить в рацион девочки новые продукты?

Бонни снова кивнула.

– Отлично. Потом мы заглянем на вашу кухню, и вы покажете мне, чем вы собираетесь кормить Люси сегодня.

– Я еще не ходила за продуктами, – напряженно ответила Бонни. – Сестра была у нас всего несколько дней назад.

Три дня назад, подумала Дорис: достаточно времени, чтобы сходить в магазин и начать выполнять рекомендации патронажной сестры по кормлению ребенка. Дорис опустила глаза. Люси уже добралась до ее кресла и теперь спокойно сидела у ее ног, как внимательный щенок.

– Здравствуй, дорогая, – с улыбкой сказала Дорис. Но выражение лица девочки оставалось таким же, как и у матери – подозрительным и настороженным.

– Трудно воспитывать ребенка в одиночку, – Дорис вновь обратилась к Бонни. – У вас есть какие-то родственники, которые могут вам помочь?

Дорис знала, что сигнал поступил от врача, к которому со своими тревогами обратилась тетя Бонни.

– Нет, – ответила Бонни.

– Вы ведь жили с тетей, верно?

– Да, недолго. Но у нее своя семья.

– А ваши родители?

– Мы с ними не общаемся.

– Они живут поблизости?

– Нет.

Во время разговора Дорис делала пометки и постоянно улыбалась. Ей хотелось, чтобы молодая женщина расслабилась. Но, несмотря на улыбки, она, как и патронажная сестра до нее, быстро поняла, что ситуация в этом доме далека от благополучной: мать находится в глубокой депрессии, из-за чего не обращает на ребенка должного внимания.

– Можете вы показать мне дневник прививок и медицинских осмотров Люси? – спросила Дорис.

Патронажная сестра тоже хотела посмотреть этот документ, но Бонни сказала, что ей трудно его найти. Тогда же она сказала, что не помнит, были ли сделаны девочке все необходимые прививки, что еще больше насторожило сестру.

– Нет, – ответила Бонни. – Я не могу его найти.

– Ну хорошо, не волнуйтесь. У вашего доктора сохранились все документы. Мы позаботимся, чтобы все ваши документы передали здешнему врачу. Это ваш постоянный адрес?

Бонни кивнула.

– Как же звали вашего прежнего врача? – спросила Дорис, готовая записать.

– Я не помню, – Бонни начала грызть ноготь.

– Достаточно названия города и улицы. Мы все найдем сами.

– Я не помню, – повторила Бонни. – Мне нужно поискать документы.

Дорис отлично понимала, что не помнить названия города, где ты жил несколько месяцев назад, невозможно – разве что у человека серьезные психические проблемы. У Бонни таких проблем не было. Возможно, она пытается что-то скрыть. Может быть, она от чего-то бежала?

– Вы помните название больницы, где родилась Люси? Они найдут информацию о вашем враче.

– По-моему, Сент-Мэри…

– В каком городе?

Бонни пожала плечами. Она продолжала грызть ноготь. Сент-Мэри – самое распространенное название английских больниц. Дорис понимала, что, не зная города или хотя бы региона, найти больницу, где родилась Люси, будет невозможно. Бонни явно что-то скрывала.

– Вам, наверное, очень одиноко жить в новом городе с маленьким ребенком, – спокойно сказала Дорис, меняя тему. – Насколько мне известно, патронажная сестра дала вам информацию о местных группах для молодых матерей?

– Да.

– Вы собираетесь туда обратиться? Это способствовало бы развитию Люси, а вы смогли бы познакомиться с другими молодыми женщинами и найти друзей.

– Да.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – пожала плечами Бонни.

– Вы уверены? Мне вы кажетесь очень подавленной…

– Со мной все в порядке. Я справляюсь.

– Просто справляетесь? – спросила Дорис, надеясь разговорить Бонни, но та опустила глаза и кивнула.

– Вы можете рассказать мне, как у вас проходит день после того, как вы встаете с постели?

Бонни посмотрела на Дорис.

– Начнем с подъема? – предложила Дорис. – Во сколько вы встаете?

Дорис знала, что люди, страдающие депрессией, часто проводят в постели очень много времени, порой большую часть суток.

– Примерно, как сейчас…

– И что вы делаете потом? Вы принимаете душ и одеваетесь или снова ложитесь в постель?

– Мы завтракаем…

– Прекрасно, – Дорис изо всех сил пыталась поддержать Бонни. – И чем вы завтракаете?

– Люси я даю молоко, а сама пью чай.

– И все?

– Я даю Люси кашу…

– Хорошо. А сегодня вы варили ей кашу?

– Нет, только молоко. Вы пришли раньше, чем я успела сварить ей кашу…

Дорис все записала и снова улыбнулась Люси.

– А что вы делаете после завтрака? – спросила она, глядя на Бонни.

– Да ничего, – пожала плечами девушка. – Иногда мы идем гулять.

– Где вы любите гулять?

– Иногда мы идем по магазинам или на канал. Я гуляю вдоль канала. Мне там нравится – такая глубокая вода…

Дорис непроизвольно поежилась. В блокноте она записала, что в таком состоянии эта молодая мать, которая явно не может справиться со своей жизнью, вполне может шагнуть в канал вместе с дочерью и положить всему конец. Да, конечно, никаких явных признаков того, что мать причиняет вред своему ребенку, Дорис, как и патронажная сестра, не заметила, но уровень ухода и внимания был настолько низок, что граничил с насилием. Матери и ребенку явно нужна была помощь.

– А что вы делаете потом?

– Мы возвращаемся домой…

– И?..

Бонни покачала головой.

– Почему вы больше не встречаетесь с тетей? Она беспокоится о вас.

– Я не хочу. У нее есть собственная семья.

– Но она думает о вас и считает вас членом своей семьи. Разве вы не можете встречаться? Например, сходить к ней на обед? Она с радостью встретила бы вас.

Бонни кивнула, но не очень уверенно.

Дорис посмотрела на Люси. Девочка изучающе смотрела на нее снизу вверх большими круглыми глазами.

– Можно мне ее взять? – спросила Дорис. Ей было отлично известно, что нельзя брать чужого ребенка на руки, не спросив разрешения у родителей. В социальных работниках часто видят врагов, и касания воспринимаются, мягко говоря, без восторга. Порой родители даже набрасываются на незваных гостей.

Бонни неохотно, безразлично кивнула. Дорис наклонилась и взяла Люси на колени. Девочка была очень легкой, гораздо легче, чем следовало бы быть в десять с половиной месяцев. Бонни не помыла ее. На девочке была та же самая одежда, поэтому от нее исходил сильный запах аммиака. Юбка испачкается, но на этот случай у Дорис в машине была запасная одежда. Порой родители, к которым она приходила, были пьяными, и тогда в нее могло полететь все что угодно.

– А кто у нас хорошая девочка? – заворковала Дорис.

Люси посмотрела на нее, но не улыбнулась.

– А она вообще улыбается? А говорить пытается? – спросила Дорис.

– Да, – ответила Бонни. – Иногда.

В это верилось с трудом.

Дорис снова обратилась к Бонни.

– Давайте осмотримся, – весело сказала она. – Покажите мне вашу квартиру. Давайте начнем с кухни.

– Там не на что смотреть, – ответила Бонни, со вздохом поднимаясь с кресла.

– Не важно. Мне нужно просто осмотреться.

Было понятно, что социальный работник пришел не для того, чтобы «поболтать». Дорис нужно было тщательно оценить жизнь этой семьи. Она чувствовала, что Бонни борется с мучительным страхом того, что ее могут разлучить с ребенком.

– Я собираюсь сегодня пойти за продуктами, – сказала Бонни, когда они вошли в маленькую кухню.

Дорис открыла холодильник, где сиротливо притулились пакет молока и два йогурта. В шкафах обнаружились лишь кастрюли и сковороды, предоставленные хозяином дома, пакет с крупой, немного печенья и несколько чайных пакетиков.

– А из чего Люси пьет? – спросила Дорис. – Она умеет пользоваться детской чашечкой?

– Нет. У нее есть бутылочка. В ее кроватке.

С Люси на руках Дорис вышла из кухни, заглянула во вполне функциональную ванную и снова вернулась в гостиную. Там она передала Люси матери, и они уселись в кресла. Дорис внимательно посмотрела на Бонни.

– Дорогая, у нас проблемы, – спокойно сказала она. – Я думаю, что Люси развивается не так хорошо, как следовало бы. Думаю, что вам приходится нелегко. Я хочу вам помочь. – Дорис замолчала, ожидая реакции Бонни, но та молчала. – Мы проведем совещание на тему о том, как лучше помочь вам и Люси. Не волнуйтесь, я не собираюсь забирать Люси. Но вам нужно измениться. Вы понимаете, дорогая?

Бонни кивнула.

– Понимаю, – пробормотала она – похоже, она согласилась бы на все, лишь бы избавиться от Дорис.

– Возможно, вам с Люси придется какое-то время пожить в нашем центре матери и ребенка, где вас научат правильно ухаживать за дочерью. А может быть – но это нужно обсудить с моим руководством, – вы сможете остаться дома, получая помощь. Вам будут помогать, но придется посещать курсы для родителей.

– Хорошо, – кивнула Бонни.

– Отлично. Сейчас я поеду в офис, обо всем поговорю со своим руководством и позвоню вам позже. Дайте мне ваш номер телефона.

Бонни продиктовала одиннадцать цифр, Дорис все записала.

– Благодарю вас, – с улыбкой сказала она. – Оставляю вас двоих с вашей кашей. Мы пообщаемся позже.

Бонни кивнула. С Люси на руках она проводила Дорис к входной двери и наблюдала, как та уходит. Выходя из дома, Дорис была готова звонить в офис. Хотя она не собиралась забирать Люси немедленно, молодой матери нужно начать сотрудничать с социальной службой и измениться. Иначе придется подавать в суд и лишать Бонни родительских прав. Конечно, положение Люси было далеко не худшим из того, что видела Дорис, но тревожные сигналы уже имелись. Без вмешательства социальной службы положение Люси будет неуклонно ухудшаться.

Дорис побеседовала со своим начальником и через три часа позвонила Бонни, чтобы договориться о встрече. Автоответчик сообщил ей, что номер недоступен. Дорис решила, что Бонни случайно или намеренно дала ей неправильный номер. Поскольку ситуация Бонни и Люси была не самой критической из

подопечных Дорис, ей пришлось отложить этот вопрос на потом. Она договорилась о конференции и отложила папку Бонни в сторону, чтобы заняться более важными делами. Дорис решила заехать к Бонни по пути с работы, проверить номер телефона и назначить дату встречи. Так она получит возможность еще раз посмотреть на эту семью.

Дорис вернулась к Бонни около шести вечера. На ее звонок снова никто не ответил. Она уже собиралась кричать через почтовый ящик, но тут открылась дверь соседней квартиры. Появилась та же самая пожилая дама, что и утром.

– Она уехала, – сурово сказала женщина, словно это была вина Дорис. – Собрала сумки и уехала вместе с ребенком примерно через час после вашего ухода.

– Полагаю, вы не знаете, куда они поехали? – спросила Дорис. Сердце у нее упало.

– Нет. Я же говорила, что она со мной никогда не разговаривала.

Дама удалилась в свою квартиру и захлопнула дверь.

Глава седьмая
Не судьба проститься

Внаше время, когда о каждом известно почти все, кажется невероятным, что человек может просто исчезнуть. Но в тот июньский день, когда светило солнце и вокруг пели птички, а Люси было почти одиннадцать месяцев, Бонни сумела сделать именно это. Испугавшись, что у нее заберут Люси, она быстро собрала свои сумки и исчезла. Если бы суд уже выдал ордер, можно было бы заявить в полицию и тогда ее объявили бы в розыск. Но ордера не было, речь шла только о невнимании к ребенку в той степени, когда еще рано обращаться в суд для экстренного вмешательства. Да, социальная служба могла затребовать ордер после исчезновения Бонни, но это не было сделано – по-видимому, по той же самой причине, что и раньше: хотя Люси жилось тяжело, но опасности для ее жизни не существовало – а именно этот порог следует перейти, чтобы социальная служба могла изъять ребенка из семьи. Если бы был ордер, то розыском занялась бы полиция. Бонни и Люси нашли бы, и ребенка передали под опеку.

Без ордера и подробной информации, которая могла бы помочь найти Бонни, дело могло рассматриваться социальной службой несколько месяцев. Дорис связалась бы с Мэгги и местными агентствами, чтобы найти хоть какие-то сведения о Бонни. В конце концов Бонни и Люси где-нибудь появились бы. Мэгги сообщила Дорис о том, что она пару раз звонила сестре, чтобы узнать, не слышала ли она чего-нибудь о дочери. Но та была настолько погружена в собственные проблемы, что дочь и внучка ее вовсе не интересовали. Их судьба была ей совершенно безразлична.

Мы не знаем, какую жизнь вели Бонни и Люси в течение последующих четырнадцати месяцев, о которых нет никакой информации. Но предположить мы можем. Бонни жила в «подполье». Она в буквальном смысле слова скрывалась от властей, кое-как перебивалась. Если повезет, она бралась за работу там, где платили наличными. Скорее всего, она просила милостыню, воровала, занималась проституцией, спала где придется – в подворотнях, под мостами, со сквоттерами, на лестничных клетках, в дешевых пансионах или ночлежках. Вести такую жизнь с ребенком невероятно трудно, но в любом большом городе всегда находятся нечистоплотные люди, готовые предоставить свои трущобы кому угодно. А люди, нуждающиеся в

таком жилье, рассказывают о них друг другу. В таких трущобах на полу валяются матрасы, и переночевать там можно за несколько фунтов за ночь. Недостатка в «гостях» подобные заведения не испытывают. Здесь ночуют не только беглецы, но и люди, давно или недавно лишившиеся крова над головой, наркоманы, алкоголики, люди с психическими проблемами и преступники, которых разыскивает полиция. Различий по возрасту и полу тут никто не делает. Такие места опасны для здоровья. Здесь быстро распространяются инфекции, в том числе туберкулез. О пожарной безопасности никто не думает – в случае пожара трущобы становятся смертельной западней. Но если вы, как Бонни, скрываетесь от властей, то получить пособие, не рискуя быть обнаруженным, невозможно.

Бонни и Люси вновь появились через четырнадцать месяцев в приемном покое больницы другого графства. Они обратились в больницу в пятницу днем. Обе они были покрыты воспаленной сыпью. Диагноз был прост – чесотка. Ее вызывают паразиты, которые откладывают яйца под кожей человека. Обычно это заболевание возникает у тех, кто живет в условиях скученности и антисанитарии. Паразиты вызывают невыносимое раздражение кожи, и больные всегда сразу же обращаются к врачам. Но врачи больницы установили, что у Бонни и Люси болезнь очень запущена (особенно у Люси). Совершенно ясно, что обе они страдали уже довольно долго. Врач выписал лекарственное средство, которое следовало наносить на все тело после мытья, оставлять на ночь, а потом смывать. Он объяснил Бонни, что через неделю после первого нанесения средство следует нанести во второй раз, взяв рецепт у своего врача, который должен будет проверить их состояние. Врача беспокоило то, что некоторые язвы у ребенка явно воспалились, поэтому он прописал мазь с антибиотиком. Поскольку чесотка очень заразна, всю одежду, постельное белье и полотенца следует стирать в очень горячей воде и сушить при высокой температуре – только так можно избежать повторного заражения. В больнице Бонни назвала адрес квартиры, которую ей когда-то нашла тетя Мэгги. И своим врачом она назвала того доктора, к которому их отвела тетя Мэгги. Мы не знаем, была ли Бонни у врача повторно, но к этому она больше не приходила.

Затем Бонни и Люси вновь исчезли и появились, когда Люси было уже около трех лет. Теперь Бонни жила с тридцатилетним Фредди и регистрировалась под его фамилией. Она зарегистрировала Люси в детском саду, чтобы после трех лет она смогла его посещать. Предварительно ее посетили две воспитательницы детского сада. Такие посещения – нормальная

практика для Англии. Проходят они неформально, длятся около получаса. Мать и ребенок получают возможность познакомиться с воспитателями и задать любые вопросы. Но увиденное очень обеспокоило воспитательниц – даже при том, что их посещение было оговорено заранее и мать вполне могла подготовиться. В квартире с одной спальней было очень грязно, чувствовался неприятный запах. Повсюду валялся мусор, запчасти для автомобилей, пустые пивные бутылки, пластиковые бутылки от газировки, коробки от пиццы и пустые пакеты от чипсов. Это были единственные игрушки Люси – никаких детских игрушек воспитатели не увидели. Кроватей в квартире не было: Люси спала с матерью и ее другом на матрасах, брошенных прямо на пол в спальне. Не было в квартире ни ковров, ни штор. На кухне стоял лоток для кошки – наполнитель давно следовало сменить. В кухне и ванной было страшно грязно. Воспитатели также заметили, что в квартире чувствовался запах пива, сигарет и даже каннабиса.

Во время разговора Бонни призналась, что ей приходится нелегко. Фредди (в тот момент его не было дома) ей почти не помогает. Большую часть своего пособия по безработице он тратит на азартные игры, поэтому у них почти всегда нет денег на еду и оплату счетов. Они сильно задолжали за квартиру, и хозяин грозил их выселить. Бонни рассказала воспитателям, что они с Фредди часто ссорятся и он порой поднимает на нее руку – на глазах у Люси. Воспитатели заметили, что Люси очень мала для своего возраста, выглядит неаккуратно и боится посторонних. Оценить ее развитие за время посещения они не смогли, потому что она все время пряталась за диваном. Когда одна из воспитательниц попыталась вытащить ее, девочка зажмурилась и начала кричать. Бонни сказала, что лучше оставить ее в покое: Люси боится посторонних, поскольку у нее есть печальный опыт – каков был этот опыт, она не рассказала. Но она думала, что в детском саду Люси перестанет бояться незнакомцев, потому что там она сможет «встретить хороших людей».

Воспитатели провели у Бонни больше часа. Вернувшись в детский сад, они сразу же рассказали обо всем директрисе. Та связалась с социальной службой. Через два дня социальный работник позвонил Бонни и договорился с ней о встрече на следующий день. Хотя Бонни заранее знала, что к ней придут (с воспитателями было то же самое), она не навела порядок в квартире. Все осталось точно так же, как и во время первого посещения. На сей раз Фредди был дома, но сразу же ушел, даже не поздоровавшись.

Бонни призналась, что не справляется. Ей казалось, что у нее

депрессия, хотя к врачу она не обращалась. Сотрудница социальной службы объяснила, что состояние Люси вызывает тревогу. Она попыталась убедить Бонни обратиться к врачу по поводу депрессии. Потом они обсудили различные варианты заботы о Люси. Бонни была готова сотрудничать. Она быстро согласилась с тем, чтобы Люси временно передали под опеку как «проживающего ребенка» (раздел 20 закона о детях). Согласно этому закону, между социальной службой и родителем (родителями) ребенка заключается добровольное соглашение о том, что ребенок некоторое время будет проживать у приемного опекуна. Родители сохраняют все юридические права, если не лишатся их по решению суда. Примерно треть детей в приемных семьях находятся на «проживании». Такое решение способствует более рабочим отношениям между социальным работником, родителями и приемным опекуном. Родители не испытывают угрозы со стороны социальной службы, поскольку сохраняют юридические права на ребенка, могут регулярно встречаться с детьми без какого-либо контроля и в любое время могут забрать ребенка у опекуна. Такое проживание обычно бывает краткосрочным. На подобные условия не идут, если существует угроза насилия. Такой вариант приемлем лишь в тех случаях, когда есть основания полагать, что через определенное время ребенок без вреда для себя сможет вернуться к родителям.

Добившись согласия Бонни, сотрудница социальной службы вернулась в офис и стала подыскивать подходящую приемную семью для Люси. Она выбрала Энни. Энни была замужем, у нее были две собственные дочери, и уже полтора года она была временным опекуном. Согласно пункту 20, родители знают, где живет приемный опекун. Вместе с социальным работником они могут посещать дом опекуна, где находится их ребенок. Именно так и произошло с Бонни.

В конце августа Бонни и Люси вместе с социальным работником приехали к Энни. Бонни несла дочь на руках. Люси уткнулась в плечо матери. На ней было хлопковое розовое платьице и пластиковые сандалии. Она сосала грязную тряпку, словно соску. Бонни стянула волосы в конский хвост, надела джинсы, футболку и сильно потрепанные кеды. Видно было, что она очень измождена и встревожена. В руке она несла пакет из супермаркета с одеждой Люси.

Энни постаралась сделать так, чтобы Бонни и Люси почувствовали себя как дома. Она провела их в гостиную, предложила напитки, познакомила со своими детьми – во время школьных каникул девочки были дома. Они немного

поговорили – по большей части говорила сотрудница социальной службы. Потом Энни показала Бонни дом. Красивый дом Энни произвел на Бонни огромное впечатление. Энни стало жалко эту женщину – она поняла, что за свою жизнь Бонни редко приходилось бывать в нормальных домах. Она прекрасно понимала, что ее дом совершенно обычный и ничем не отличается от многих других.

Люси ни на минуту не отрывалась от матери. Когда все вернулись в гостиную, она уселась на колени Бонни и уткнулась лицом ей в грудь. Энни спросила, что Люси любит, чего не любит, к чему она привыкла. Чем больше информации она получит, тем легче ей будет устроить Люси в своем доме. Бонни ответила, что Люси ест «что угодно», а ложится и встает тогда, когда ей захочется. Энни спросила, есть ли у Люси любимая игрушка, с которой она спит. Бонни пожала плечами и указала на грязную, замусоленную тряпку, которую Люси сосала.

Бонни и сотрудница социальной службы провели в доме Энни целый час. За это время Люси не произнесла ни слова и не сходила с коленей матери. Как бы ни старались Энни и ее дочки, Люси сидела лицом к матери и ни на кого не смотрела. Даже когда девочки предложили ей поиграть в саду и угоститься мороженым, Люси не подняла глаз. Бонни, как и раньше, объяснила, что в жизни Люси был «плохой опыт», но уточнять не стала. Она боится посторонних.

Сотрудница социальной службы сказала, что пора уходить, чтобы Энни могла заняться Люси. Энни пообещала звонить Бонни и сообщать, как ее девочка. Бонни поцеловала Люси в макушку и сказала:

– Маме пора идти.

Поднявшись, она передала Люси Энни и выбежала из дома. Люси сразу же зарыдала. Окаменев от страха, она вцепилась в блузку Энни и уткнулась лицом ей в грудь.

Сотрудница социальной службы беспокоилась о Бонни. Она обещала отвезти ее домой на своей машине. Поэтому она быстро попрощалась и вышла вслед за Бонни. Позже она говорила, что крики Люси были настолько громкими, что их было слышно даже на улице. Бонни уже нигде не было видно. Поэтому женщина села в машину и вернулась в офис, решив позвонить ей позже.

Энни же сидела на диване, обняв Люси. Она осторожно укачивала девочку, разговаривала с ней, утешала, словно собственную дочь. Девочки тоже расстроились из-за того, что Люси так горько плачет. Успокоилась она лишь через полчаса. Энни удалось уговорить ее отцепиться от блузки и поднять голову, чтобы можно было вытереть слезы. Только тогда Энни

смогла как следует рассмотреть свою подопечную. Тонкие черты лица, фарфоровая кожа, шелковистые черные волосы и большие темные глаза – девочка была похожа на куколку. Очаровательный ребенок – только очень напуганный. Энни заметила синяк на щеке Люси, прямо под левым глазом. Об этом она написала в своем дневнике – все приемные опекуны должны тщательно записывать свои наблюдения. В таком дневнике описываются все события из жизни ребенка, посещения врачей, состояние здоровья, настроение. Опекун должен записывать все, что ребенок расскажет о своем прошлом. Когда ребенок покидает дом опекуна, этот дневник передается в социальную службу. Став взрослым, ребенок может познакомиться со всеми подобными записями.

В тот вечер Люси не разговаривала. Она отказывалась от еды и питья. Когда пришло время ложиться спать, она так разрыдалась, что Энни пришлось спать на полу в ее комнате. Она держала девочку за руку и утешала ее. Следующие два дня прошли почти так же. Люси не разговаривала, не ела, постоянно плакала и пряталась за диваном. Энни никак не удавалось выманить ее и дать хотя бы немного молока. Люси была слишком напугана, чтобы попроситься в туалет. Она мочилась под себя, и Энни пришлось постоянно мыть пол с дезинфицирующим средством – особенно за диваном, где пряталась Люси. Каждый вечер Энни звонила Бонни. Чтобы не пугать мать, она говорила, что Люси скучает по ней, но постепенно привыкает. Трудно было понять, скучает ли Люси по матери или у ее истерик есть другая причина. Она не спрашивала о матери, а просто боялась всех и всего.

В своем дневнике Энни записала, что есть Люси стала только через три дня. Там же отмечено, что она начинала истерически кричать при появлении социального работника, при возвращении мужа Энни с работы. Ту же реакцию вызывали звонок почтальона и подруга, заехавшая в гости. Было совершенно ясно, что у Люси действительно был плохой опыт общения с посторонними, как и говорила Бонни. Она была смертельно напугана. Энни не только описала синяк под глазом Люси в своем дневнике, но и показала его социальному работнику. Позже она спросила у Бонни, как это произошло, и та объяснила, что Люси споткнулась и упала днем раньше. Возможно, так и было. Мы никогда не узнаем.

Скоро стало ясно, что Люси не привыкла ни к какому распорядку, и Энни начала ее приучать. Она объясняла Люси, почему нужно умываться, чистить зубы утром и вечером, есть в определенное время. На пятый день Энни решила ее помыть. Хотя

Люси в ужасе шарахнулась от ванны, когда Энни включила воду, но ее удалось уговорить. Оказавшись в теплой воде, девочка немного расслабилась и даже начала играть с игрушками, которые заранее принесла Энни. Энни удалось вымыть ей волосы – они были страшно грязными. К концу недели Люси начала немного привыкать к семье Энни, стала произносить невнятные слова, указывая на то, что хотела получить. Она отвечала на вопросы, кивая или отрицательно покачивая головой, как это делают годовалые дети.

Энни страшно хотела купить Люси новую одежду, потому что то, что принесла с собой Бонни, носить было невозможно. Энни подыскала для девочки кое-что из одежды своих дочерей, но нужно было купить что-то новое, чтобы у нее была своя одежда. Но по опыту она знала, что приемные дети плохо воспринимают кардинальные перемены. Все новое может повергнуть девочку в панику и помешать ее восстановлению. На восьмой день, через неделю после переезда Люси, когда девочка стала меньше плакать, позволяла брать себя за руку и пыталась играть с детьми в саду, Энни решила рискнуть и поехать за покупками. Она объяснила Люси, куда и зачем они едут. Люси кивнула. Но в торговом центре она перепугалась до смерти – множество людей, шум, яркий свет. Купить все, что Энни собиралась, им не удалось, только самое необходимое. Энни отметила, что жизнь Люси была настолько замкнутой и ограниченной, что ее пугали даже самые обычные вещи – например, поход в магазин. Ей показалось, что Люси вообще никогда не была в магазине.

Время шло. В последующие дни, недели и месяцы Энни знакомила Люси с новым миром. Они ходили играть в парк и кормить уток. Люси медленно училась общаться с людьми – сначала с родственниками и друзьями Энни, потом с другими детьми. Оказалось, что Люси вообще не умеет играть и общаться с другими детьми. По-видимому, она никогда никого не видела. О детском саде пришлось забыть, поскольку девочка никогда не смогла бы к этому привыкнуть. Энни начала выводить ее в группу матери и ребенка. Два дня в неделю Энни наблюдала за тем, как Люси неуверенно пытается играть с другими детьми. Хотя дети в этой группе были намного младше ее, она значительно отставала в развитии, поэтому с ними она чувствовала себя спокойнее, чем с ровесниками.

Энни зарегистрировала Люси у своего врача, и девочка прошла полный физический и интеллектуальный осмотр. Физически Люси была слишком мала для своего возраста – возможно, это было связано с неполноценным питанием. Еще больше тревожило то, что ее словарь состоял всего из десяти

слов – словно у полуторагодовалого ребенка. Но тесты показали, что у Люси нормальный интеллект и с посторонней помощью она сможет догнать в развитии своих сверстников. Энни предложили записать Люси на речевую терапию, и ее имя появилось в листе ожидания. Энни неустанно старалась развивать навыки и речь Люси дома – она постоянно разговаривала и играла с ней, подталкивала к общению. Благодаря Энни Люси проделала огромный путь за то время, что провела в ее доме.

Новый врач запросил медицинские документы Люси, но единственное, что удалось найти, это записи о визите Бонни и Люси к доктору тети Мэгги. Посещение приемного покоя не было отражено, поскольку в то время подобные обращения фиксировались иначе. Не удалось найти информации о прививках Люси. Когда об этом спросили Бонни, та ответила, что не помнит. И тогда с согласия Бонни в течение полугода Энни сделала Люси все необходимые для ее возраста прививки.

Каждый вечер Энни звонила Бонни, чтобы сообщить, как дела у Люси. Если трубку не брали (а это случалось частенько), она оставляла сообщение. Через несколько недель сотрудница социальной службы сказала, чтобы Энни этого не делала. Это Бонни должна звонить Энни и интересоваться жизнью дочери – это будет свидетельством ее материнской ответственности и показателем того, что она хочет ее вернуть. Энни послушалась. Бонни стала сама звонить раз в неделю. Раз в десять дней она приезжала ее навестить. Обычно Бонни проводила с дочерью целое утро или несколько часов после обеда. Они никогда не шли гулять, даже в хорошую погоду. Бонни явно нравилось в уютном доме Энни, где ей уделяли столько же внимания, сколько и Люси. Энни поняла, что Бонни нельзя считать безразличной, порочной женщиной. Но ее жизнь с самого начала сложилась неудачно. У нее было столько собственных проблем, что на проблемы ребенка у нее просто не хватало времени. Иногда Энни замечала исходящий от одежды Бонни запах каннабиса, но она не могла сказать, курила ли марихуану сама Бонни или ее сожитель.

За восемь месяцев, проведенных в семье Энни, состояние Люси заметно улучшилось. Она постепенно научилась не бояться чужих людей, начала играть и разговаривать и даже смогла войти в группу ровесников. Энни сделала много фотографий Люси. Самые трогательные – это день рождения, когда Люси исполнилось три года, и ее первое настоящее Рождество. Изумление и искренняя радость девочки способны тронуть любое сердце. Люси была потрясена. Она никогда не испытывала ничего такого прежде. Энни фотографировала и мать, и дочь вместе. Некоторые фотографии в рамках она поместила в комнате Люси,

чтобы та не забывала о матери. Энни напечатала эти фотографии и для Бонни, и та приняла их с благодарностью. Она была по-настоящему тронута – ведь раньше у нее не было ни одной фотографии Люси. У Бонни просто не было денег на фотоаппарат. Люси полностью освоилась в доме Энни и даже начала называть ее мамой. Но Энни всегда поправляла ее:

– Я – Энни. А мама приедет в следующий вторник.

Когда визита Бонни не ожидалось, Энни просто показывала Люси ее фотографию.

Хотя Энни и ее родные знали, что Люси в их доме лишь на время и, когда Бонни устроит свою жизнь, она захочет забрать девочку, Энни резонно предполагала, что возвращение Люси к матери произойдет постепенно. Бонни начнет приходить чаще, будет брать дочь домой на какое-то время. Девочка начнет у нее ночевать и в конце концов окончательно поселится в доме матери. Именно так всегда и происходит – все стремятся максимально сократить переживания ребенка и сделать возвращение домой спокойным и ровным.

Для всех стало большим потрясением, когда однажды утром Бонни позвонила и сказала, что собирается забрать Люси. К тому времени Люси провела в семье Энни чуть больше восьми месяцев. Бонни сказала, что у нее появился новый партнер, Дейв. Он хорошо к ней относится, и они хотят жить, как настоящая семья. Энни была потрясена. Она переживала за Люси – подобная резкая перемена могла плохо на ней сказаться. Она пыталась убедить Бонни сначала поговорить с сотрудниками социальной службы и сделать переезд Люси более постепенным. Но Бонни твердо стояла на своем. Она знала свои права. Бонни сказала, что уже общалась с социальной службой и сообщила о том, что они с Дейвом собираются забрать Люси. Она хотела, чтобы Энни собрала девочку к часу дня. Положив трубку, Энни позвонила в социальную службу, и ей подтвердили, что Бонни действительно звонила. Хотя постепенный переезд был бы более желателен, но, по условиям пункта 20, Бонни может забрать Люси в любое время. Бонни сообщила свой новый адрес. Социальная служба будет контролировать жизнь ребенка. Если возникнут какие-то сомнения, Люси вновь вернут под опеку – желательно, с согласия Бонни, но при необходимости по решению суда. Это немного успокоило Энни, но она все равно переживала.

На сердце у Энни было тяжело. Она с трудом сдерживала слезы, но старалась держаться ради благополучия Люси. За то короткое время, что у нее осталось, Энни постаралась подготовить девочку к тому, что теперь она будет жить с матерью и Дейвом. Она собрала одежду и игрушки Люси – теперь их стало

гораздо больше. Люси явно расстроилась. Она отказалась от обеда, а потом спросила Энни, почему ей нужно уезжать. Энни сказала, что мама любит свою дочку и хочет, чтобы она жила с ней в новом доме.

– А почему мама не может приехать и жить здесь с нами?

Объяснить маленькому ребенку, почему он должен неожиданно переезжать в другой дом, очень трудно. Энни целый час укачивала Люси на коленях и читала ей сказки, чтобы хоть как-то ее отвлечь. В час раздался звонок. Люси вместе с Энни пошли открывать. На пороге стояла Бонни. Энни увидела потрепанный белый минивэн с работающим двигателем. На водительском месте сидел мужчина – по-видимому, Дейв.

Бонни взяла Люси за руку и сказала:

– Иди познакомься со своим новым папой.

Не дав Энни и Люси возможности даже проститься, Бонни потащила Люси к машине. Она посадила девочку на переднее сиденье и захлопнула дверцу. Потом она вернулась за ее вещами. Энни уже приготовила в коридоре сумки и коробки. Бонни загрузила их в машину, не поблагодарив Энни и не пообещав звонить и рассказывать о жизни Люси. Энни помогала грузить сумки – она увидела, что в машине лежат отделочные материалы, и решила, что Дейв работает декоратором. Но сам он с ней даже не поздоровался.

Когда вещи Люси были погружены, Бонни захлопнула заднюю дверь. Дейв из машины так и не вышел. Бонни напряженно попрощалась с Энни и села в машину рядом с Люси. Люси была маленькой. Когда она оказалась зажатой между двумя взрослыми, Энни перестала ее видеть, но все же помахала ей на прощание. Когда Люси уехала, держаться было не нужно. Закрыв за собой дверь, Энни разрыдалась. Ее пугала не только неопределенность жизни Люси. Она оплакивала свою утрату. Ей было грустно, что девочки и муж вернутся и обнаружат, что Люси уехала, а они не смогли с ней даже попрощаться.

Глава восьмая
Верный друг

Миссис Бриджес стояла у учительского стола и ждала, когда ее шестилетки соберут свои тетради перед переменой. Была середина сентября. Прошло две недели нового учебного года. Погода стояла отличная, никто не чихал и не кашлял. Все тридцать мальчиков и девочек присутствовали в классе. Дети сидели вокруг пяти столов. В новенькой школьной форме они были сущими ангелочками. Но некоторые выглядели лучше других даже в стандартной форме. И сама миссис Бриджес, и другие дети сразу могли понять, кто из них живет в хороших, заботливых семьях, а кто нет. Поношенная форма с пятнами – стирают ее нечасто; дешевые туфли из искусственной кожи, которая рвется, а не протирается; помятые лица тех, кто пришел в школу, не умывшись. Но детей из бедных семей отличала не только внешность, но и характер. Некоторые из них старательно привлекали к себе внимание, другие старались держаться максимально незаметно. Миссис Бриджес посмотрела на детей, сидевших за столом слева от нее: Сэмми и Люси. Оба ребенка пришли в школу в прошлом году с разницей в неделю и сразу же стали неразлучны.

– Можете идти, – миссис Бриджес отпустила класс на перемену.

Загремели стулья, раздались возбужденные крики, и дети наперегонки бросились из класса, стараясь использовать каждую минутку перемены для игр и развлечений. К дверям кинулись все, кроме одного. Сэмми аккуратно задвинул стул и остался стоять рядом.

Миссис Бриджес улыбнулась.

– Сегодня у меня нет для тебя никаких заданий, Сэмми. Поиграй с друзьями на площадке, подыши свежим воздухом. Сегодня отличный день.

Сэмми засунул руки в карманы брюк и неловко подошел к учительнице.

– Хорошо, мисс, но можно мне сначала с вами поговорить?

Миссис Бриджес внимательно посмотрела на мальчика. Она всегда старалась найти для него время. Этот худенький мальчик с бритой головой был старшим из пяти детей матери-одиночки. На его плечи свалилась ответственность более серьезная, чем была ему по силам. Порой он не умел держать себя в руках и давал волю гневу, но в глубине души он был хорошим мальчишкой.

Социальная служба пыталась помочь этой семье, чтобы не разлучать детей, но ситуация складывалась не очень-то хорошо.

– Конечно, Сэмми. Давай поговорим. Как дела у твоей мамы?

Сэмми слегка пожал плечами.

– Наверное, нормально. Но я хотел поговорить не о себе.

– Нет? – удивилась миссис Бриджес.

Сэмми устроился на краю стола с самым серьезным видом.

– Это о Люси, мисс.

– О твоей подруге Люси из этого класса? – уточнила миссис Бриджес.

– Да, мисс. Ей самой нужно вам сказать. Я сказал, что она должна это сделать. Но она не может. Она стесняется.

– Сказать мне что? – спросила миссис Бриджес, откладывая тетради в сторону и целиком сосредоточиваясь на Сэмми. Она была опытным учителем, и шестое чувство подсказывало ей, когда ребенок просто болтает, а когда хочет сказать нечто по-настоящему важное.

– Люси обижают, мисс. Некоторые ребята называют ее «вонючкой» и «блохастой», но она не виновата. Дома ей приходится стирать одежду холодной водой. А тетя не покупает ей средство от блох, потому что оно стоит дорого. Я сказал, что у врача можно получить бесплатный рецепт – мы всегда так делаем. Но она стесняется. Вы не можете с ней поговорить?

Миссис Бриджес внимательно посмотрела на Сэмми, пытаясь понять, отчего в ее мозгу сработал сигнал тревоги. Она видела, что Люси часто приходит в школу в грязной одежде, от которой сильно пахнет. Она замечала, что дети порой дразнят ее. Это учительница пресекала и сурово отчитывала тех, кто дразнился. В школе терпеть подобное обращение нельзя. Миссис Бриджес думала, что у Люси могут быть вши. Длинные волосы часто были грязными и нечесаными, а в классе она часто почесывалась. Как это было принято в школе, учительница отправляла родителям всех детей записки с просьбой проверить детей и принять необходимые меры. Все это было ей известно. Но Сэмми упомянул тетю Люси и то, что девочки приходится стирать свою одежду в холодной воде.

– Я думала, Люси живет с мамой и отчимом, разве нет? – спросила миссис Бриджес. Дети часто знали о семьях своих друзей гораздо больше, чем школа.

Сэмми покачал головой.

– Нет, мисс. Ее мать недавно ушла к другому приятелю, а отец нашел новую подружку.

– И эта подружка и есть тетя, о которой ты говоришь?

– Да, мисс. Люси должна называть ее «тетей». И она стирает

всю одежду. Я сказал ей, что одежду стирать должна эта чертова тетя, а не шестилетняя девочка. Простите, мисс…

Миссис Бриджес еле заметно улыбнулась. Сэмми порой бывал грубоват, но у него было доброе сердце и сильный характер. Он старался быть вежливым.

– Тебе об этом рассказала Люси?

– Да, мисс.

– Она что-нибудь еще рассказывала о своей семье? Что-нибудь такое, о чем я должна знать.

Мальчик задумчиво почесал в затылке. Миссис Бриджес подумала, что у него тоже могут быть блохи.

– Ничего такого, мисс. Только то, что она уже давно не видела маму, а тетя ее не любит. Вы же знаете Люси, мисс. Она не слишком разговорчива. Она все держит в себе. Я не такой. Я всегда говорю вам, когда дома плохо. А раз Люси мне рассказала, думаю, дела у нее совсем плохи. Такие, как она, ничего не скажут – только в самом крайнем случае. Верно, мисс?

– Ты правильно поступил, Сэмми. Спасибо тебе. Я обязательно поговорю с Люси.

После перемены дети занимались еще полтора часа. Они работали по плану, а кроме того, миссис Бриджес прочитала им целую лекцию о том, как нехорошо дразнить и преследовать друг друга. Каждый человек заслуживает уважения и достойного обращения. И если кто-то будет дразниться или драться, то учительница сообщит об этом родителям и на неделю лишит драчуна всех привилегий. Говоря это, миссис Бриджес сознательно не смотрела на Сэмми и Люси, чтобы другие дети не поняли, кто дал повод для подобного выступления. Иначе Сэмми могли бы прозвать ябедой, и ему пришлось бы нелегко.

В половине первого миссис Бриджес отпустила детей на обед, но попросила Люси немного задержаться.

– Все в порядке, дорогая, ты ничем не провинилась, – добавила она, потому что Люси всегда выглядела так, словно ожидала выволочки. – Я просто хочу с тобой немного поговорить, и все.

Учительница дождалась, когда все дети выйдут из класса, и закрыла дверь, чтобы их никто не услышал.

– Давай присядем, – предложила она, подвигая к столу два детских кресла. Миссис Бриджес давно заметила, что детям легче расслабиться и успокоиться, когда она сидит.

Люси с серьезным видом осторожно присела, миссис Бриджес устроилась рядом.

– Ты ведь дружишь с Сэмми, верно? – начала учительница. –

Он – твой настоящий друг.

Люси кивнула. Крупные темные глаза ее стали еще больше. Люси была очаровательной девочкой, хотя довольно маленькой для своего возраста. Она была чем-то похожа на Сэмми: их обоих хотелось как следует отмыть и оба явно нуждались в заботе взрослых.

– Сэмми говорил тебе, что утром разговаривал со мной? Он беспокоится о тебе.

Люси снова кивнула.

– Он говорит, что ты живешь с отцом и женщиной, которую называешь тетей. Это правда?

Люси кивнула.

– И у вас дома все в порядке?

Люси слабо пожала плечами, а потом тихо ответила:

– Наверное, да.

– Похоже, ты не совсем в этом уверена, дорогая, – покачала головой миссис Бриджес.

Люси снова пожала плечами, а потом отрицательно покачала головой.

– Расскажи мне, что тебе нравится, а что нет, – продолжала учительница. – Чем тебе нравится заниматься по выходным и по вечерам?

– Я люблю играть, мисс, – тихо пробормотала Люси.

– А во что ты любишь играть?

– Я смотрю телевизор, мисс, а иногда играю на улице с Сэмми и его сестрами – но это если я была хорошей.

– Наверное, это интересно. А что ты должна делать, чтобы быть хорошей? – Миссис Бриджес не представляла, чтобы Люси не была хорошей – такой тихой и послушной была эта девочка.

Люси еще раз пожала плечами, а потом ответила:

– Я должна мыть посуду и убираться в квартире. А потом мне можно поиграть на улице.

– И как часто ты это делаешь? – с подбадривающей улыбкой спросила миссис Бриджес. Многие дети помогают родителям по дому, и это нормально – если нагрузка им по силам.

– Я не знаю, как часто, мисс, – испуганно ответила Люси. – Каждый день.

– Все хорошо, дорогая. Тебе не о чем беспокоиться. Я просто хочу представить, как ты живешь дома. А кто у вас готовит еду?

Люси помолчала, потом ответила:

– Моя тетя… и папа…

– А одежду кто стирает?

Наступила долгая пауза. Люси уставилась в пол, чтобы не смотреть в глаза миссис Бриджес.

– Тоже… Я не знаю…

Девочка явно боялась сказать лишнее. Она боялась, что ее накажут, если станет известно, что она все рассказала.

– Все хорошо. Не волнуйся. Ты давно виделась с мамой?

– Она прислала мне открытку на день рождения, но мы с ней не виделись.

День рождения Люси был неделю назад. Как всегда, дети поздравили одноклассницу, спели ей песенку. Но как отмечали день рождения дома, миссис Бриджес не знала. Большинство детей рассказывали ей, но Люси этого не сделала.

– У тебя был хороший праздник?

Люси пожала плечами.

– Тебе сделали подарки?

– Наверное…

– Но ты не уверена?

– Нет…

Миссис Бриджес смотрела на Люси. Девочка упорно смотрела в пол. Учительница чувствовала, что в этом доме существуют серьезные проблемы и ребенок просто боится о них рассказывать. Но чтобы обратиться к директору, нужно что-то конкретное. Только тогда можно будет действовать. Люси не хотела откровенничать, и в этом заключалась трудность. Сэмми был прав, когда говорил, что Люси не любит рассказывать: за все время учебы она почти никогда не разговаривала с миссис Бриджес. Да и сейчас ее не разговоришь.

– Если бы ты могла что-то поменять дома, то что бы ты сделала? – спросила миссис Бриджес, делая последнюю попытку разговорить Люси, прежде чем отпустить ее на обед. – Понимаю, это трудный вопрос… Но подумай, что бы ты изменила? Если бы такой вопрос задали мне, то я сказала бы, что хочу чаще видеться с сестрой.

Люси задумалась, а потом подняла глаза на учительницу и сказала:

– Я бы хотела жить в семье Сэмми, мисс…

– Правда? – удивилась миссис Бриджес. Семья Сэмми была немыслимо далека от представления об идеальной семье. – А почему?

Люси снова замолчала, а потом ответила:

– К ним приходит тетя из социальной службы. Она помогает Сэмми. Я бы хотела, чтобы мне тоже помогали.

– Извините, можно мне с вами поговорить? – Миссис Бриджес постучалась в кабинет директора школы. Директор всегда был открыт и для учителей, и для школьников. Он даже знал по

именам всех учеников своей школы.

– Присаживайтесь, – директор указал на стул за столом. – Что я могу сделать для вас в этот прекрасный осенний день?

Миссис Бриджес улыбнулась. Некоторых такая приветливость раздражала, а ей эта манера общения очень нравилась. Прежний директор был унылым сухарем. А этот всегда в первую очередь думал о благе детей.

– Я хочу поговорить о Люси, – начала миссис Бриджес. – Ее приятель Сэмми очень о ней беспокоится.

– Да? – Директор нахмурился. Он поставил локти на стол, сложил пальцы и оперся на них подбородком – очень характерный жест.

– Он сказал, что Люси дразнят, но с этим я разобралась. А еще он сказал, что женщина, с которой живет Люси – подружка ее отчима, – плохо к ней относится. Я сама поговорила с Люси. Девочка почти ничего не сказала. Но когда я спросила, что она хотела бы изменить, она ответила, что хотела бы жить в семье Сэмми, чтобы ей помогал социальный работник. Это меня беспокоит. Что мы знаем о жизни Люси? Судя по всему, мать давно от них ушла.

– Я этого не знал. – Директор еще больше нахмурился и положил руки на стол. – Когда Люси только начала ходить в нашу школу, у нас были определенные сомнения, но, насколько мне известно, все проблемы разрешились. Я был уверен, что она живет с матерью. А кто приводит Люси в школу и забирает ее?

– Она приходит с соседкой и ее ребенком. Обычно эта женщина приводит Сэмми и его младшего брата.

– Понятно. Значит, мы не встречались с ее тетей?

– Нет.

Директор задумался.

– Я должен подумать, – сказал он. – Я изучу документы и сообщу вам. Я так понимаю, явная опасность Люси не угрожает?

– По-видимому, нет. Я никогда не видела на ней синяков и ссадин, хотя, на мой взгляд, она слишком уж тихая.

Директор кивнул.

– Об этом мне говорила и ее прежняя учительница. Жаль, что она уволилась – вы могли бы поговорить с ней. В общем, через пару часов я во всем разберусь.

Миссис Бриджес поблагодарила директора и отправилась перекусить. До начала занятий она еле успела съесть сэндвич.

В английских школах существует определенная процедура информирования социальной службы о каких-либо проблемах, и учителя должны строго ей следовать. Миссис Бриджес не могла

просто поднять трубку и позвонить в социальную службу. Сначала нужно было сообщить директору школы, и дальше действовать должен был он. Несмотря на большую загрузку, директор всегда ставил на первое место благополучие детей. К вечеру он изучил всю имеющуюся в школе информацию, связался с социальной службой и сообщил об этом миссис Бриджес. Похоже, что сомнения возникли еще в прошлом году. Тогда учителям показалось, что родители уделяют дочери недостаточно внимания. Ни о насилии, ни о небрежении речи не шло. Социальный работник посетил мать Люси и ее отчима, Дейва. Им было рекомендовано посещать курсы для родителей, чтобы стать более ответственными, но других действий предпринимать никто не стал. В школе никто не знал, ходили ли родители Люси на эти курсы и посещали ли их сотрудники социальной службы впоследствии. Дело было на время закрыто. Но теперь возникли новые сомнения, поэтому директор школы позвонил в социальную службу. Дело открыли снова. Социальный работник отправится в дом Люси в ближайшие дни. А пока директор попросил миссис Бриджес подготовить отчет об образовательном и социальном развитии Люси, а также о тех сомнениях, которые у нее возникли.

* * *

На следующей неделе, в понедельник, миссис Бриджес заметила, что Люси выглядит особо затравленной – сильнее, чем обычно. На утренней перемене она спросила у девочки, не беспокоит ли ее что-то. Люси отрицательно покачала головой и убежала на игровую площадку. Миссис Бриджес снова попыталась поговорить с ней во время обеда.

– Нет, мисс, – ответила Люси. – Ничего не случилось. Со мной все в порядке.

Вряд ли все было в порядке. Миссис Бриджес чувствовала, что Люси вот-вот разрыдается. Когда занятия кончились, она попросила Сэмми ненадолго задержаться.

– С Люси все в порядке? – спросила она.

Сэмми всегда был готов поделиться с учительницей своими мыслями и тревогами. Он резко помотал головой и ответил:

– Нет, мисс, с Люси точно не все в порядке. Ей очень плохо. К ним приходил социальный работник – в пятницу, по-моему. А когда он ушел, эта злая тетка и отец стали кричать на Люси, что она создает им проблемы. Она страшно боится. Она больше не будет разговаривать с вами, мисс.

Глава девятая
«Я вас всех ненавижу!»

– Похоже, социальная служба подошла к этому вопросу слишком формально, – вздохнул директор школы, когда миссис Бриджес ему все рассказала. – Как вы думаете, не стоит ли мне поговорить с Люси?

– Честно говоря, мне кажется, что будет только хуже. Люси сказала Сэмми, что я не должна больше о ней никому рассказывать. Я должна забыть, что она уже сказала, или она сбежит.

Директор кивнул.

– Прислушаюсь к вам. Я позвоню в социальную службу и выясню, что произошло во время посещения, а также какие шаги они собираются предпринять. Она еще что-нибудь рассказала Сэмми о посещении социального работника?

– Если и рассказала, то он мне не сказал.

Через два дня директор школы смог пообщаться с сотрудницей социальной службы, которая была в доме Люси, а потом он все рассказал миссис Бриджес.

– Дома у Люси оказалось довольно чисто, ее тетя и отчим беседовали вежливо, были готовы к сотрудничеству. Оказалось, что тетя больше готова к сотрудничеству, чем мать Люси. Она спокойно восприняла все предложения. Узнав, что Люси сказала Сэмми и вам, тетя была шокирована. Она даже не представляла, что у девочки такие мысли. Она удивилась, узнав, что у Люси вши, и очень сожалела, что не заметила, как девочка почесывается. Она сказала, что немедленно купит лекарство. Эта женщина показала весь свой дом. У Люси есть своя комната, игрушки, одежда в шкафу. В холодильнике есть еда. На кухне стоит стиральная машина.

– То, что машина есть, еще не означает, что ею пользуются, – перебила директора миссис Бриджес, не в силах скрыть свое разочарование.

– Я знаю, – кивнул директор. – Но я могу сообщить вам только то, что мне рассказали в социальной службе. Я не могу учить их, как выполнять свою работу.

Миссис Бриджес улыбнулась, и директор продолжил:

– Тетя сказала, что пищу готовит она, но признала, что у Люси плохой аппетит и она часто предпочитает бутерброды горячей пище. Сотруднице показалось, что эта женщина искренне

заботится о Люси.

– Почему же Люси так говорит? Почему она хочет жить в семье Сэмми, если все так?

– По-видимому, Люси обижена на то, что эта женщина заняла место ее матери. Ей хочется, чтобы мать вернулась, но это невозможно. Она уехала, и никто не знает куда. Отчим говорит, что он благодарен подружке за то, что она заботится о Люси. Один он не справился бы. Если бы не она, Люси пришлось бы отдать в приемную семью.

«Может быть, это было бы и лучше», – подумала миссис Бриджес, но говорить это вслух не стала. Ей не казалось, что тетя искренне заботится о Люси. Интуиция подсказывала ей, что на ребенка вообще не обращают внимания, а тетя эта – хитрая и лживая особа.

– Что же социальная служба собирается сделать для Люси? – спросила она.

– Они снова посетят эту семью через неделю или около того, хотя поводов для беспокойства нет. Тетя говорит, что Люси нужно время, чтобы принять ее в роли мачехи. И мне кажется, что это действительно так.

Миссис Бриджес посмотрела директору прямо в глаза.

– Думаю, что Люси действительно может обижаться на эту женщину… Но… А сотрудница социальной службы побеседовала с Люси наедине, без тети и отчима?

– Не знаю. Но, думаю, нам нужно согласиться с выводами социальной службы, хотя они могли бы действовать не столь прямолинейно.

Миссис Бриджес кивнула, поблагодарила директора и вышла из кабинета. Больше она ничего не могла сделать.

На следующее утро Люси в школу привела тетя. Люси выглядела более аккуратно, чем в начале учебного года. Волосы ее были тщательно промыты и стянуты в конский хвост, на одежде не было пятен. В конце дня, когда родители забирали детей, к миссис Бриджес подошла тетя Люси.

– Рада с вами наконец познакомиться, – с улыбкой сказала она. – Простите за это недоразумение. Мы с Люси поговорили и теперь ладим гораздо лучше.

Миссис Бриджес с улыбкой кивнула. Да, Люси выглядела более чистенькой и аккуратной, но затравленное выражение из глаз никуда не делось. Тете Люси было чуть за тридцать – блондинка в черных легинсах, сапогах до колена и куртке из искусственной кожи.

– Скажите, если я могу помочь Люси с учебой, – сказала она.

– Пусть она читает вам вечерами, чтобы вы могли исправлять ее ошибки, – предложила учительница. – И помогайте ей с заданиями на выходные.

– Обязательно, – с энтузиазмом пообещала женщина и потянулась, чтобы взять Люси за руку.

Миссис Бриджес заметила, что Люси отшатнулась и не стала брать тетю за руку. Уходя с игровой площадки, она шла чуть поодаль от тети.

Впечатления миссис Бриджес от той женщины не были отражены в документах. Однако там есть запись о том, что Люси была чистой и аккуратной всего неделю, а потом все вернулось на круги своя. Через две недели Люси снова стала приходить в школу неопрятной и неухоженной, а в классе держалась еще более тихо и замкнуто, чем обычно.

Через месяц – в конце октября – класс готовился к празднованию Хеллоуина. Дети вырезали силуэты привидений и ведьм для настенного украшения. И тут Сэмми невзначай сказал миссис Бриджес:

– Хорошо, что ведьма Люси ушла. Улетела на своей метле. Хорошо бы она с нее свалилась.

Миссис Бриджес оторвалась от своей работы и посмотрела на Сэмми.

– Тетя Люси уехала? – тихо, чтобы не слышали другие дети, спросила она.

– Да, мисс. И слава богу!

– И кто же теперь присматривает за Люси?

– Ее папа.

– Хочешь сказать, отчим, Дейв?

– Да, мисс. Но он не лучше той тети. Люси его ненавидит. Жалко, что она не может жить с нами. Я спрашивал маму, но она сказала, что у нас мало места, а Люси нужно поговорить с социальным работником.

Миссис Бриджес сразу же пошла к директору.

– Тетя Люси уехала, и Люси сказала Сэмми, что ненавидит своего отчима и хочет жить в семье Сэмми. Мне кажется ненормальным, что за шестилетней девочкой присматривает один лишь отчим, которого она к тому же и не любит.

– Но что вас тревожит? Люси говорит, что ее обижают?

– Нет, она ничего не говорит, а если и говорит, то Сэмми мне об этом не рассказывает. – Миссис Бриджес начала раздражаться. – Ведь сомнения возникали и раньше…

– Но они не подтвердились…

Наступила пауза. Учительница и директор смотрели друг на друга и размышляли. Миссис Бриджес понимала, что материалов для расследования недостаточно. Но она не могла просто сидеть сложа руки.

К счастью, директор разделял ее мнение.

– Как только у меня будет свободное время, я свяжусь с социальной службой и объясню, в какой ситуации оказалась Люси. Я предложу им еще раз побывать в ее доме.

– Спасибо.

Через две недели директор сообщил миссис Бриджес, что социальный работник побывал у Люси и ее отчима. Никаких действий предпринято не было. Информация об этом была доведена до школы. Миссис Бриджес ничего не оставалось, кроме как наблюдать за Люси, как за всеми остальными детьми в классе. Прошло два месяца. Наступило и прошло Рождество. Вернувшись после каникул, дети рассказывали, как хорошо провели праздники, и хвастались полученными подарками. Но Люси, как всегда, отмалчивалась. Когда миссис Бриджес спросила, хорошо ли она провела Рождество, девочка слабо кивнула – это могло означать все, что угодно. Учительница поняла, что не стоит расспрашивать дальше и смущать Люси. Вполне возможно, что полученный ею подарок был очень скромным – а может быть, ей вообще ничего не подарили. Но Сэмми оставался самим собой – и он был более откровенен.

– Мне подарили отличный велосипед! – сообщил он всему классу. – Это новый мамин приятель. Похоже, он ничего. Я сказал маме, что он может остаться!

Дети оценили юмор ситуации и расхохотались.

Но во время перемены, когда дети убежали на игровую площадку, Сэмми подошел к учительнице.

– Можно мне поговорить с вами, мисс? – попросил он. – Только наедине.

Миссис Бриджес дождалась, когда из класса выйдет последний ребенок, и закрыла дверь. Она думала, что Сэмми хочет поговорить с ней о новом приятеле своей матери. Сэмми был истинным экстравертом и постоянно смешил весь класс. Но в глубине души у него жили свои тревоги и беспокойства. Он часто рассказывал миссис Бриджес о новых приятелях матери. Учительница сдвинула два кресла, и они сели рядом.

– Это насчет Люси, мисс, – серьезно сказал Сэмми. – Не говорите, что я вам рассказал, но Рождество у нее было ужасным. Дейв привел домой новую пташку – и вовсе не индейку. Они все

Рождество провели в постели, а Люси выгнали на улицу. Я не мог играть с ней, мисс. Я был со своей семьей – ну, то есть Рождество ведь нужно проводить с семьей, правда, мисс?

– Да, конечно. – Учительнице была невыносима мысль о том, что Люси в Рождество оказалась на улице в полном одиночестве. – Ты не виноват, Сэмми. Но ты понимаешь, что для того, чтобы помочь Сэмми, мне нужно рассказать все это директору, а он поговорит с социальным работником?

– Да, мисс, я знаю. Мне кажется, что вы должны это сделать. Люси нужно помочь – даже моя мама так говорит.

Миссис Бриджес рассказала директору школы все, что услышала от Сэмми, и он позвонил в социальную службу. Там пообещали все проконтролировать. После этого визита было отмечено, что смена опекуна – то есть появление новой подружки Дейва (еще одной «тети») – сигнал тревожный, но второй опекун – Дейв – остался прежним, что дает Люси определенную стабильность. Решение забрать ребенка из семьи всегда дается нелегко. Нужно все тщательно взвесить. Порой ребенка оставляют в неидеальной семье, чтобы ему не пришлось расставаться со знакомой обстановкой и теми людьми, с которыми он прожил жизнь.

Второй визит был назначен через месяц, но до этого времени Дейв серьезно поссорился со своей новой подружкой, и даже пришлось вызывать полицию. Как только полиция уехала, девушка собрала свои вещи и съехала. Дейв уже год не платил за квартиру, игнорируя все требования домовладельца. На сей раз суд предписал ему освободить жилье. Дейв забрал Люси и переехал к старшей сестре, дом которой находился в двадцати милях от прежнего места. Люси больше не могла ходить в ту же школу, что и раньше.

Девочка, не простившись, исчезла. Школа сообщила в социальную службу. Дейва нашли, и социальный работник посетил дом его сестры. Жилищные условия были признаны удовлетворительными, и никаких действий предпринято не было.

В поле зрения социальной службы Люси вновь попала через два года. Ей было восемь лет. Она жила в Мидлендсе с матерью и ее новым приятелем. Как-то вечером в квартире раздались громкие крики и грохот. Соседка вызвала полицию. Полиция обнаружила, что пол квартиры засыпан осколками разбитых вещей, а Люси съежилась под одеялом в спальне. Полицейские утихомирили взрослых. Решив, что драки больше не будет, они уехали. Но наличие ребенка в квартире их встревожило, и они

сообщили об инциденте в социальную службу. Люси уже давно носила фамилию Дейва, и информация о ней хранилась в компьютерной системе. Социальный работник навестил Бонни, и та призналась, что не справляется с воспитанием девочки. Мы не знаем, почему она забрала Люси у Дейва и его сестры, но социальному работнику она сказала, что Дейв – «настоящее дерьмо» и она не хочет больше иметь с ним никаких дел. А ведь это был тот самый мужчина, которого она сделала отцом Люси и которому она спокойно ее оставила! После долгих переговоров Бонни согласилась, чтобы Люси передали в приемную семью на условиях пункта 20.

У приемного опекуна Люси уже было два приемных ребенка – брат и сестра, которые жили в этом доме почти три года. По документам видно, что в приемной семье Люси с самого начала пришлось нелегко. Опекун отмечал, что Люси не отличается общительностью, не делает попыток подружиться с детьми, у нее низкая самооценка, она редко улыбается и смеется. В общем, «трудный ребенок» – неудивительно, если вспомнить, что пришлось пережить Люси за свою короткую жизнь. Новому ребенку трудно вписаться в сложившуюся жизнь семьи. В такой ситуации опекуну нужно запастись недюжинным терпением. Но этот опекун предпочел считать Люси унылой и замкнутой. Все ссоры между детьми приписывали ее плохому характеру и нежеланию идти на контакт. Действительно ли Люси была таким трудным ребенком или нет, но при таком отношении опекуна вся затея была обречена на провал. Бонни раз в неделю навещала Люси в приемной семье, потом стала приходить раз в месяц, а потом ее не было целых три месяца.

Когда Люси провела в этой семье одиннадцать месяцев, опекун обратился в социальную службу с просьбой передать ее в другую семью, потому что ее присутствие пагубно сказывается на поведении двух других детей. Такое порой случается. Иногда перевода ребенка избежать невозможно, и этот шаг идет всем на пользу. Но порой социальная служба обеспечивает приемной семье необходимую помощь, чтобы ребенку не приходилось менять место жительства. Предлагала ли социальная служба такую помощь, мы не знаем, но Люси пришлось собираться и переезжать. Неопределенность, неуверенность, чувство собственной ненужности… Жизнь Люси сплошь состояла из расставаний…

На сей раз Люси переехала в приемную семью в пяти милях от прежнего дома. У одинокой матери была дочь, ровесница Люси. Когда Люси приехала в новый дом, женщина заметила, что

она больше похожа на ребенка из неблагополучной семьи, чем на того, кто прибыл от опекуна. Девочка выглядела неопрятно, у нее были вши. Вещей у Люси почти не было. Предполагается, что приемные опекуны обеспечивают детям хороший уровень жизни, но, к сожалению, так бывает не всегда. Хотя опекунов готовят и контролируют, все люди разные – и о детях они заботятся по-разному. Когда социальный работник беседовал с прежним опекуном, та женщина сказала, что она регулярно мыла голову Люси, но девочка утверждала, что та лишь заплетала ей косички, из-за чего и появились вши. Опекун сказала, что покупала Люси много вещей, но та их рвала и портила. Может быть, это действительно было так, а может быть, опекун уделяла Люси гораздо меньше внимания, чем другим детям.

Новая приемная семья Люси была совершенно другой. Опекун приложила все усилия, чтобы Люси почувствовала себя частью семьи. Люси отлично поладила с дочерью опекуна, начала улыбаться и играть, как обычный ребенок. К сожалению, это был крохотный оазис безопасности и счастья в бескрайней пустыне перемен и тревоги. Через три месяца Бонни, которой сообщили о смене опекуна (социальная служба обязана это делать по пункту 20), заявила, что хочет вернуть Люси. Теперь она жила в небольшой съемной квартире. По правилам она сообщила социальной службе свой новый адрес и забрала Люси. Опекун говорила, что Люси не хотела уезжать, но выбора у нее не было. Бонни пообещала сообщать о жизни Люси, но ни разу не позвонила.

Бонни не могла воспитывать Люси раньше, и не было никаких причин полагать, что это удастся ей на сей раз. В ее жизни ничего не изменилось – появилась лишь новая квартира и новый приятель. Социальная служба наблюдала за жизнью этой семьи шесть месяцев. В конце концов чаша терпения переполнилась. Люси передали в приемную семью – на сей раз по ордеру суда, а не по пункту 20. Эта ситуация давала социальной службе больше прав, а Люси обеспечивала большую стабильность.

На сей раз девочку отправили к семейной паре, у которой было двое детей-подростков. Семья жила в комфортабельном современном доме в хорошем районе на окраине города. К сожалению, мать семейства не водила машину, а школа, в которой Люси училась уже полгода (она поступила туда, когда стала жить с матерью), находилась в часе езды на автобусе. Было решено, что ребенку такого возраста подобная дорога не по силам. Кроме того, Люси было бы неприятно приезжать в школу с приемной матерью, потому что раньше ее видели с родной. Было решено, что учеба в новой школе пойдет Люси на пользу, и ее

записали в местную школу. К этому времени Люси за пять лет успела побывать в шести разных школах. А если считать адреса, по которым жила эта девочка, то даже по самым приблизительным оценкам их было не менее тридцати.

Хотя Люси заметно отставала в учебе, в новой школе она начала делать успехи. В приемной семье она встретила первое настоящее Рождество. Но когда она провела в этом доме пять месяцев, положение семьи резко изменилось. Фабрика, где работал отец семейства, сообщила всем работникам о закрытии. Те, кто проработал в этой компании более пяти лет, могли перейти на другую фабрику, расположенную в восьмидесяти милях к северу. Естественно, что в условиях высокой безработицы и малого количества рабочих мест семья согласилась переехать. Они предложили социальной службе забрать Люси с собой. Хотя Люси находилась под опекой по судебному ордеру, это был ордер о временной опеке, а это означало, что мать Люси все еще имеет право решать судьбу дочери. За пять месяцев Бонни лишь дважды виделась с Люси, но сразу же вспомнила о своих правах и категорически запретила вывозить Люси в другой регион, где она не сможет видеться с ней так часто, как захочется. Семья уехала, а Люси отправилась к новым опекунам.

Единственным свободным опекуном в тот момент была женщина, имевшая сертификат на опеку над малышами до двух лет. Люси отправили к ней временно, пока не освободится более подходящий опекун. Постоянные переезды детей от опекуна к опекуну по подобным причинам весьма распространены. Нужно приложить усилия к тому, чтобы свести подобные ситуации к минимуму.

Через два месяца после переезда к новому опекуну Люси, которой исполнилось уже одиннадцать лет, пошла в местную среднюю школу. Переход из начальной школы в среднюю – это важный, серьезный шаг. Но в жизни Люси оставалась неопределенность – она не знала, где будет жить через несколько месяцев. Через шесть недель освободился более подходящий опекун. Люси вернулась из школы, и ей сообщили, что в выходные она переезжает. Хотя она знала, что когда-нибудь придется переезжать, но переход в среднюю школу и накопившиеся за долгие годы страданий переживания сделали свое. Когда опекун стала объяснять Люси, что социальный работник отвезет ее к новому опекуну Кэти, у которой двое детей, девочка издала дикий вопль, взлетела по лестнице и заперлась в ванной – единственном помещении в доме, где на двери был замок.

Напуганная таким всплеском чувств у ребенка, который

всегда вел себя тихо, скромно и послушно, женщина бросилась за ней. Она полчаса просидела у дверей, пытаясь уговорить Люси успокоиться и выйти. Рыдания девочки становились все громче. Когда муж женщины вернулся домой с работы, истерические вопли Люси были слышны даже на улице:

– Я вас всех ненавижу! Я никуда не поеду! Я убью себя!

Часть вторая

Глава десятая
«Своя семья»

Мне позвонила социальный работник Джилл.

– Это кошмар, – сказала она. – Мужу пришлось выломать дверь ванной, чтобы вытащить Люси. И она до сих пор отказывается с кем-нибудь говорить.

– Бедный ребенок, – вздохнула я. – Вы не должны ее винить. Ее жизнь с первого дня – это сплошная череда несчастий. Неудивительно, что она чувствует себя никому не нужной. Ее действительно никто не захотел взять к себе.

– Знаю. Вы читали документы?

– Да.

Поскольку Люси должны были привезти ко мне в плановом порядке, я успела познакомиться с документами и понять, что больше всего нужно этой девочке. В деле кратко описывались достоинства и недостатки Люси и ее прошлое. Когда ребенок приезжает ко мне в экстренных ситуациях, я мало что знаю о нем, иногда совсем ничего.

– Да, я читала документы. Я не могла сдержать слез. Люси заслуживает лучшего. К ней относились просто ужасно.

– Согласна, – ответила Джилл. – Но ей нужно переехать, а пока что она не соглашается даже приехать к вам в гости или встретиться с социальным работником. Уверена, что она изменит свое мнение, если сможет сначала познакомиться с вами, Адрианом и Полой, увидит свою комнату и оглядится в доме. Но мы не можем ее заставлять.

Конечно, если Люси отказывается встречаться со мной, то как мы можем заставить ее переехать?

Мы с Джилл немного помолчали, а потом я сказала:

– Может быть, Люси поговорит со мной по телефону? Это будет хоть что-то… Может, попробуем?

– Да, думаю, это возможно. Я позвоню социальному работнику Люси и спрошу ее мнение, а потом перезвоню вам. Если звонить, то нужно сделать это сегодня вечером. Завтра они собираются ее перевозить, хотя я даже не представляю, как…

– Я весь вечер буду дома. Давайте свяжемся позже.

Мы простились, и я повесила трубку. Джилл была моим социальным работником последние шесть из тринадцати лет моего приемного опекунства. У нас сложились прекрасные рабочие отношения. Я уважала ее решения и точку зрения. Но, положив трубку, я не могла избавиться от мыслей о несчастной

одиннадцатилетней девочке. Я представляла, как ее силой приволокут к моим дверям. Ко мне уже привозили маленьких детей, которых забирали у родителей. Им было очень тяжело. Мне приходилось часами сидеть и успокаивать их. Дети редко расстаются с родителями по собственной воле – только в самых тяжелых случаях сексуального насилия. Но Люси была уже не маленькой. Мне вряд ли удалось бы успокоить ее подобным образом. Кроме того, она должна была приехать ко мне не от родителей, а от временного опекуна. То, что она устроила истерику из-за отъезда из дома, где провела всего три месяца, говорило о многом.

Было пять вечера. Февральский вечер выдался особенно холодным. Мои дети – тринадцатилетний Адриан и девятилетняя Пола – смотрели телевизор, а я готовила ужин. Дети уже привыкли к тому, что дома появляются приемные дети всех возрастов, обоих полов и разных национальностей. Им даже нравилось временное увеличение нашей семьи. Когда два дня назад я сообщила, что к нам приедет Люси, Пола сразу же сказала:

– Отлично, большая девочка, будет с кем поиграть!

Адриан предпочел бы, чтобы это был мальчик-ровесник. Он скорчил рожицу и вздохнул:

– Еще одна девчонка! Мало мне…

Впрочем, мы были рады любому ребенку, который появился бы в нашем доме.

Джилл, как всегда, была пунктуальна. Через пятнадцать минут она перезвонила:

– Социальный работник занят, и я позвонила Пэт, приемному опекуну. Люси все еще отказывается говорить с ней. Она уверена, что и с вами она тоже говорить не будет. Но Пэт готова дать вам возможность попробовать. Самое печальное – Люси отказывается от еды. Она ничего не ела уже два дня. Я дам вам номер Пэт. Я сказала, что вы позвоните около семи часов. Это нормально?

– Да, – ответила я, все больше тревожась о Люси. Я взяла ручку и блокнот и записала телефон опекуна, а потом прочитала цифры вслух, чтобы проверить, что я не ошиблась.

– Удачи, – сказала Джилл. – Пэт с мужем хотят привезти Люси завтра, в субботу. Но если она заартачится, то они готовы дождаться понедельника, когда на работу выйдет социальный работник и со всем разберется.

– И что она сделает?

– Понятия не имею. Запасного плана, похоже, нет, – пошутила Джилл, чтобы как-то разрядить ситуацию.

– Да, все как-то трагично получается, – ответила я, всем сердцем сочувствуя Люси.

– А самое трагическое в том, что всего этого не должно было произойти. Жизнь Люси сложилась бы совершенно иначе, если бы кто-нибудь забрал ее раньше. Ее могли бы удочерить. А теперь уже поздно. Она слишком взрослая.

Адриан и Пола думали, что Люси приедет в пятницу вечером. Закончив разговаривать с Джилл, я вернулась в гостиную и объяснила детям, что Люси не приедет сегодня, потому что она очень расстроена. Попозже я позвоню ее опекуну и попытаюсь с ней поговорить.

– А почему Люси не хочет приезжать? – спросила Пола. – Мы ей не нравимся?

– Она нас даже не знает, – быстро вставил Адриан, всегда готовый поправить младшую сестру.

– Думаю, ей просто все надоело, – объяснила я. – У нее никогда не было нормального дома, и к ней очень плохо относились.

– Скажи, чтобы она приезжала, – сказала Пола. – Мы не будем плохо к ней относиться. Мы добрые!

– Хорошо, дорогая, – улыбнулась я и подумала: «Если бы все было так просто…»

Мы поужинали, я убрала со стола, отправила детей играть в гостиную, а сама спустилась в холл, чтобы позвонить опекунам Люси. Мне нужно было спокойно обдумать, что я могу сказать Люси, если удастся поговорить. И я нервничала. Даже после стольких лет приемного опекунства я каждый раз нервничала перед приездом нового ребенка. А когда переезд был связан с проблемами, становилось еще хуже. Но потом я подумала, как же тяжело Люси, несчастной и отвергнутой, вынужденной снова отправляться в незнакомую семью…

Мне ответил женский голос.

– Это Пэт? – спросила я.

– Да. Говорите.

– Это Кэти Гласс.

– А, да, новый опекун Люси. Здравствуйте. – Я почувствовала в ее голосе облегчение. – Джилл сказала, что вы будете звонить.

– Как дела у Люси?

– Она заперлась в своей комнате и отказывается выходить и разговаривать с нами. Я не знаю, что делать. Я чувствую себя ужасно, и мой муж тоже. Люси во всем обвиняет нас, но у нас сертификат только для опекунства малышей. Честно говоря, Кэти,

я уже жалею, что согласилась принять Люси. Ей так тяжело, и мы чувствуем себя виноватыми.

– Не расстраивайтесь. Это не ваша вина. Социальная служба не смогла найти подходящего опекуна в этом районе – а мать Люси потребовала именно этого. Вы были единственными свободными опекунами. Все получилось не очень хорошо, но система небезупречна. Вы можете сказать Люси, что я хочу с ней поговорить?

– Я сказала ей из-за двери, но она не ответила. Впрочем, думаю, что она меня слышала.

– И как давно это было?

– Часа два назад.

– Хорошо. Не могли бы вы подняться и сказать, что я ей звоню? Думаю, дверь спальни не заперта?

– Нет. У нас нет замков на дверях. Нам не разрешают.

Пэт имела в виду «технику безопасности» для приемных опекунов. На дверях спальни не должно быть замков, чтобы опекун мог всегда войти к ребенку, если возникнет экстренная ситуация.

– Хорошо. Тогда сделайте, пожалуйста, следующее. Поднимитесь, постучитесь, загляните в спальню и скажите: «Люси, тебе звонят. Это Кэти, твой новый опекун. Она хочет немного поболтать с тобой».

– Думаете, я должна открыть дверь и войти? – с сомнением спросила Пэт. – Я думала, она хочет побыть в одиночестве.

Пэт не имела дела с приемными детьми старшего возраста. Ей казалось, что, оставив Люси в покое, она проявляет уважение к ней. Но, как опытный опекун старших детей, я знала, что, когда ребенок остынет, ему нужно внимание и ласка взрослых. Я бы никогда не оставила ребенка в таком состоянии, как Люси, в одиночестве больше чем на пятнадцать минут.

– Да, Пэт. Откройте дверь спальни и войдите, – сказала я.

– Хорошо, я сделаю, как вы сказали.

Я услышала, как Пэт поднимается по лестнице. Сердце колотилось в моей груди. Из гостиной доносились голоса Адриана и Полы. Я слышала, как Пэт стучит в дверь Люси, потом раздался скрип открываемой двери и слова: «Тебе звонит твой новый опекун, Кэти. Ты не хочешь спуститься и поговорить с ней?»

Наступила тишина. Я услышала, как захлопнулась дверь. Через несколько секунд в трубке раздался голос Пэт:

– Я сказала ей, но она по-прежнему отказывается даже глядеть на меня. Она просто сидит на кровати и смотрит в пустоту.

Я забеспокоилась.

– И что мне делать? – с тревогой спросила Пэт. – Может быть, попросить мужа поговорить с ней?

– Она ему больше доверяет?

– Да нет, не сказала бы, – ответила Пэт. – Она и с ним не разговаривает. Джилл сказала, что мы можем оставить ее здесь до понедельника, когда придет работник социальной службы.

– И тогда Люси придется провести так все выходные, – вздохнула я. – Будет только хуже. Давайте еще раз попробуем позвать ее к телефону. Уверена, ей станет легче, если она поймет, что я не монстр.

Пэт усмехнулась.

– Джилл говорила, что вы отлично ладите со старшими детьми, – сказала она, вспомнив нашу общую знакомую из социальной службы.

– Мило с ее стороны. У вас стационарный телефон или беспроводная трубка?

– Беспроводной.

– Отлично. Тогда возьмите трубку с собой, постучите в дверь спальни, войдите и еще раз скажите, что я хочу поговорить с ней. Но теперь оставьте трубку на ее постели, лицом вверх, чтобы она могла меня слышать. И выйдите из спальни. Может быть, мне придется говорить в пустоту, но я к этому привыкла.

Пэт снова нервно усмехнулась.

– Держу за вас кулачки, – сказала она.

Я снова услышала, как Пэт поднимается по лестнице. Раздался осторожный стук и легкий скрип открывающейся двери. Когда Пэт заговорила, голос у нее слегка дрожал:

– Кэти все еще у телефона, и она хочет поговорить с тобой.

Я услышала шуршание – по-видимому, Пэт положила трубку на кровать Люси. Дверь захлопнулась. Я осталась наедине с Люси. Теперь я могла поговорить с ней, попытаться достучаться до нее и как-то ее успокоить. Возможно, это был мой единственный шанс.

Я сделала глубокий вдох и мягко произнесла:

– Здравствуй, дорогая. Это Кэти. Ты слышишь меня, котенок?

Я немного помолчала. Хотя на ответ я и не рассчитывала, но все же хотела дать девочке шанс. Я представляла, как трубка лежит на кровати, достаточно близко, чтобы Люси слышала. Я буквально видела, как она смотрит на телефон, откуда доносится мой голос.

– Я знаю, как это тяжело для тебя, – я говорила тихо, но достаточно громко, чтобы она меня слышала. – Я знаю, что ты чувствуешь из-за нового переезда. Ты уже так много переезжала, Люси. Ты отлично со всем справилась. Не думаю, что у меня

получилось бы так же хорошо, как у тебя.

Я снова замолчала, ожидая реакции, но не услышала ни вздоха, ни слез. Я подумала, что она могла засунуть телефон под подушку, чтобы не слышать меня. Но она не прервала звонок – короткие гудки не раздавались.

– Хочу немного рассказать тебе о себе и моем доме, – продолжала я. – И тогда он не покажется тебе чужим, когда ты приедешь. Я живу примерно в двадцати минутах езды от твоего теперешнего дома. И ты сможешь ходить в ту же школу, а это хорошо. Тебе не придется снова менять школу. У меня двое детей: Адриану тринадцать, а Поле девять. Они оба ждут тебя и рады, что ты будешь жить у нас. Пола уже придумала для вас кучу игр. Мы живем втроем – я разведена. А с тобой нас станет четверо. Нет, пятеро, включая кошку.

Я снова замолчала, но ничего не услышала.

– Я уже приготовила тебе комнату. Но ты наверняка захочешь что-то поменять по своему вкусу, и это хорошо. Ты сможешь повесить на стенах спальни постеры и картинки, чтобы стало уютнее. Как захочешь. Там есть постель, шкаф и комод для твоей одежды. На полках достаточно места для всяких мелочей, и есть ящик для игрушек. За письменным столом ты сможешь работать в тишине – делать уроки, например. А если захочешь, то уроки можно делать и в гостиной. Если тебе понадобится моя помощь, я обязательно тебе помогу, так же как помогаю Адриану и Поле. У нас есть большой сад и качели. Мы любим сидеть в саду в хорошую погоду. Мы любим играть в игры. Адриан и Пола сейчас играют в гостиной. А ты любишь играть, дорогая?

Я замолчала и подождала ответа, но ответа так и не было. Слушает ли Люси? Удалось ли мне привлечь ее внимание? Или она по-прежнему отказывается кого-либо слушать и сидит, зажав уши руками и не слыша ни одного моего слова. Я еще немного подождала и снова заговорила.

– Ну, что еще тебе сказать, Люси? Уверена, у тебя куча вопросов. Нашу кошку зовут Тоша. Она тебе понравится. Она очень ласковая и любит, когда ее гладят. Вот только Адриана она как-то поцарапала – он тогда был маленький и таскал ее за хвост. Кошки не любят, когда их таскают за хвост. Он усвоил урок и больше никогда так не делал. Пола иногда натягивает на Тошу кукольную шляпку и катает ее по саду в кукольной коляске – очень весело.

Я замолчала, потому что мне показалось, что я слышу тихий звук, какое-то движение. Я замерла, не дыша. Сердце у меня колотилось. Потом я услышала еще звук и замерла. Я почувствовала, что Люси взяла трубку. Мне показалось, я слышу

легкое дыхание. Я выждала еще чуть-чуть, а потом тихо и мягко сказала:

– Привет, Люси.

Пауза – и почти неразличимое:

– Привет…

Я вздохнула с облегчением. Я чуть не плакала. Детский голосок звучал очень грустно.

– Хорошо, дорогая, – сказала я. – Ты очень смелая. Я знаю, как тебе трудно. Пэт тоже знает. Как ты?

Еще пауза, а потом тихое:

– Наверное, нормально…

У меня комок встал в горле. Как бы мне хотелось дотянуться до этой девочки и обнять ее…

– Мы все тебя ждем, – сказала я. – Адриан, Пола, я и Тоша. Может быть, ты хочешь о чем-нибудь спросить?

Тишина, а потом снова тихий голос:

– А как называется игра, в которую играют Адриан и Пола?

Значит, она меня слушала!

– Шашки, дорогая. Ты умеешь играть в шашки?

– Наверное, да…

– В нее играют круглыми фишками на доске. Можно съесть чужие шашки, перескочив через них. Играть легко и весело.

– Я не очень много игр знаю, – тихо ответила Люси.

– Мы тебя научим. У нас целый шкаф игр. Когда приедешь, я тебе все покажу и ты сможешь выбрать игру себе по вкусу. Адриан и Пола постоянно во что-то играют, когда не в школе.

– А телевизор они смотрят?

– Ну конечно же! Порой даже слишком много… А у тебя есть любимая телепрограмма?

Люси замолчала, а потом тихо пробормотала:

– Пожалуй, нет. Я смотрю то, что смотрят все остальные…

– А какую еду ты любишь? Мне хочется приготовить тебе на завтра что-нибудь вкусненькое.

– Не знаю, – сказала Люси тем же тихим, робким голосом, от которого мне хотелось плакать. – У меня нет какой-то любимой еды. Я не люблю много есть.

Я была рада, что Люси разговаривает со мной, но она была такой печальной и несчастной, что у меня разрывалось сердце. Ей постоянно приходилось подстраиваться под другие семьи, где она оказывалась. Меня беспокоило и то, что она не любит есть: судя по документам, Люси была очень худенькой. Вполне возможно, что у нее уже развилось пищевое расстройство.

– Что еще ты хочешь о нас узнать?

Люси помолчала, а потом задала тот вопрос, которого я

боялась больше всего:

– Если я приеду к вам, мне потом снова придется уезжать?

Я сделала глубокий вдох:

– А что сказала тебя тетя из социальной службы?

– Она сказала, что если мама захочет меня забрать, то ей придется идти в суд, потому что теперь выписан судебный ордер.

– Именно так. Ты будешь находиться под опекой по ордеру временной опеки. Тебе объяснили, что это такое?

– Да, но я не совсем поняла.

– Понимаю, дорогая. Это довольно сложно, но я попробую объяснить. До недавнего времени ты находилась под опекой по пункту 20, то есть по соглашению между твоей мамой и социальной службой. И твоя мама могла забрать тебя в любое время, когда ей захочется. Поэтому-то тебе и приходилось так часто переезжать. По судебному ордеру это невозможно. Социальная служба подаст документы на ордер постоянной опеки. И тогда судья примет решение, где ты будешь жить постоянно: сможешь ли ты жить с матерью или лучше будет постоянно проживать в приемной семье. Но судья примет решение лишь через несколько месяцев, может быть, через год. Нужно изучить много документов, чтобы принять правильное решение. – Я помолчала, а потом спросила: – Ты понимаешь, дорогая?

Наступила долгая пауза – и неудивительно: понять принципы работы социальной службы непросто даже взрослым, что уж говорить об одиннадцатилетней девочке.

Когда Люси мне ответила, на глаза навернулись слезы.

– Я не хочу жить с мамой, – сказала она. – Но и переезжать из дома в дом я не хочу. Другие дети живут в нормальных домах, в семьях, где их любят. Я хочу, чтобы у меня тоже была своя семья.

Глава одиннадцатая
Люси

Я не могла солгать Люси. Я не могла сказать, что ей никогда больше не придется переезжать. Но я *могла* сказать, что со временем у нее будет собственная постоянная семья.

– Люси, я знаю твою историю. Мне кажется, что судья вряд ли вернет тебя матери. Социальная служба выяснит, нет ли у тебя родственников, которые могли бы взять тебя под опеку. А если таких не найдется, они найдут тебе подходящую приемную семью надолго.

Я не сказала об этнической принадлежности, но знала, что это будут учитывать. Отец Люси был тайцем, и социальные службы постараются найти ей семью, соответствующую ее происхождению.

– Но это займет много месяцев, – сказала я, – возможно, целый год. И в это время тебе не придется переезжать.

Больше я ничем не могла утешить девочку. Слава богу, этого оказалось достаточно.

– Значит, мне целый год не придется переезжать? – с надеждой в голосе переспросила она.

– Наверняка, дорогая. Ты переедешь, только когда судья примет окончательное решение. И та семья станет твоей навсегда.

– Хорошо. А когда я приеду завтра, ваша кошка будет дома?

– Я об этом позабочусь, солнышко.

Мы попрощались, но Люси не положила трубку. Я слышала приглушенные звуки – девочка спустилась вниз и отдала трубку Пэт, которая, как я полагаю, с тревогой ожидала результата.

– Алло, – встревоженно сказала она.

– Вы сможете завтра привезти Люси примерно в половине двенадцатого?

– Да, конечно! А Люси согласилась переехать?

– Она согласна.

– Как вам это удалось?

– Думаю, все дело в кошке, – улыбнулась я. – Значит, в половине двенадцатого будет нормально? Я бы предпочла не откладывать – ожидание будет только нервировать Люси.

– Конечно, конечно! Мы начнем собираться прямо сейчас.

– Отлично. И, возможно, вы этого не знаете, но, когда переезжает ребенок старшего возраста, опекунам лучше всего попрощаться и побыстрее уехать, поэтому я не буду предлагать вам кофе. Я понимаю, что с малышами все происходит иначе,

но…

– Да, да, я все понимаю… Спасибо, что предупредили.

– Вы можете позвонить Люси через неделю-другую. Это будет мило и приятно. А через несколько недель можете навестить ее – когда она уже освоится.

– Обязательно! Увидимся завтра. И большое спасибо за помощь.

– Всегда рада помочь. Хорошего вам вечера. Надеюсь, вы расстанетесь с Люси друзьями.

– Мы постараемся.

Честно говоря, мне бы не удалось убедить Люси переехать, если бы не мой большой опыт опекунства. Пэт и ее муж привыкли опекать малышей. Они не умели общаться с ребенком старшего возраста. Опекунов готовят для конкретной возрастной группы.

Я вернулась в гостиную. Адриан и Пола только что закончили играть в шашки. Я сообщила им хорошие новости: мне удалось поговорить с Люси, и завтра она приедет.

– Ей очень хочется поиграть с вами обоими, – добавила я. – И нам нужно проследить, чтобы Тоша тоже была дома.

– Зачем? – удивился Адриан, отрывая взгляд от доски. – Что может сделать кошка?

Не обращая внимания на его подколки, я ответила:

– Люси очень хочется ее увидеть.

Адриан закатил глаза, съел последние шашки Полы, победно поднял кулак в воздух и воскликнул:

– Победа!

– Молодец! – похвалила его я.

Пола надулась.

– Ты тоже хорошо играла, – дипломатично заметила я.

Дети убрали доску и шашки, и Адриан принялся играть с игровой приставкой, а мы с Полой отправились в ванную, готовиться ко сну. В пятницу дети засиживались дольше, чем в другие дни. Пола порой превращалась в ужасную болтушку, особенно перед сном. Сегодня она без умолку болтала о Люси.

– Я так рада, что Люси приедет, – заявила она, взбивая пену в ванне. – А во что она любит играть?

– Я не знаю. Сама спросишь. Не думаю, что она знает много игр – ты сможешь ее научить.

– Обязательно! Я покажу ей мои игрушки и позволю играть с ними, даже с рождественскими! А если пойдет снег, мы сможем выйти в сад и слепить снеговика. Хорошо бы пошел снег! Мы будем с Люси играть!

Пола радостно планировала, чем она будет заниматься с

Люси, а я продолжала думать о девочке. Меня беспокоило то, как мы в понедельник поедем в школу. Как и большинству приемных опекунов, мне приходилось учитывать потребности не только приемных, но и родных детей. Адриан был уже достаточно взрослым и мог ездить в школу с друзьями. Но оставалась Пола. Ей было девять лет, и мне нужно было отвозить ее в школу и забирать. Школа Люси находилась в двадцати минутах езды на автобусе. Хотя в средней школе большинство детей ездят автобусом, мне не хотелось, чтобы сразу после переезда девочка отправлялась в незнакомый путь в одиночку. Я знала, во сколько начинаются ее занятия, и надеялась, что мне удастся что-то придумать, чтобы отвозить обеих девочек в школу и забирать их. Когда появляется новый приемный ребенок, всегда возникает определенная неразбериха, но со временем все входит в привычную колею.

На следующее утро (в субботу) я поднялась пораньше, приняла душ, тщательно оделась. С радостным предвкушением я еще раз проверила комнату Люси. Пола тоже поднялась раньше обычного. Спустившись, она сразу же заявила, что ждет, когда же приедет Люси. Верный себе Адриан поднялся с постели лишь тогда, когда по всему дому запахло жареным беконом. По выходным мы всегда готовили завтрак – ведь насладиться настоящим завтраком можно было лишь два раза в неделю. К одиннадцати часам Адриан уже принял душ, оделся и, как и мы, поддался радостному ожиданию, охватившему наш дом. Осталось полчаса до приезда Люси, мы с нетерпением ждали ее – все, кроме…

– А где Тоша? – спросила я, неожиданно заметив, что кошки нет на ее излюбленном месте в кресле у окна.

Мы обыскали весь дом. Кошки нигде не было. Мы облазили все комнаты, заглянули под кровати, искали по углам (особенно под радиаторами), заглянули во все шкафы, даже в подвесные полки (однажды она ухитрилась спрятаться именно там). Тоши не было.

– Наверное, она гуляет, – сказал Адриан. – Мы же специально сделали для нее дверцу.

– Очень смешно, – расстроенно ответила я.

Я выглянула из окна, но в саду Тоши не было. Мне пришлось накинуть пальто, взять пакет с ее любимым кормом и выйти в сад. Я трясла пакетом и звала кошку, но Тоша не спешила появиться. Было уже 11.20. Я начала беспокоиться – причем не только из-за того, что расстроится Люси. Тоша была очень дисциплинированной кошкой. Она никогда не убегала из дома,

особенно зимой.

И тут я услышала крик Адриана:

– Мама! Мама! Иди скорей! Тоша спит в комнате Люси! Мы ее просто не заметили!

Какое облегчение! Я вернулась в дом. Наверное, кошка пробралась в комнату Люси незамеченной, когда я утром поднялась проверить, все ли в порядке. А потом я закрыла дверь и больше мы в эту комнату не входили. К счастью, Адриан все же решил туда заглянуть.

– Отлично, дорогой! – похвалила я сына, когда он усадил кошку на диван. Мы приготовились к встрече.

Время тянулось медленно. Тоша свернулась клубочком, положила голову на лапки и задремала, ни на кого не обращая внимания. И тут раздался звонок.

– Наверное, это они, – сказала я.

Пола взяла меня за руку и вместе со мной отправилась открывать дверь. Адриан с Тошей остались на диване. Открывая дверь, я страшно нервничала. Пола успокаивающе сжала мою руку.

– Привет, – улыбнулась я гостям.

– Здравствуйте, Кэти, – жизнерадостно поздоровалась Пэт. – Это мой муж Терри, а это Люси.

– Здравствуйте, Терри. Привет, дорогая. Входите.

Люси смотрела на меня во все глаза. Она оказалась миниатюрной, худенькой девочкой с роскошными длинными черными шелковистыми волосами ниже плеч. На ней было симпатичное зимнее пальто. Она уже расстегнулась, и я заметила новые джинсы и розовый свитер. Я продолжала улыбаться девочке.

– Я принесу вещи, – сказал Терри.

– Спасибо. Я оставлю дверь незапертой.

Терри пошел к машине, а я представила Люси и Пэт своих детей:

– Это Пола. Адриан с Тошей в гостиной – прямо по коридору.

– Какой красивый дом, – сказала Пэт, обращаясь к Люси.

Люси не ответила. Я этого и не ожидала – даже Пола нервничала и не выпускала мою руку.

Мы вошли в гостиную. Адриан оторвался от кошки и помахал нам рукой:

– Привет.

– Привет, – ответила Пэт, – рада встрече. Это Люси.

Адриан еле заметно улыбнулся Люси с дивана. Девочка стояла рядом с Пэт, слегка наклонив голову и посматривая на кошку из-под челки.

– Давай я возьму твое пальто, дорогая, – предложила я. – У нас тепло.

Люси не произнесла ни слова. Не глядя на меня, она выскользнула из своего пальто и подала его мне. Бедный ребенок совсем растерялся – мне было больно на нее смотреть.

– Уверена, Тоше понравится, если ты ее погладишь, – сказала я, пытаясь хоть как-то помочь девочке почувствовать себя дома.

Адриан снова улыбнулся Люси. Девочка очень осторожно и грациозно, почти по-кошачьи, подошла к дивану, села рядом с кошкой и погладила ее. Пола тоже набралась смелости, отпустила мою руку и подошла к Люси и Адриану. Она стояла перед ними, и все втроем они гладили кошку. Тоше никогда еще не доставалось столько ласки. Она громко и довольно замурлыкала. Мы с Пэт устроились в креслах напротив детей и немного поболтали. Терри принес сумки Люси, закрыл входную дверь и присоединился к нам в гостиной. Он поздоровался с Адрианом и похвалил наш сад, который успел увидеть, пока носил сумки.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Летом у нас еще красивее.

Наступила неловкая пауза. Терри, вспомнив о моем совете уехать побыстрее, повернулся к Пэт и сказал:

– Что ж, думаю, нам пора ехать.

Пэт кивнула.

– Через недельку мы позвоним тебе, – сказала она Люси.

Люси ничего не ответила и не посмотрела на Пэт. Она целиком и полностью сосредоточилась на кошке. Пэт подошла, поцеловала девочку в макушку. Я подумала, что Люси обнимет ее или заплачет при расставании, но этого не произошло. Девочка кивнула и очень спокойно, не поднимая глаз, произнесла:

– До свидания.

По ее лицу было невозможно догадаться о ее чувствах. Я инстинктивно почувствовала, что этот ребенок привык скрывать свои эмоции. У нее выработался своеобразный защитный механизм, чтобы не испытывать новой боли.

– Что ж… До свидания, Люси, – от дверей попрощался Терри. – Береги себя.

Люси кивнула, продолжая гладить кошку.

Я проводила Пэт и Терри до машины.

– Не волнуйтесь, с Люси все будет хорошо, – успокоила я их. – Уверена, что она недолго будет такой тихой.

Пэт и Терри посмотрели на меня как-то странно.

– Будет, – со вздохом произнесла Пэт. – За три месяца, что она провела в нашем доме, она с нами почти не разговаривала. Честно говоря, ее молчание нас нервировало. Больше всего она

разговаривала с нами, когда мы сказали, что ей придется переехать. Тогда она начала кричать и рыдать. Может быть, у нее шизофрения?

– Скорее всего, дело в психологической травме, – напряженно ответила я. Мне не понравилось, что эти люди так легко говорили о серьезном психическом заболевании.

Я еще раз заверила Пэт и Терри, что с Люси все будет в порядке, и мы простились. Я закрыла входную дверь и вернулась в гостиную, не в силах избавиться от мыслей о словах Пэт. Я не в первый раз слышала, как взрослые – опекуны, родители, учителя и даже социальные работники – из-за поведения, которого они не могут понять, навешивают на детей ярлыки: шизофрения, синдром дефицита внимания, дислексия, аутизм и т. п. Такие диагнозы должен ставить только врач. Я надеялась, что Пэт и Терри не говорили ничего подобного в присутствии Люси.

В гостиной Адриан, Пола и Люси все еще сидели вокруг Тоши и гладили ее.

– Я пойду поиграю в своей комнате, хорошо, мам? – спросил меня Адриан, поднимаясь с дивана. Ему не терпелось вернуться к своей приставке.

– Конечно, дорогой! Спасибо, что помог нам найти Тошу!

– Само собой! – крикнул он уже из коридора.

Я подошла к девочкам. Пола быстро заняла место Адриана, и теперь они гладили кошку с двух сторон. Девочки молчали. Они все еще стеснялись друг друга. Я присела перед ними на корточки и попыталась начать разговор. Я была уверена, что стоит им разговориться, и все будет в порядке.

– У нас тут был переполох перед твоим приездом, – сказала я Люси. – Мы порядком перепугались, правда, Пола?

Пола кивнула.

– Мы нигде не могли найти Тошу. Мы обыскали весь дом и даже сад. Ты никогда не догадаешься, где мы ее нашли…

Я сделала паузу, чтобы Люси могла удивиться или сказать что-то вроде: «И где же она была?» Но девочка слишком стеснялась…

– Она была на твоей кровати! Просто спала! – с торжеством воскликнула Пола. – Вообще-то ей не позволяют лазить по кроватям…

Люси осторожно подняла голову и посмотрела на меня. Ее большие темные глаза расширились от изумления. А потом она очень тихо спросила:

– Она правда спала на моей постели?

– Именно, дорогая! Наверное, она пробралась за мной, когда

я утром проверяла, все ли в порядке в твоей комнате…

На лице Люси промелькнула слабая, почти незаметная улыбка. А потом так же тихо она сказала:

– Если Тоша лежала на моей постели, значит, я ей нравлюсь, правда?

У меня слезы навернулись на глаза.

– Конечно, дорогая! Никаких сомнений! Ты нам всем нравишься.

На эти выходные я ничего не планировала. Нужно было, чтобы Люси освоилась и немного привыкла к нам, новому дому, распорядку дня. Я надеялась, что ей удастся немного расслабиться. Я видела, что она – очень робкий и ранимый ребенок, которого легко обидеть. Люси явно нуждалась в защите. Я постоянно думала, как страшно входить в очередной чужой дом, к которому придется привыкать и приспосабливаться. Я чувствовала, что Люси очень напряжена. Девочка была настороже, словно готовясь в любой момент убежать. По опыту я знала, что такая тревожность очень типична для детей, переживших насилие и невнимание со стороны взрослых. Такие дети подпрыгивают на месте от любого, даже самого тихого, звука. Я знала, что пройдет немало недель, а то и месяцев, прежде чем Люси освоится в нашем доме и сможет по-настоящему расслабиться. Придется серьезно потрудиться.

А пока что Поле надоело гладить Тошу, и она предложила Люси:

– Ты не хочешь во что-нибудь поиграть?

Люси слабо кивнула.

– Или лучше сначала показать тебе твою комнату? А играть будет потом?

– Я не против, – тихо ответила Люси, и на лице ее появилась слабая улыбка.

– Ну же, решай сама, – подсказала я.

– Можно, я сначала посмотрю свою комнату? – спросила Люси.

Я не сомневалась, что если бы Пола сказала «нет», то Люси согласилась бы на все, что она предлагала.

– Конечно! Давай сначала посмотрим твою комнату, – согласилась Пола. – А потом мы поиграем в игру.

Девочки поднялись, и мы отправились наверх. Я открыла дверь в комнату Люси. Мы вошли.

– Тебе нравится? – спросила Пола, бросаясь к окну. – Отсюда красивый вид.

Я улыбнулась. Когда в нашем доме появлялись новые дети и

я показывала дом им и социальным работникам, то всегда обращала внимание на этот вид. Окна комнаты выходили прямо в сад.

Люси кивнула, хотя и не подошла к окну, чтобы посмотреть.

– Тут станет уютнее, когда ты устроишься здесь со своими вещами, – сказала я. – Я сейчас принесу твои сумки.

Люси снова кивнула, а потом посмотрела на Полу, пытаясь понять, что делать дальше.

– Я покажу тебе весь верхний этаж, – предложила я.

Мы вышли из комнаты Люси и пошли дальше. Рядом находилась комната Адриана. Я постучалась.

– Можно Люси посмотреть твою комнату?

– Конечно, – ответил мальчик. – Входите.

– Мы всегда стучимся и ждем ответа, прежде чем войти в чужую комнату, – объяснила я Люси. Нельзя было упустить возможность познакомить девочку с одним из правил нашего дома. – И все мы чувствуем себя в своих комнатах спокойно и уверенно.

Я открыла дверь и вошла. Люси робко переступила порог – только так, чтобы увидеть комнату, – и сразу же вышла.

– Спасибо, дорогой, – сказала я Адриану, выходя в коридор. – Когда обед будет готов, я тебя позову.

Пола повела нас в свою комнату.

– В свою комнату я могу входить без стука, – с проказливой улыбкой заявила она. – Это моя комната, а меня в ней нет! Вот!

Я засмеялась.

– У меня семья шутников, – пояснила я Люси, и девочка снова улыбнулась.

– Ты можешь все посмотреть в моей комнате. – Поле не терпелось показать все свои богатства – она ими страшно гордилась.

Люси осторожно вошла и осмотрелась. Комнату Полы мы оформили в стиле диснеевского «Винни Пуха». Персонажи мультфильма красовались на одеяле, подушках, обоях и шторах. На полках лежали мягкие игрушки и игры, полученные в подарок на дни рождения и Рождество. Спальня Полы ничем не отличалась от комнат других девочек ее возраста, но по выражению лица Люси я понимала, что она никогда ничего подобного не видела.

– Красиво, – вздохнула она. – Тебе повезло.

Пола улыбнулась, но я видела, что она чувствует себя неловко. Люси была не первым приемным ребенком в нашей семье, который восхищался тем, что мы воспринимали как должное. И она в очередной раз напомнила нам, что не всем так

повезло в жизни.

Мы вышли из комнаты Полы, и я показала Люси ванную комнату и свою спальню. Потом мы спустились, и я показала комнату, где находится компьютер, которым она может пользоваться, выполняя домашние задания. А потом мы отправились на кухню. Посмотрев на часы, я увидела, что уже почти час дня.

– На обед я подам вам суп и сэндвичи, – сказала я девочкам и пояснила Люси: – Обычно мы едим по-настоящему чуть позже.

Люси посмотрела на Полу, а потом тихо сказала мне:

– Я не очень голодна.

– Ты плотно позавтракала?

– Я вообще не люблю есть, – покачала головой девочка.

То же самое она сказала мне по телефону. Но пропускать трапезы ей было никак нельзя. Из документов я знала, что она слишком худенькая – это было видно и невооруженным глазом. Даже под джемпером было видно, насколько она истощена. Кроме того, отказ от еды вызывал тревогу у опекунов и социальных работников. Когда Люси впервые передали в приемную семью, она должна была пройти медицинский осмотр, и социальный работник мне все рассказал. Мне нужно было попытаться приучить Люси к нормальному распорядку питания. Такие дети, как Люси, часто отказываются от еды – эти периоды у них чередуются с настоящим обжорством. Я не знала, как решали эту проблему другие опекуны. Нужно было обсудить эту проблему с социальным работником.

– А пока мама готовит обед, давай поиграем, – предложила Пола.

Люси слабо кивнула.

– Ты во что хочешь играть?

Естественно, что Люси пожала плечами и тихо ответила:

– Я не знаю…

– Пола, – вмешалась я, – почему бы тебе не показать Люси наш шкаф с играми? А там вы сможете выбрать то, что вам обеим понравится…

– Точно! – воскликнула Пола. Она уже совсем освоилась. Почувствовав, что за Люси нужно присматривать, как за маленьким ребенком, она взяла ее за руку и увела из кухни.

Глава двенадцатая
Аппетита нет

Во многих домах трапезы играют очень важную роль. Это не просто прием пищи, но моменты настоящего общения. И мы всегда старались при любой возможности есть вместе. Мы усаживались за общий стол, ели, болтали и обменивались новостями. Обычно я не позволяла брать за стол игрушки, книги, игры, мобильные телефоны и все прочее – исключение составляли только особые случаи: дни рождения, Рождество и какие-то огорчения, которые требовали утешения. Я всегда старалась привить детям хорошие манеры поведения за столом, чтобы общая трапеза доставляла всем удовольствие. Кроме того, эти привычки пригодятся детям во взрослой жизни, где деловые вопросы частенько решаются за столом. Но я понимала, что, хотя мои дети давно ко всему привыкли и чувствуют себя за столом совершенно свободно, постороннему человеку это может показаться тяжелым и неприятным: новые, чужие обычаи в чужом доме. Поэтому я внимательно следила за приемными детьми и всегда старалась сделать так, чтобы они почувствовали себя комфортно и свободно.

За те тринадцать лет, что я была приемным опекуном, я видела самые разные примеры поведения за столом. Были дети, которые кричали, визжали, устраивали истерики, забирались на столы, прятались под ними, дразнились, рыгали, пукали, бросались едой, хватали еду с чужих тарелок. И очень, очень часто дети ели руками, потому что их не учили пользоваться столовыми приборами. Но за все эти годы я ни разу не видела за своим столом такого напряженного ребенка, как Люси. Мне пришлось звать их с Полой три раза, прежде чем они появились. Сначала я подумала, что девочки хотели закончить игру, но когда Пола буквально втащила Люси на кухню за руку, мне стало ясно, что дело в другом.

– Люси не хочет есть, – сказала Пола. – Она не голодна.

Я успокаивающе улыбнулась Люси, но сразу почувствовала, насколько она напряжена.

– Садись с нами, дорогая, и просто попробуй, – сказала я. – Тебе нужно что-нибудь съесть: ты не завтракала, а до ужина еще далеко.

Я поставила девочке стул рядом с Полой и снова улыбнулась.

– Мы подумали, что тебе захочется сидеть рядом с Полой…

– Да, точно! Садись рядом со мной! – воскликнула Пола.

Адриан уже сидел напротив Люси – когда я зову детей на обед, он всегда появляется первым.

Люси помедлила, брови ее нахмурились. Потом она тихо скользнула на место рядом с Полой. Я помогла ей придвинуться поближе к столу. Я налила всем по тарелке супа и поставила большое блюдо с сэндвичами, помидорами-черри и нарезанными огурцами, чтобы больше уже не выходить из-за стола. Когда я села за стол, Адриан и Пола уже вовсю орудовали ложками. Но Люси сидела неподвижно, уставившись в свою тарелку. Я не знала, в чем причина ее напряженности: то ли ей было неловко есть в обществе малознакомых людей, то ли она вообще не хотела есть. Я спросила, нравится ли ей томатный суп, она кивнула. Я стала есть, наблюдая за девочкой уголком глаза. Она так и не прикоснулась к еде.

– Просто попробуй, – сказала я через пару минут. – Ты же наверняка голодная. И совсем необязательно съедать все.

Медленно и неохотно Люси взяла ложку, зачерпнула совсем чуть-чуть и поднесла к губам. Я заметила, что Адриан и Пола исподтишка посматривают на Люси, и сделала им знак не смотреть. Бедной Люси и без того было неловко, а тут еще на нее смотрят. Вторую и третью ложку Люси съела так же медленно и неохотно, как и первую. Когда Адриан и Пола покончили с супом, она отложила ложку, оставив в тарелке больше половины, и откинулась на спинку стула.

– Спешить незачем, – сказала я, надеясь, что она съест еще немного.

– Я сыта, – тихо ответила Люси.

Я доела свой суп, собрала тарелки, поставила их в раковину.

– Принимайтесь за сэндвичи и салат. Вот здесь сэндвичи с ветчиной, а тут с сыром.

Я заранее уточнила у опекунов, что Люси любит и те и другие.

Адриан и Пола начали накладывать на тарелки сэндвичи и салат, а Люси взяла один маленький сэндвич. Я разрезала хлеб по диагонали на четвертинки, поэтому сэндвичи получились очень маленькие.

– А ты не хочешь немного салата? – спросила я, подвигая к ней блюдо, чтобы было удобнее накладывать на тарелку.

Но Люси отрицательно покачала головой.

Она ела свой сэндвич очень медленно, откусывая крохотные кусочки и тщательно пережевывая их. Я пыталась разговорить девочку, чтобы она почувствовала себя увереннее, включила радио… Но ничего не помогало. Люси съела единственный сэндвич и выпила полстакана воды. Это была ее первая трапеза в

нашем доме, и мне не хотелось еще больше напрягать ее, настаивая, чтобы она поела как следует. Когда дети доели и стало ясно, что Люси больше ничего не будет, я убрала тарелки. Может быть, за ужином она почувствует себя спокойнее. Как только Люси поднялась из-за стола, она заметно расслабилась и с удовольствием отправилась с Полой заканчивать игру в домино.

После обеда позвонил приятель Адриана, живший по соседству, и спросил, можно ли Адриану прийти к нему на несколько часов. Адриан спросил у меня разрешения, и я позволила. По опыту я знала, что новый ребенок почувствует себя спокойнее, если мы будем жить нормальной жизнью, словно ничего не происходило. Я сказала Люси, что Адриан идет к приятелю, и он попрощался с ней перед уходом. Потом я села почитать в гостиной, а девочки продолжали свои игры. Люси прекрасно вела себя и играла с явным удовольствием. По тому, что рассказывали Пэт и Терри, я этого не ожидала. Мне было очень приятно.

Когда девочкам играть надоело, я предложила распаковать сумки Люси – к этому времени я уже перенесла их в ее комнату. Я знала, что Люси почувствует себя как дома, когда разложит свои вещи в собственной комнате.

– Мы можем тебе помочь, – с энтузиазмом предложила Пола, прыгая и хлопая в ладоши.

Я заметила, что Люси замялась.

– Ты хочешь, чтобы мы с Полой помогли тебе разобрать вещи? – спросила я, потому что никак не ожидала, что одиннадцатилетняя девочка захочет делать это сама.

Люси наклонила голову и тихо ответила:

– У меня есть личные вещи, и мне не хочется, чтобы их видели.

Она сказала это так тихо и мило, словно перестала дышать, чтобы никого не обидеть. Я подумала, что у нее наверняка есть какие-то памятные мелочи, которые ей дороги. У детей, которые жили в моем доме раньше, были самые странные и удивительные мелочи, и они не хотели их никому показывать. Один мальчик хранил прищепку для белья, которая напоминала ему о матери. А другая девочка не расставалась с отцовскими часами (довольно дорогими). Позже я узнала, что этот человек в тюрьме за ограбление ювелирного магазина!

– Понимаю, солнышко, – сказала я. – Мы можем помочь тебе распаковать сумки, а когда ты будешь заниматься своими личными вещами, мы с Полой зажмуримся. Как тебе такой план?

Люси почти незаметно улыбнулась. Я осторожно коснулась ее руки:

– Тебе не нужно думать, не обидишь ли ты меня. Я хочу, чтобы ты чувствовала себя здесь как дома – свободно и легко. Ты должна говорить мне все, что захочешь.

Люси кивнула, а потом сказала Поле:

– Я могу показать тебя одну свою личную вещь, но не все.

– Здорово! – обрадовалась Пола.

Схватив Люси за руку, она помогла ей подняться и потащила вверх по лестнице.

Когда мы пришли в комнату, я спросила у Люси, с какой сумки начать. Она указала на самую большую, с одеждой. Я начала развешивать и раскладывать одежду в шкафу, показывая Люси, что где находится. Сама Люси занялась игрушками. Пола ей помогала. Вещей у Люси в сравнении с обычными девочками ее возраста было немного. Но поскольку она уже какое-то время находилась под опекой, одежды и игрушек у нее все же оказалось больше, чем у детей из неблагополучных семей – у таких детей часто вообще ничего не бывает.

– Вот личная вещь, которую я могу тебе показать, – услышала я голос Люси.

Я выглянула из-за дверцы шкафа и увидела, как Люси потянулась за небольшим розовым рюкзачком и осторожно вытащила мягкого кролика. Игрушка явно была самой любимой – об этом говорили потрепанные уши и отсутствующий хвостик. Люси прижала его к груди.

– А почему он – личная вещь? – спросила Пола, озвучив мои мысли.

– Потому что я обычно никому его не показываю, – тихо ответила Люси. – В одной приемной семье дети смеялись надо мной, потому что он старый и у него оторван хвост. И я решила никому его не показывать. Но ты – добрая. Я знаю, что ты не будешь смеяться.

Я видела, что Пола не просто не будет смеяться. Она чуть не расплакалась при мысли о том, что какие-то дети смеялись над Люси и ее старым кроликом. Я не знала, в каком доме это случилось, но дети часто бывают жестокими, сами не сознавая того.

– Как его зовут? – спросила Пола.

Люси прижала кролика к груди и нежно поглаживала его.

– Его зовут мистер Банни, – ответила она. – А когда он ведет себя плохо – мистер Банни Кролик.

Я улыбнулась и подумала, что, несмотря на всю напряженность и тревожность, Люси не утратила чувства юмора.

– А сколько ему лет? – спросила Пола. Она хотела узнать, как давно кролик появился у Люси.

– Не знаю. Он всегда был со мной, сколько я себя помню. Другие игрушки потерялись – мне так часто приходилось переезжать. Но мистер Банни остался со мной. Раньше я брала его с собой, но теперь так не делаю. Он – личный.

Люси подошла к кровати и спрятала мистера Банни под одеялом – на подушке были видны только кроличьи уши.

– Поспи, мистер Банни, – тихо сказала она. – У тебя был тяжелый день.

Я продолжала разбирать сумки Люси, а девочки перекладывали игрушки Люси в специальную коробку. А потом я услышала, как Пола спрашивает:

– А какие у тебя еще есть личные вещи?

Я сразу же ее остановила.

– Пола, не спрашивай. Мы обещали зажмуриться, когда Люси будет разбирать свои личные вещи. Она уже показала тебе мистера Банни.

Люси кивнула.

– Я могу показать тебе обложку, но не больше. Пока нет… Это очень личное, и я не могу показать тебе.

Я отвернулась, но успела заметить, как Люси достает из сумки большой альбом. На обложке была приклеена ее фотография. Я подумала, что это «История жизни», начатая прежним опекуном. Опекуны часто создают такие «Истории жизни» для детей, которые находятся под длительной опекой. В эти альбомы вклеивают фотографии и записывают разные истории, чтобы дети сохранили воспоминания. У детей, которые растут в родных семьях, есть общие воспоминания. У приемных же детей таких воспоминаний нет. Они путаются и даже теряются со временем. Если я права и это «История жизни» Люси, то альбом – действительно ее личная вещь. Совершенно понятно, почему она пока что не хочет делиться этим с нами.

– Здесь мои фотографии и важные записи, – пояснила Люси Поле, пряча альбом под кровать.

– Почему бы тебе не положить альбом в ящик? – предложила я, указывая на комод. – В твою комнату никто не войдет без разрешения, можешь не беспокоиться. Никто не увидит.

Люси кивнула и полезла под кровать за альбомом.

– Зажмуриваемся! – скомандовала я Поле.

Мы зажмурились, и я услышала, как Люси кладет альбом в ящик и закрывает его.

– Теперь можете смотреть, – разрешила она.

Когда мы закончили разбирать вещи Люси, вернулся Адриан. От порога он крикнул нам:

– Привет, дамы! – и тут же направился на кухню что-нибудь перекусить.

В тринадцать лет мальчишки постоянно хотят есть.

Пустой чемодан и сумки Люси я выставила на лестницу.

– Потом я уберу их на чердак, чтобы они не мешали, – объяснила я Люси, чтобы девочка не думала, что я хочу от них избавиться.

Я спустилась вниз. Люси и Пола шли следом. Я слышала, как Люси говорит Поле:

– Сумки и чемодан не понадобятся мне долго, может быть, целый год. Твоя мама сказала, что я могу остаться, пока судья не примет решения.

– Здорово! – ответила Пола. – Мне понравилось играть с тобой. Мы точно подружимся!

– Хорошо… Наверное, мне понравится жить с тобой и твоей семьей.

«Тебе точно понравится, дорогая, – подумала я. – Я об этом позабочусь».

Ужин я подала в шесть вечера. Люси почти ничего не съела за обедом, и я думала, что она с аппетитом поужинает. Но ела она так же неохотно, как и днем, – еле ковыряла еду вилкой. Я приготовила картофельную запеканку с мясом – это блюдо можно есть и вилкой, и ложкой, и дети, как правило, его обожают. Я заранее спросила у Люси, любит ли она запеканку, и она сказала, что любит. Но ела она очень мало и медленно, словно боялась есть. Мне показалось, что вкус еды ей не нравится.

– Ты хорошо себя чувствуешь, солнышко? – спросила я. Может быть, у девочки болит горло или расстроился желудок.

Люси кивнула и продолжала есть так же медленно и осторожно.

Мы с Полой прикончили наши порции, а Адриан справился с едой еще быстрее. Люси посмотрела на нас и сказала:

– Я честно больше не могу…

– Не волнуйся, дорогая, – быстро ответила я. – Съешь, сколько захочешь, а остальное можешь оставить.

Люси тут же отложила нож и вилку. По моим подсчетам, она съела не больше четырех ложек – недостаточно для растущего ребенка. Но я ничего не сказала. На десерт я подала пудинг – яблочный пирог с мороженым. Люси съела шарик мороженого, но к пирогу не притронулась. Если бы мне не говорили о том, что она плохо ест, я бы приписала это волнению от пребывания в новом доме. Наверное, отчасти волнение действительно сказалось. Но я понимала, что, если через несколько дней Люси

не начнет есть как следует, мне придется обсудить эту проблему с ее социальным работником.

После ужина мы сели смотреть телевизор. Когда фильм закончился, я приготовила детям теплое молоко, и Люси его выпила. А потом я стала готовить детей ко сну. Обычно я укладывала детей по возрасту, поэтому первой стала Пола, за ней Люси, а Адриан последний. Адриан обычно ложился около девяти часов и еще немного читал в постели. Когда Пола уже нежилась в постели, я позвала Люси наверх. Мы взяли зубную щетку, полотенце и пижаму и отправились в ванную. Я показала девочке, где что лежит, и включила воду для ванны. Обычно я не купаю одиннадцатилетних детей – только тех, у которых есть проблемы развития и которые нуждаются в помощи. Когда ванна наполнилась, я убедилась, что у Люси есть все необходимое, и вышла, сказав, что она может позвать меня, если ей что-то понадобится. Я очень внимательно отношусь к новым детям – нужно убедиться, что им действительно не нужна помощь. Поэтому, пока Люси мылась, я стояла в коридоре у двери. Но через пятнадцать минут она появилась умытая, в пижаме, с блестящими расчесанными волосами.

Я показала девочке, где стоит корзина для грязного белья, а потом проводила ее в спальню. Я спросила, хочет ли она, чтобы я задернула шторы или оставила их раздвинутыми, и она попросила меня закрыть, но не полностью. Люси предпочитала спать без света и со слегка приоткрытой дверью.

– Сначала тебе будет не очень удобно, – сказала я, когда девочка залезла в постель. – Если тебе ночью что-то понадобится, позови меня. Я сплю чутко и все слышу.

Люси улыбнулась и свернулась клубочком под одеялом. Рядом лежал мистер Банни. Мне показалось, что обоим очень удобно.

– Все в порядке, дорогая? Тебе что-нибудь нужно?

Люси покачала головой.

– Хочешь, я поцелую тебя на ночь? – Я всегда спрашиваю детей об этом. Некоторые хотят, чтобы их поцеловали, другие нет. Нельзя вторгаться в личное пространство ребенка, не спросив.

– Да, поцелуйте меня, – тихо ответила Люси.

Я наклонилась и поцеловала ее в лоб. А девочка обняла меня.

– И обнимите, пожалуйста…

– Конечно, дорогая. – Я с радостью обняла Люси, почувствовав, как ее теплая, гладкая щечка прижимается к моей.

Дети редко идут на такой физический контакт в первый же день. Я подумала, что Люси либо очень чуткий ребенок, либо она

очень изголодалась по любви и вниманию.

Я осторожно отстранилась и снова поцеловала ее.

– Спокойной ночи, дорогая. Ты, наверное, очень устала. Но ты отлично справилась!

– Я справилась? – удивленно спросила Люси.

– Конечно! Я тобой очень довольна. А завтра тебе будет легче… А послезавтра еще легче… Все перестанет быть чужим и странным – кроме меня! – добавила я со смехом.

Люси улыбнулась. Я почувствовала, что глаза у нее слипаются. Бедная девочка так устала!

– Спокойной ночи, – сказала я, поднимаясь. – Сладких снов. Увидимся утром…

– Спокойной ночи, – ответила Люси. – Спасибо, что взяли меня.

– Не нужно благодарить, солнышко. Я рада, что ты здесь.

Ночью исполнилось желание Полы – пошел снег. Ночью я проснулась и пошла посмотреть, как там Люси. Девочка спокойно спала. Я почувствовала, что на улице как-то необычно светло и тихо. Вернувшись в спальню, я открыла шторы и увидела, что все вокруг покрыто белым снегом. Снега было не очень много – пробки на дорогах нам не грозили. Но двух дюймов было достаточно, чтобы превратить окружающий мир в прекрасную сказку. «Здорово! – подумала я. – Завтра повеселимся!»

Я вернулась в постель – ведь была всего половина четвертого. Но заснуть мне не удавалось. Мне так хотелось, чтобы дети проснулись и увидели снег! Но я думала о Люси. Под утро всегда просыпаются все тревоги и мысли о прошедшем дне. У меня было много поводов тревожиться о Люси. В документах было написано очень мало, и я надеялась узнать больше от социального работника. Но когда ребенок долгое время страдает от невнимания – а Люси пришлось сменить немало опекунов и мест жительства, – то вполне возможно, что в какой-то момент он стал жертвой жестокого педофила и подвергся сексуальному насилию. Судя по документам, с Люси, слава богу, ничего подобного не случилось. Но она слишком долго влачила нищенское существование рядом с родной матерью. Эта девочка пережила такое, что не должно случаться с детьми. Некоторые дети боль и гнев направляют в агрессивное поведение и стремление привлечь к себе внимание. Боль Люси жила в ее душе. Я знала, что когда-нибудь боль эта выйдет наружу, как это случилось в доме Пэт и Терри, когда Люси сообщили, что ей снова нужно переезжать.

* * *

– Снег! – радостно закричал Адриан, проснувшись в половине восьмого. Его крик перебудил весь дом.

Пола и Люси выскочили из постелей и бросились к окнам.

– Снег! Пошел снег!

Пола прибежала к Люси (не забыв постучаться). Они вместе стали любоваться заснеженным садом. Я прямо в ночной рубашке отправилась к Адриану.

– Ну разве не прекрасно? – спросила я достаточно громко, чтобы девочки в комнате Люси меня услышали.

– Здорово! Мы будем играть? – откликнулись они.

– Конечно! – крикнул в ответ Адриан.

Пока мы смотрели в окна, стало подниматься зимнее солнце. Огненный шар отбрасывал розовые отблески на сверкающий снег.

– Сказка! – ахнула Пола.

И это действительно была сказка…

Никогда еще не видела, чтобы дети одевались так быстро (в последний раз это было прошлой зимой, когда тоже выпал снег). Через двадцать минут все были одеты – пальто, шарфы, шапки, перчатки. Мы бросились в сад, оставляя следы на девственном снегу, кидаясь снежками и весело хохоча. Я немного порезвилась с детьми, а потом сказала, что мне нужно покормить Тошу – кошка лишь выглянула из двери и тут же удалилась в теплую гостиную.

– Что скажете насчет яиц, бекона и бобов? – спросила я.

– Здорово!

Стоило мне отвернуться, и здоровенный снежок попал мне в спину.

– Ну погоди! – крикнула я Адриану. – Я тебе покажу!

Но мне не удалось отплатить ему той же монетой, потому что он уже успел спрятаться.

Я надеялась, что игры на свежем воздухе улучшат аппетит Люси. Но когда я позвала детей на кухню, она не захотела яичницу с беконом, ограничившись кукурузными хлопьями. Я предложила ей тост, но она отрицательно покачала головой. Впрочем, хлопья она залила молоком и добавила сахару. И съела все, что уже было значительным прогрессом. После завтрака дети вернулись в сад, а мы с Тошей остались в тепле. Дети играли, пока не продрогли окончательно. Руки и ноги у них заледенели, а носы покраснели. Когда они вернулись, я повесила мокрые перчатки и пальто сушиться, а детям приготовила горячий шоколад. И Люси это понравилось!

В час я собралась готовить легкий обед.

– Ты любишь пасту? – спросила я у Люси.

– Да, – ответила она.

Но за столом она снова съела совсем чуть-чуть пасты и тоненький ломтик теплого хлеба. Я не стала ее уговаривать, чтобы не делать из еды проблемы. Но Пола, которая всегда отличалась хорошим аппетитом, все же спросила:

– И это все?! Ты больше не хочешь?!

Люси покачала головой. Я почувствовала ее стеснение.

– Все в порядке, – сказала я. – Ешь столько, сколько захочешь.

Мне было ясно, что заставлять ее бесполезно.

Когда мы заканчивали обедать, зазвонил телефон. Адриан, решив, что это отец, выбежал из-за стола и взял трубку в гостиной. Мой бывший муж Джон обычно забирал детей в третье или четвертое воскресенье, а в другие выходные звонил им. Пола услышала, как Адриан сказал: «Привет, па!» – выбежала из-за стола и уселась рядом с братом на диван, дожидаясь своей очереди болтать с отцом.

Я объяснила Люси, кто такой Джон. Она уже отодвинула тарелку, но осталась за столом рядом со мной.

– Он хороший человек? – спросила она.

«Трудный вопрос», – подумала я, вспомнив, что шесть лет назад он сбежал из дома с женщиной, которая была намного моложе меня.

– Да, – все же ответила я. – Он любит Адриана и Полу.

Люси немного помолчала, а потом тихо сказала:

– Мой папа бил меня. Это же нехорошо, правда?

Глава тринадцатая
«Мы должны сделать все, что в наших силах»

Я посмотрела на Люси и впервые с момента ее появления в моем доме ощутила ее гнев из-за того, что ей пришлось пережить. Потом это чувство сменилось печалью.

– Это очень нехорошо, – сказала я. – Взрослые не должны бить детей, даже когда дети ведут себя плохо – а ты не могла вести себя плохо.

Меня очень расстроило то, что Люси сказала мне об отце. Но в то же время я была удивлена: это никак не соответствовало ее документам.

– Люси, – осторожно сказала я, – может быть, я ошибаюсь, но мне казалось, что ты никогда не видела своего отца?

Люси пожала плечами.

– В социальной службе мне сказали, что он был моим отчимом, но он велел называть себя папой.

– Понятно… Его звали Дейв?

– Да. И я жила у него очень долго.

Я вспомнила, что об этом в документах Люси упоминалось.

– И ты говорила кому-нибудь, что Дейв тебя бил?

– Я говорила маме, – тоненьким, напряженным голосом ответила Люси. – Но она мне не поверила. Он никогда не бил меня, когда она была рядом.

– Похоже, он был плохим человеком… Отец таким быть не должен.

Мои слова могут показаться очевидными, но только не Люси: Дейв был единственным отцом, которого она знала.

– У меня больше никого не было, – тихо прошептала она. – Когда мамы не было, а тети уходили, со мной оставался только он. Поэтому я старалась его не беспокоить.

– Тети? – удивилась я.

– Подружки папы, – пояснила Люси. – Я должна была называть их тетями. Дейв говорил, что это будет вежливо – ведь они иногда присматривали за мной.

«Но не слишком-то вежливо было бить маленького ребенка», – подумала я.

– А где была твоя мама, когда эти тети жили у вас с Дейвом? – спросила я, пытаясь заполнить пробелы в документах и лучше разобраться в прошлом Люси.

– Мама часто уходила и долго не возвращалась. Она редко

жила с нами. Да и теперь я вижу ее нечасто.

Я уже знала об этом из документов, но слышать это из уст ребенка было просто невыносимо.

– А ты говорила социальному работнику о Дейве и тетях? И о том, что мама не живет с вами? – спросила я, гадая, почему же Люси раньше не передали под долгосрочную опеку.

Люси помолчала. В глазах ее блеснул гнев, быстро сменившийся болью.

– Ничего не получилось бы, – печально ответила она. – Когда кто-то приходил, он вел себя хорошо. – Тут она быстро сменила тему и спросила: – Можно мне пойти в свою комнату, пока Пола не поговорит по телефону?

– Конечно, дорогая. Не нужно спрашивать. Это твой дом. Делай что захочешь.

Люси вышла из-за стола и поднялась к себе. Мне было ее так жаль. Какая же ужасная, тяжелая жизнь у нее была – мать то появлялась, то исчезала, в жизни Люси появлялись чужие люди, которым не было до нее дела. Я не знала, известно ли было социальной службе то, о чем она мне сказала. Пока Адриан и Пола болтали с отцом, а сама Люси отдыхала в своей комнате, у меня появилось время записать ее слова в дневник. Я записала все, что она рассказала мне об отчиме. По опыту опеки я знала, что последуют и другие разоблачения – гораздо более тяжелые. Когда ребенок чувствует себя в безопасности, он набирается смелости рассказать то, о чем не говорил раньше. И эти рассказы часто оказываются шокирующими.

Днем мы отправились на прогулку в соседний парк, захватив хлеба для уток. Но долго прогулять нам не удалось – пошел дождь, и снег быстро превратился в слякоть. Я была рада, что дети успели поиграть в снежки утром. Если дождь не кончится, то к утру снега не останется. Люси сказала мне, что ее школа открывается в восемь утра. По дороге из парка я сказала девочкам, что сначала отвезу Люси, а потом Полу. Люси ответила, что вполне может доехать автобусом, но я решила отложить это до следующей недели, когда девочка освоится в нашем районе и запомнит дорогу. Кроме того, нужно было получить согласие социальной службы. А пока мне будет спокойнее отвозить и забирать ее на своей машине. Кроме того, я смогу увидеть школу, познакомиться с учителями, оставить свои координаты и все проверить лично.

– А почему вы хотите познакомиться с моей учительницей? – с подозрением спросила Люси, старательно обходя грязные лужи.

– Чтобы узнать, как я могу помочь тебе в учебе. Это же нормально?

– Конечно, – с облегчением вздохнула девочка. – Просто никто прежде этого не делал.

«Но должны были сделать!» – подумала я.

На ужин я приготовила жареную курицу с жареной картошкой, горошком и морковкой. Естественно, что сначала я спросила, любит ли это Люси. Впрочем, мне быстро стало ясно: то, что Люси что-то любит, еще не означает, что она будет это есть. За ужином она съела крохотный кусочек курицы, одну картошку и ложку горошка – и червячка не заморила, как говорила моя мама. Я видела, что Пола и Адриан удивленно посмотрели на тарелку Люси, когда она отложила приборы, оставив больше, чем съела. Но ни дети, ни я ничего не сказали. Когда мы закончили, я просто спросила у Люси, наелась ли она. Она кивнула, и я убрала тарелку, надеясь, что со временем аппетит к ней придет. Тоша с удовольствием доела курицу. От пудинга Люси отказалась, но съела несколько виноградин.

Вечером я проверила, в порядке ли школьные формы, приготовила их на утро и начала готовить детей ко сну. Когда настала очередь Люси, она сказала, что ей не нужна ванна – ведь она принимала ванну вчера. Я объяснила, что мы принимаем ванну или душ каждый день. Но девочка сказала, что слишком устала.

– Даже в душ не хочешь?

– Нет…

В этот раз я уступила и не стала настаивать. Родителям часто приходится решать, на чем настаивать, а что лучше спустить на тормозах. Гигиена – дело важное, но если Люси примет ванну или душ завтра, то беды не будет. Когда она пробудет с нами дольше, то привыкнет к ежедневным купаниям точно так же, как и к другим сторонам нашей домашней жизни.

Спать я ложилась в хорошем настроении. Выходные прошли лучше, чем я ожидала, учитывая, что в пятницу вечером, всего сорок восемь часов назад, Люси заперлась в своей комнате в доме опекунов и отказывалась выходить и даже разговаривать. И вот – прошло всего два дня, а она уже разговаривает, играет и ведет себя как дома. Но, имея за плечами много лет работы с приемными детьми, я должна была понимать, что это был своего рода «медовый месяц» и вскоре поведение Люси изменится к худшему.

На следующее утро я привезла Люси в школу в 8.25. Машину я поставила на парковке для гостей. Я понимала, что времени у меня немного – занятия у Полы начинались в 8.55, и мне нужно было вернуться за 20 минут. Мы выехали из дома позже, чем планировали: Люси забыла один учебник, и пришлось возвращаться.

Мы вышли из машины, я включила сигнализацию.

– Приемная вон там, – показала Люси, и мы втроем поспешили туда.

Большинство детей приезжали в школу без родителей и опекунов. Дети приезжали по одиночке или с друзьями. Я подумала, не смущает ли Люси мое присутствие.

– Завтра я высажу тебя возле ворот, – сказала я. – Но сегодня я должна была прийти.

Люси кивнула, но ничего не сказала.

В приемной я представилась, а Люси и Пола устроились в креслах в зоне ожидания. Я давно заметила, что секретари в больших средних школах не так приветливы, как в маленьких начальных, где персонал знает всех детей по именам и тепло встречает гостей. Я объяснила, что я – новый приемный опекун Люси, и поинтересовалась, есть ли мои координаты в ее документах. Секретарша проверила – оказалось, что моих координат нет. Я дала свой адрес и телефон. Секретарша записала все на отдельном листке.

– Это постоянный адрес Люси? – спросила она, глядя на меня поверх стойки.

– Да, на этот год.

Секретарша сделала еще одну пометку, но я не видела, что она написала.

– И еще мне хотелось бы встретиться с учительницей Люси, мисс Коннор, если это возможно.

– Вам нужно договориться с самой мисс Коннор, – отрезала секретарша. Не слишком-то вежливо!

– И как мне это сделать?

– Позвоните в школу во время обеда. В это время у нее нет уроков.

– Спасибо, – поблагодарила я и повернулась к девочкам. Они поднялись, готовые уходить.

– Хорошего дня, дорогая, – сказала я Люси.

Люси повесила школьную сумку на плечо, кивнула и попрощалась с нами:

– Пока, Пола, увидимся после уроков.

– Пока, – помахала ей Пола.

Мы посмотрели, как Люси проходит сквозь вращающиеся двери в здание школы, а потом поспешили к машине. К счастью, большинство машин ехало в противоположном направлении, и мы успели в школу как раз к звонку. Я поцеловала дочку, попрощалась и поехала домой. Как только я приехала, раздался телефонный звонок. Это была Джилл, социальный работник из агентства, с которым я сотрудничала.

– Отличная работа! – сказала она. – Пэт рассказала мне, что вы сотворили чудо и Люси уже у вас.

– Да, – ответила я, не скрывая, что похвала мне приятна. – Я только что отвезла ее в школу.

– Превосходно! И как она? Освоилась?

– Да, она хорошо справляется…

– А ее социальный работник, Стиви, с вами еще не связывалась?

– Пока нет.

– Она позвонит вам позже и договорится о встрече. Мне тоже нужно будет встретиться с вами и с Люси. Можно мне приехать завтра после школы?

– Да, приезжайте в половине пятого. После уроков нам хотелось бы перекусить.

Социальные работники должны посетить приемную семью сразу же после переезда ребенка.

– Отлично, значит, встретимся завтра в половине пятого, – подтвердила Джилл. – У вас с Люси есть какие-то проблемы?

– Только еда, – ответила я. – Но об этом мы поговорим завтра.

– Отлично! Увидимся завтра. И еще раз – отличная работа!

– Спасибо.

Кладя трубку, я не могла сдержать улыбки. Всем нравится, когда их хвалят, и приемные опекуны в этом смысле не исключение. Мне было приятно, что Джилл оценила мои усилия – мне действительно удалось убедить Люси переехать без скандалов и истерик. И я с удвоенной энергией принялась за домашние дела.

Через час телефон зазвонил снова.

– Здравствуйте, это социальный работник Люси, Стиви. Мне нужно увидеться с Люси, но у меня плотный график. Я занята до пятницы. В пятницу я приеду в половине четвертого.

– Не могли бы вы приехать попозже? – спросила я. – Мы еще не вернемся из школы. Приезжайте в половине пятого.

Мне показалось, что женщина тяжело вздохнула, но согласилась:

– Хорошо. Встретимся в половине пятого.

Не попрощавшись, Стиви положила трубку.

Я простила Стиви ее резкость – как и у большинства социальных работников, у нее очень много работы, и работа эта нелегкая.

Только около полудня я поняла, что не спросила у школьной секретарши, в какое время у них обед. А ведь мне нужно было связаться с учительницей Люси! И я решила позвонить в половине первого. Я назвала свое имя и сказала, что хочу поговорить с мисс Коннор.

– Она обедает, – сообщили мне.

– Я знаю, но мне сказали, чтобы я позвонила именно во время обеда.

– Оставайтесь на линии. Я посмотрю, нет ли ее в учительской.

После нескольких щелчков в трубке раздался мужской голос:

– Алло, это учительская…

– Не могла бы я поговорить с мисс Коннор, – самым приветливым голосом сказала я.

– Могли бы, – жизнерадостно ответил мужчина. – Я сейчас ее позову.

Я услышала шаги и голос: «Мисс Коннор, вы свободны?»

– Она сейчас подойдет, – сообщил мне взявший трубку мужчина.

Через мгновение раздался женский голос:

– Алло?

Я снова назвалась, сказала, что буду опекуном Люси и думаю, что нам нужно увидеться.

– Конечно, – с энтузиазмом отозвалась учительница. – И чем раньше, тем лучше. Я так рада, что вы позвонили. Я знала, что Люси нужно переезжать. Давайте встретимся после уроков, если вас это устроит?

– Отлично. Но мне придется взять с собой младшую дочь.

– Никаких проблем. Когда приедете, приходите прямо ко мне. Класс Е1, в приемной вам все объяснят. Люси будет со мной.

– Спасибо.

– С нетерпением жду встречи с вами.

– И я тоже.

Мисс Коннор оказалась очень приятной, собранной и приветливой. Мне не терпелось встретиться с ней и обсудить развитие Люси и ту помощь, какую я могу оказать девочке в учебе.

Потом я пошла по магазинам за продуктами, а затем настало

время забирать Полу. Пола знала, что на этой неделе ей нужно выходить после уроков побыстрее и не болтать с подружками, потому что мы должны забирать Люси. У Адриана был ключ от дома, и он, как обычно, приезжал из школы самостоятельно.

Пола вышла вовремя, и мы поехали в школу Люси. В приемной было много других родителей, и меня заметили не сразу. Я объяснила, что мне нужно встретиться с мисс Коннор, и спросила, где ее класс.

– Войдите в здание, поверните направо по коридору, поднимитесь по лестнице. Класс E1 будет слева от вас, – объяснила секретарша.

Я поблагодарила, и мы с Полой двинулись в путь.

– Это невозможно запомнить! – пожаловалась я. Пола засмеялась и скорчила рожицу.

Впрочем, найти класс E1 оказалось совсем не так сложно. Через пару минут мы уже поднялись на нужный этаж и нашли комнату. За стеклянной дверью я увидела, что Люси сидит за партой, но учительницы нигде не было. Я постучалась, и мы вошли.

Люси увидела нас и заулыбалась.

– Вот моя учительница, – указала она на молодую женщину, которая чем-то занималась в дальнем конце класса.

Мисс Коннор бросила свое занятие и подошла к нам.

– Рада познакомиться, – вежливо сказала она.

– И я тоже, – ответила я, пожимая ей руку.

– Думаю, девочки могут подождать здесь, а мы с вами поговорим в классе английского, по соседству.

– Вы будете хорошо себя вести, правда? – сказала я Поле. – Мы будем в соседнем классе.

Пола кивнула, выпустила мою руку и уселась рядом с Люси.

– Если мы понадобимся, можете нас позвать, – сказала девочкам мисс Коннор.

– Хорошо, мисс, – вежливо ответила Люси.

Соседний класс английского назывался E2.

– Мы называем его «шкафом», – сказала мисс Коннор, открывая дверь, и я сразу же поняла почему.

Это была маленькая комнатка, в точности напоминавшая английский шкаф. Здесь было очень тесно. В центре стоял небольшой стол и три стула, а вдоль стен стояли шкафы с книгами на английском языке. Места хватало только для того, чтобы сесть по обе стороны стола.

– Я учитель английского и классный руководитель Люси, – пояснила мне мисс Коннор.

– Спасибо, что нашли для меня время. Я знаю, что Люси отстает в учебе, и хочу помочь ей, чем возможно.

– Прекрасно. А почему ей пришлось переехать?

Я ожидала этого вопроса и объяснила, что в семье Пэт и Терри девочка находилась лишь временно.

– Ей пришлось столько переезжать, – вздохнула мисс Коннор. – Теперь она будет жить с вами постоянно?

К этому вопросу я тоже была готова.

– Люси будет жить со мной до заключительного слушания в суде. Судья решит, где она будет жить постоянно. Этот процесс обычно занимает около года.

– Но ее же не вернут матери, правда? – встревоженно спросила мисс Коннор. – Мне казалось, она ее вообще не видела.

Учительница знала о прошлом Люси из школьных документов.

– Люси редко видится с матерью, – сказала я. – И ее матери нужно успешно пройти испытания, чтобы убедить социальную службу в том, что она способна позаботиться о Люси.

– А если судья решит, что Люси не следует жить с матерью, она останется с вами?

Те, кто не знает принципов работы социальной службы, считают, что ребенок должен остаться у приемного опекуна – это же очевидно.

– Если судья решит, что Люси не может жить с матерью, социальные службы постараются найти родственников. Это всегда считается наилучшим вариантом. Если родственников найти не удастся, то будут искать приемную семью, соответствующую культурным потребностям. Вы же знаете, что Люси наполовину тайка.

Наступила пауза. А потом мисс Коннор встревоженно спросила:

– А Люси все это знает?

– Да, я объяснила ей, и социальный работник тоже.

– Бедный ребенок… Как это печально… В такие минуты испытываешь особую благодарность за то, что у тебя есть семья…

– Да, верно, – кивнула я, а потом вернула мисс Коннор к предмету разговора: – Но пока Люси со мной, я хочу сделать для нее все, что в моих силах. Надеюсь, за этот год она добьется успеха.

– Конечно же! И никак иначе! Мы должны сделать для Люси все от нас зависящее. Давайте я расскажу вам, как она учится.

Глава четырнадцатая
Контроль

Через полчаса мы ехали домой. Девочки болтали на заднем сиденье, а я думала о том, что рассказала мне мисс Коннор. Я сказала Люси, что учительница довольна ее успехами, хотя ей все еще есть над чем поработать. Мы с мисс Коннор ей поможем. Я объяснила девочке, что это не ее вина – просто она многое пропустила в начальной школе. Я не стала говорить, что мисс Коннор гораздо больше беспокоит отсутствие у Люси друзей, чем ее промахи в учебе. Говоря о Люси, учительница постоянно повторяла «одинокая», «замкнутая», «неуверенная», «с низкой самооценкой», «не доверяющая людям». Хотя мы обе понимали, почему Люси такая, нам было трудно решить, как поступить в такой ситуации. Твердить девочке, что ей нужны друзья, было бессмысленно. Я могла помочь Люси в учебе, могла укрепить ее самооценку своими похвалами, но я не могла найти ей друзей.

– Люси, ты всегда можешь приглашать домой друзей на чай, – сказала я, глядя на девочку в стекло заднего вида. – А потом я развезу их по домам на машине.

Одноклассники Люси жили рядом со школой, примерно в двадцати минутах езды от нашего дома.

– Спасибо, – ответила Люси и продолжала болтать с Полой.

Больше сказать мне было нечего. Но эта проблема меня волновала: социальная изоляция быстро ведет к депрессии – и не только у детей, но и у взрослых.

Когда мы приехали, Адриан уже был дома. Я занялась обедом, а дети стали обсуждать свой день в школе. Мы поели (Люси снова съела очень мало), и я объяснила, что у нас принято сначала делать уроки, а потом смотреть телевизор.

– У меня мало уроков, – ответила Люси.

– И все же я бы хотела, чтобы ты их сделала, – настаивала я. В этом вопросе нужно было проявить твердость.

Люси неохотно достала свою сумку и бросила ее на стол. Адриан уже отправился к компьютеру, чтобы сделать уроки. Он знал: чем быстрее все будет сделано, тем быстрее можно будет включить телевизор. Пола играла – по понедельникам у нее было только чтение. Я послушаю, когда мы сделаем уроки с Люси.

– Мне задали математику и физику, – вздохнула Люси. – Я плохо знаю математику.

– Попробую тебе помочь, – сказала я. – Хотя математика

никогда не была моим увлечением в школе.

Со вздохом Люси открыла задачник и рабочую тетрадь.

– Дроби… – сказала она и подперла подбородок рукой.

Я просмотрела задания и почувствовала, что с этим я справлюсь. Примеры были довольно простыми, хотя я заметила, что в предыдущем упражнении Люси сделала несколько ошибок.

– Ты понимаешь, что такое дробь? – спросила я, возвращаясь к основам.

– Часть целого…

– Правильно, молодец. Число под чертой – это целое, а число сверху – количество частей. Если ты разрежешь торт пополам и съешь половину, то съешь одну часть из двух.

– И число под линией называется «знаменателем». А над линией – «числителем».

– Превосходно! – похвалила я.

– Это я понимаю, – мрачно сказала Люси. – У меня не получается складывать и вычитать…

– Давай разберемся во всем по порядку. Будем все делать постепенно.

Мы начали с первого вопроса и постепенно выполнили все примеры на сложение дробей. Хоть я и помогала, но Люси все вычисления делала самостоятельно – так она обретала уверенность в себе и одновременно училась. Затем мы перешли к вычитанию, и Люси все сделала сама, а я просто сидела рядом, готовая прийти на помощь, если понадобится.

– Отлично! – похвалила я. – Вот видишь, ты все *можешь* сделать сама.

Люси польщенно улыбнулась.

– Вам нравится помогать детям, верно? – спросила она, глядя на меня.

– Да, наверное, да…

– А почему?

Я слегка опешила. Мне никогда не задавали такого странного вопроса. И собственная откровенность удивила меня саму.

– Когда мы что-то делаем правильно, то лучше относимся к самим себе. Мне было трудно делать уроки. У нас были отличники, которым все давалось легко. А я сидела в классе и пригибалась, чтобы учительница не вызвала меня к доске. И когда родители помогали мне делать уроки, это было так здорово! Мне нужно было просто объяснить все еще раз – как тебе сейчас. И я решила помогать своим детям.

– И когда я здесь, я – одна из ваших детей?

– Конечно, солнышко.

По улыбке Люси я поняла, как много для нее значат мои

слова. Сердце у меня сжалось от боли.

Люси принялась за следующее задание, а я заглянула к Адриану – не нужно ли ему чем-то помочь. Он со всем справлялся самостоятельно. Я сказала Люси, чтобы она позвала меня, если понадобится, и пошла в гостиную слушать, как Пола читает.

– У Люси сложные уроки? Труднее, чем у Адриана? – спросила Пола.

– Да, – ответила я, зная, что Люси меня слышит. – И она со всем справляется.

Пока Пола читала, Люси все делала сама. Когда мы закончили, я пошла посмотреть, как у нее дела.

– Я почти закончила, – сказала она. – Вы можете проверить?

– Конечно, дорогая.

Я проверила все задачи и заметила пару ошибок.

– Проверь еще раз два этих примера, – сказала я, указывая на них.

– Это неправильно, да? – испуганно спросила Люси, мгновенно теряя всякую уверенность.

– Ты сделала две маленькие ошибки – и все. Все остальное правильно.

Я подождала, пока Люси все исправит и покончит с математикой.

– Отличная работа! Что еще тебе задали?

– Физику, – проворчала девочка.

Она отложила учебник математики и взялась за физику.

– Нам нужно описать научный эксперимент, – сказала Люси, открывая учебник и рабочую тетрадь.

Все страницы рабочей тетради пестрели исправлениями учителя. В описании последнего эксперимента я заметила множество орфографических и синтаксических ошибок. Там не было ни одного полного предложения. Я спокойно взяла у Люси карандаш и стала поправлять черновик, объясняя, в чем были ее ошибки.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она.

Я оставила Люси переписывать черновик в рабочую тетрадь в разделы «Задача», «Механизм», «Метод» и «Выводы», а сама пошла играть с Полой и готовить ее ко сну. Когда я вернулась, Люси уже закончила делать физику и складывала учебники.

– Все сделала?

Она кивнула.

– Спасибо, что помогли мне.

А потом я сказала Люси, что завтра после школы к нам придет Джилл.

– А в пятницу – Стиви. Ты, наверное, уже привыкла к

посещениям социальных работников, когда жила в других семьях.

Люси замерла. Лицо ее помрачнело.

– Вы можете разговаривать с ними… А я не буду! Я ненавижу чертовых социальных работников!

Она швырнула сумку на пол, выбежала из гостиной, взлетела по лестнице и захлопнула за собой дверь.

Я была поражена такой переменой. Ярость Люси меня напугала. Приемные дети порой ругались, иногда даже на меня. Многие дети страдают из-за того, как к ним относились. Но ведь Люси только что искренне благодарила меня за помощь. А теперь она взорвалась – и из-за сущей мелочи.

Я дала девочке несколько минут успокоиться, но не стала ждать слишком долго. Если бы она пробыла в моем доме достаточно времени, я бы знала ее лучше. И тогда я поняла бы, можно ли оставить ее в одиночестве. Но Люси заперлась в ванной и готова была просидеть там несколько часов, как в доме Пэт и Терри. В моем доме запереться невозможно – все замки свободно открываются снаружи. Но я беспокоилась, чтобы девочка не поддалась отчаянию и не совершила чего-то ужасного – она могла забаррикадироваться в своей комнате или даже причинить себе вред. За моими плечами имелся большой опыт общения с приемными детьми. Я сталкивалась с самым разным поведением. И сейчас инстинкт подсказывал, что Люси не следует оставлять в одиночестве надолго. Мне нужно было подняться к ней.

По пути я заглянула в комнату Полы – не разбудили ли ее крики Люси, – но дочка спокойно спала. Потом я постучала к Адриану, заглянула к нему и спросила:

– С тобой все в порядке?

– Что случилось с Люси? – спросил он.

– Она расстроена, и я иду к ней. Не волнуйся.

Адриан кивнул и снова уткнулся в книгу.

Я закрыла дверь и пошла к Люси. Там было тихо.

– Люси? – позвала я, постучав в дверь. – Можно мне войти?

Тишина. Я еще раз постучала и осторожно приоткрыла дверь. В комнате было темно. Потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к темноте после яркого света. Люси лежала ничком, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

– С тобой все в порядке, дорогая? – осторожно спросила я, сделав пару шагов.

– Уходите, – пробормотала девочка, не поднимая головы. – Оставьте меня в покое.

По голосу я поняла, что она плакала.

Я осталась на месте, чуть в стороне от ее кровати.

– Я не могу оставить тебя одну в таком состоянии,

солнышко, – тихо сказала я. Люси всхлипнула. – Пожалуйста, поговори со мной… Расскажи, в чем дело.

– Я ненавижу социальных работников, – ответила Люси. – И я не буду с ними встречаться.

– Хорошо. Я не буду заставлять тебя, если ты действительно не хочешь. Но они хотят помочь тебе. Ты же знаешь, они должны регулярно нас навещать, Джилл проверяет, хорошо ли я к тебе отношусь. А Стиви должна быть уверена, что с тобой все в порядке.

– Ей нет до меня дела! – пробормотала Люси. – Никому нет дела!

Я сделала еще пару шагов и присела на край постели.

– Мне есть…

– Нет, вам тоже нет дела, – резко ответила Люси. – Опекунство для вас лишь работа.

– Это гораздо больше, чем работа. Это моя жизнь. Мне нравится помогать детям, и мне больно видеть, когда детям плохо.

– Все равно, – повторила Люси.

– Я думаю, тебе не все равно, иначе ты не плакала бы. – Я положила руку на плечо девочки. – Я понимаю, тебе трудно. Ты многое пережила. Но не следует копить боль внутри. От этого будет только хуже. Пожалуйста, расскажи мне, что тебя беспокоит? Я постараюсь тебе помочь.

Я была твердо уверена, что дело вовсе не в визите двух социальных работников.

– Нет, вы не поймете, – не поднимая головы, ответила Люси. – Вы не можете понять – с вами такого не случалось.

– Но ты можешь помочь мне понять, – сказала я, осторожно поглаживая девочку по плечу. – Я знаю, твоя жизнь была очень непростой. Я знаю, что некоторые из тех, кто должен был заботиться о тебе, этого не делали. Я уверена, что тебе есть что мне рассказать.

Наступила долгая пауза. Люси явно собиралась с духом, чтобы рассказать, но потом она сказала:

– Не сейчас…

– Точно? Спешить не надо. Я могу просидеть здесь всю ночь, если понадобится.

– Нет, – Люси отрицательно покачала головой. Я поняла, что настаивать не следует – девочка еще не готова.

– Хорошо, тогда в другой раз, – согласилась я. – А теперь давай вытрем слезки и ляжем спать. Когда устаешь, все кажется гораздо хуже. А завтра тебе идти в школу.

Люси подняла голову, села и повернулась ко мне. Я

салфеткой вытерла ей щеки.

– Вот так, так-то лучше… Ты такая красавица. Мне не нравится, что ты такая грустная…

Люси слабо улыбнулась. Гнев ее прошел.

– Можно мне обнять вас? – спросила она, как в первую ночь.

– Конечно, солнышко. Сколько захочешь…

Люси обняла меня и уткнулась лицом мне в шею. Я прижала ее к себе.

– Дорогая, когда захочешь поделиться со мной своими проблемами, я всегда готова тебя выслушать. И не важно, чем я в тот момент буду заниматься. Просто скажи: «Кэти, мне надо вам что-то сказать. Нам нужно поговорить». Я обязательно выслушаю тебя. Хорошо?

– Я запомню, – пробормотала Люси и еще крепче прижалась ко мне.

– Ну что, медовый месяца закончился? – со смехом спросила Джилл, когда я рассказала ей обо всем, что произошло. – Недолго же это было…

Люси категорически отказалась встречаться с Джилл. Услышав, что она приехала, девочка убежала в свою комнату, крикнув, что не выйдет, пока Джилл не уедет.

– Можно и так сказать, – улыбнулась я. – Люси злится сильно, но недолго. Она быстро успокаивается. Хотя, думаю, что выяснится еще очень многое.

– Обязательно, – согласилась со мной Джилл. – И чем дольше Люси пробудет в вашем доме, чем в большей безопасности себя почувствует, тем легче ей будет проявлять свой гнев.

– Вот спасибо, Джилл, успокоила. Но зато она хорошо спит, подружилась с Полой и Адрианом, она с нами разговаривает, а я встретилась с ее учительницей, и мы прекрасно поговорили. Люси с удовольствием позволила мне помочь ей с уроками.

– Прекрасно! Хорошо, что она хочет учиться. Я сообщу Стиви о том, что Люси говорила о своем отчиме. Она поговорит с Люси об этом в пятницу – конечно, если девочка захочет с ней встретиться.

– Я постараюсь ее убедить. Я объясню, что это важно.

– Хорошо, а теперь бумаги. Вы получили их?

– Нет.

Обычно социальный работник привозит все документы, привозя ребенка. Но поскольку Люси привезли ее опекуны, то документов я не получила.

– Я поговорю со Стиви, – сказала Джилл, делая пометку в блокноте. – Вам нужны эти документы. Она отправит их по почте

или привезет в пятницу.

– Спасибо.

– А как Люси ест? – поинтересовалась Джилл.

Я нахмурилась, потому что еда все еще оставалась проблемой.

– Я вам говорила, она ест, но явно недостаточно. Люси очень худенькая. Ей нельзя и дальше худеть. Я не взвешивала ее, чтобы не привлекать внимание к проблеме. И я не знаю, сколько она весила прежде. Я не понимаю, худеет ли она. За столом она очень напряжена и явно не получает удовольствия от еды. Я спрашиваю ее, любит ли она то или иное блюдо, когда собираюсь готовить. Она говорит, что любит, а потом почти ничего не ест.

– А в школе она обедает?

– Да, но я не знаю, как она там ест.

– Да, в средней школе персонал не следит за питанием детей так, как в начальной. Я поговорю со Стиви – может быть, она что-то знает о питании Люси. – Джилл сделала еще одну пометку в блокноте. – Уверена, что опекуны Люси беспокоились из-за этого. И у Стиви есть медицинская карта Люси. Если она не станет есть лучше, то придется обратиться к врачу. Об этом придется упомянуть на обсуждении.

Детей, которые находятся под опекой, регулярно обсуждают в социальной службе. На таких встречах оценивается здоровье, воспитание и благополучие ребенка. Социальная служба должна быть твердо уверена, что ребенок получает все необходимое.

– А пока я буду вести себя как прежде? – спросила я. – Я предлагаю Люси разнообразную еду в разумных количествах и позволяю есть столько, сколько она захочет. Я не настаиваю, чтобы она ела – мне не хочется напрягать ее еще больше.

– Это правильно, – задумчиво произнесла Джилл. – Возможно, у Люси пищевое расстройство вроде анорексии или булимии. Она не бежит в туалет после еды, чтгобы вызвать рвоту?

– Конечно нет! – возмутилась я. – Я бы заметила! Я внимательно слежу за ней.

Джилл сделала пометку в блокноте.

– Думаю, когда она освоится, аппетит вернется, но анорексию исключить нельзя. Здесь речь не о еде, а о контроле. Учитывая, что Люси совершенно не контролирует свою жизнь, она может использовать для этой цели еду: хотя бы это она может контролировать. Вы же проходили курс по пищевым расстройствам, верно?

– Да, в свое время. Думаю, нужно кое-что почитать…

– Это было бы хорошо. Попробуйте дать Люси практический контроль над едой – конечно, в соответствующих рамках, ведь ей

всего одиннадцать. Пусть она помогает вам готовить и накрывать на стол. Позволяйте ей самой накладывать себе еду – не ставьте перед ней полную тарелку. Если она почувствует, что может контролировать свое питание, то тревожность ослабеет и она станет есть больше.

– Спасибо, Джилл, – искренне поблагодарила я. – Я так и сделаю. Но разве одиннадцатилетние девочки страдают анорексией? Мне казалось, что это состояние возникает в более старшем возрасте.

– Да, конечно, но теперь анорексия все чаще встречается у детей – порой даже у тех, кому не исполнилось и десяти. Во всем виноваты девичьи журналы и средства массовой информации. Худоба считается признаком красоты.

Я кивнула. Меня тоже страшно раздражали глянцевые женские журналы, пропагандирующие совершенно нереалистичные женские образы. Ни одна нормальная женщина выглядеть так не может.

Джилл прочитала и подписала мой дневник и направилась к выходу.

– Люси, Адриан, Пола, до свидания! – крикнула она из коридора.

– До свидания! – откликнулись Адриан и Пола. Люси молчала.

– Не волнуйтесь, – сказала Джилл. – Скажите ей, что я попрощалась и постараюсь встретиться с ней в другой раз.

Я поднялась наверх и передала слова Джилл Люси. Люси играла с Полой. На мои слова она лишь плечами пожала. Через четверть часа я позвала детей ужинать.

По совету Джилл я не стала накладывать детям еду на тарелки, а просто поставила общее блюдо в центре стола. Предупредив, что блюдо горячее, я предложила всем накладывать еду самостоятельно. Конечно, скатерть была погублена в мгновение ока. Мы с Адрианом и Полой съели обычные порции, а Люси положила себе очень мало, но зато вернула мне чистую тарелку. Был ли это прогресс или нет, я не знала. Но мне было ясно, что завтра, пока дети будут в школе, мне нужно почитать про пищевые расстройства.

Глава пятнадцатая
«Мне не нужна ее помощь!»

«Двадцать процентов страдающих анорексией умирают от этой болезни», – прочитала я. Я перечитала эти слова дважды. Прочитанное меня потрясло. Мне было трудно это воспринять. Я целый час читала и перечитывала статьи по анорексии. Это было ужасно. В Интернете я могла найти всю информацию по анорексии и другим ужасным пищевым расстройствам. Кошмарные рассказы несчастных родителей сопровождались не менее кошмарными фотографиями истощенных девочек. Борьба с анорексией велась годами. Некоторым семьям удалось одержать победу, и теперь они поддерживали другие семьи, столкнувшиеся с той же проблемой. Другие проиграли – их дети погибли. Это было ужасно. Я читала рассказы о погибших детях, и на глаза наворачивались слезы. Ужасная болезнь, ужасные последствия…

Джилл была права – пищевые расстройства теперь возникают даже у маленьких детей, порой у пяти– и шестилетних. Отчасти в этом были виноваты средства массовой информации, где преобладают очень худые модели. В статьях обсуждались различные методы лечения и выявления ключевых проблем страдающих анорексией детей. Основная проблема заключалась не в питании и еде. Анорексия и другие пищевые расстройства являлись проявлением внутреннего несчастья, поэтому лечение должно быть направлено на всю семью.

Я читала не только те страницы, где своим опытом делились родители. Я читала блоги и форумы тех, кто страдал анорексией, кому удалось излечиться. И эти люди искренне и подробно описывали свое ужасное состояние – сильнейшие пищевые расстройства. Больше всего меня тронул блог двадцатидвухлетней женщины, которая с шестнадцати лет страдала анорексией. Неожиданно блог прервался, а потом появилось сообщение подруги: «Покойся с миром…» Та женщина умерла – в буквальном смысле уморив себя голодом. Я читала рассказ матери, которая дважды возвращала дочь буквально с порога смерти. И ей удалось справиться с болезнью. Мать рассказывала о своем опыте, надеясь помочь другим родителям. Ее советы были разумны и вполне согласовывались с тем, что говорила Джилл: дайте молодому человеку максимальный контроль над его питанием, потому что пищевые расстройства часто связаны с ощущением беспомощности и чужого контроля над жизнью. Я узнала, что весы нужно убрать подальше:

страдающие анорексией постоянно взвешиваются, порой до десяти раз в день. И если обнаруживают, что прибавили хоть унцию, тут же бросаются за слабительным. Люси вроде бы ничего подобного не делала, но, дочитав до конца, я поднялась в ванную, взяла весы и убрала их в самый дальний угол дома. Они нам не нужны.

Я никак не могла забыть о прочитанном. Хотя пищевые проблемы Люси казались относительно мелкими в сравнении с тем, о чем я только что прочитала, я чувствовала свою ответственность: Люси ни за что не должна дойти до настоящей анорексии, хотя это вполне возможно, учитывая ее прошлое.

* * *

Прочитав все, я решила не покупать продукты на неделе, как делала всегда, а дождаться субботы. Люси будет дома и сможет поехать со мной за продуктами, чтобы купить что-то по своему выбору. Вечером я собиралась подать рыбный пирог, но не стала готовить его заранее, отложив приготовление на то время, когда девочки вернутся из школы. У Адриана занятие в кружке, и он вернется довольно поздно.

– Хотите помочь мне готовить рыбный пирог? – с энтузиазмом спросила я у девочек, как только они сняли пальто и немного отдохнули.

Пола с удивлением посмотрела на меня:

– Рыбный пирог? Мне нравится печь пирожные, а рыбный пирог звучит как-то не очень весело…

– Мы должны? – спросила Люси. – Я хотела посмотреть телевизор перед ужином.

– Нет, конечно, вы не должны, – отступила я, понимая, что настаивать бесполезно. – Я просто подумала, что вам понравится мне помогать. И времени на это уйдет немного.

Девочки переглянулись, посмотрели на меня и хором ответили:

– Лучше мы посмотрим телевизор.

– Ну хорошо. Тогда в другой раз.

Когда ужин был готов, я позвала всех к столу (Адриан к этому времени уже вернулся). Как и вчера, я поставила блюдо в центр стола, положила ложку, предупредила, что блюдо очень горячее, и предложила всем накладывать себе еду самостоятельно. Результат был тот же самый: мы с Адрианом и Полой наелись от души, Люси положила себе совсем чуть-чуть, но съела все. После

еды в туалет она не пошла, и я решила, что рвоту она у себя не вызывает. Я надеялась, что с моей помощью она наконец расскажет о своих трудностях и проблемы с питанием постепенно исчезнут.

Всю первую неделю я отвозила Люси в школу и забирала ее домой. В пятницу, когда мы вернулись домой, Люси напомнила мне:

– Не забудьте спросить у моего социального работника, можно ли мне на следующей неделе ездить на автобусе.

– Ты не хочешь спросить ее сама? – предложила я. – Она скоро придет.

– Нет, спасибо. Я буду в своей комнате, – ответила Люси и убежала наверх.

– Я тоже пойду к себе, – сказала Пола и убежала вслед за Люси.

Адриан еще не вернулся. Когда через пятнадцать минут приехала Стиви, ее встречали только мы с Тошей. Я открыла дверь, Стиви увидела кошку и завизжала:

– Я ненавижу кошек! У меня аллергия! Уберите ее немедленно!

Убирать Тошу не пришлось. Крики Стиви так ее изумили, что она скрылась в мгновение ока. Так я познакомилась с социальным работником Люси.

– Рада познакомиться, – сказала я. – Могу я взять ваше пальто?

– Нет, я не буду раздеваться, – ответила Стиви.

Я провела ее в гостиную, предложила что-нибудь выпить.

– Воды, пожалуйста, – попросила она.

Я пошла налить стакан воды. Когда я вернулась в гостиную, Стиви все еще стояла.

– Садитесь, – предложила я.

– Куда? Где у вас сидит кошка? Я не могу сидеть рядом с кошкой – у меня аллергия. Я буду чихать без остановки.

– Обычно она сидит здесь, – сказала я, указывая на любимое Тошино кресло у окна. – Но я регулярно чищу всю мебель пылесосом.

Стиви села на диван, как можно дальше от кресла Тоши. Портфель она поставила на пол рядом с собой.

– Где Люси? – довольно резко спросила она.

– В своей комнате, – ответила я. – Я попытаюсь уговорить ее спуститься попозже, но, боюсь, пока что она настроена против социальной службы. С Джилл она тоже не захотела встречаться.

– Мне все равно нужно ее увидеть, – упрямо ответила Стиви.

– Да, да, я все понимаю. Если она не захочет спуститься, мы с вами поднимемся в ее комнату.

Я знала, что социальному работнику во время визита обязательно нужно увидеть ребенка. Джилл отвечала за меня, поэтому могла и не встречаться с Люси.

Стиви открыла портфель и достала стопку бумаги.

– Вот необходимые документы, – сказала она, передавая стопку мне. – Вы можете изучить их позже.

– Спасибо, – вежливо ответила я, откладывая бумаги на диван.

– Ну, как она? – спросила Стиви, доставая ручку и блокнот. – Джилл сказала, что у вас есть какие-то проблемы.

– Да почти нет, – ответила я. – Люси хорошо осваивается. Это не проблемы, скорее, тревога…

– Продолжайте, – резко сказала Стиви, нацеливаясь ручкой на блокнот. Я подумала, что при такой манере поведения неудивительно, что Люси не хочет с ней общаться.

– Меня волнует питание…

Я рассказала, что Люси ест очень мало, относится к еде с подозрением, что она очень худенькая. Я спросила о медицинской карте.

– Люси прошла медосмотр, – словно защищаясь, ответила Стиви. – Карту вы получить не можете, это конфиденциальная информация. Но уверяю вас, с ее здоровьем все в порядке.

– И там ничего не сказано о питании или весе?

– У нее малый вес. На грани нормы. Последний опекун подозревал анорексию, но подозрения не подтвердились. Когда Люси окажется в постоянной семье, мы отправим ее на терапию. После решения суда.

– Но это будет через год…

– Да. Но мы не начинаем терапию, пока ребенок не поселится в постоянной семье. А ваш дом для нее не постоянный. Вы – опытный опекун, вы должны все понимать: терапия – процесс длительный, а эмоции и боль лучше проявлять в стабильной, постоянной обстановке. Если в течение ближайших месяцев ваша тревога не пройдет, мы отправим Люси на новый медосмотр. Но это ей может не понравиться. Вам же не нравится раздеваться перед посторонними людьми, верно?

Это замечание показалось мне странным. Мы же говорили о враче и о состоянии, угрожающем жизни. Впрочем, я говорить ничего не стала.

– Что-нибудь еще? – спросила Стиви.

– Обвинения в адрес отчима, Дейва…

– Да, Джилл мне говорила. Об этом упоминается в

документах. Дело было расследовано, и никаких подтверждений мы не обнаружили.

– Понимаю, – задумчиво сказала я, глядя на Стиви. Я думала, что она расскажет мне об этом подробнее, но она отвела глаза и явно ожидала следующих моих слов.

– Я встретилась с учительницей Люси. Насколько мне известно, Люси отстает в учебе, и я буду помогать ей с уроками.

– Не слишком давите на ребенка, – сказала Стиви. – Она и без того натерпелась.

– Не собираюсь я на нее давить! Люси довольна, что я ей помогаю. Она была так рада, что сумела сделать всю домашнюю работу по математике. Она стала гораздо увереннее в себе.

– Что вы собираетесь делать относительно ее культурных потребностей? – спросила Стиви. Я не успела ответить, как она добавила: – Я хотела, чтобы приемная семья соответствовала ее этническому происхождению, но найти такую не удалось.

Я почувствовала, что она вот-вот добавит: «Поэтому вам пришлось принять на себя этот груз». Возможно, в этом и крылась причина ее враждебности. Она сама имела смешанное происхождение, хотя не была наполовину тайкой, как Люси. По-видимому, поэтому ее так волновала эта проблема. Она придавала ей больше значения, чем другой социальный работник. Но, как большинство приемных опекунов, я привыкла присматривать за детьми разного этнического происхождения и гордилась своими успехами. Впрочем, большинство этих детей родились в Великобритании и считали себя британцами.

– Насколько мне известно, Люси родилась в нашей стране, и мать ее – англичанка? – спросила я.

– Да, а отец ее таец, о чем давно забыли, – ответила Стиви. – Люси воспитывали белые англичане. Я попытаюсь найти ее отца и установить какой-то контакт, но вы должны начать прививать ей позитивную культурную идентичность. Рассказывайте ей о Таиланде, готовьте тайскую еду, повесьте тайский флаг в ее комнате и фотографии этой страны.

Я не стала говорить, что Люси – настоящая англичанка, а просто кивнула. Тут открылась входная дверь. Адриан вернулся из школы.

– Это мой сын, – пояснила я Стиви.

Адриан поздоровался с нами из коридора и скрылся на кухне.

– Я попытаюсь установить контакт и с матерью Люси тоже, – продолжала Стиви. – Люси не виделась с ней более шести месяцев, а в прошлом году они встречались всего два раза. Пока я не знаю, где она находится, но, как только это станет мне известно, я договорюсь, чтобы они встретились. Полагаю, это все.

– Вы не хотите еще что-нибудь рассказать мне о Люси, чтобы мне было легче поладить с ней? – спросила я.

– Все, что вам нужно знать, содержится в документах, – ответила она, указывая на стопку бумаг на диване.

Я в этом сомневалась. В таких документах обычно содержится лишь общая информация о ребенке, но никаких важных деталей. Вряд ли я смогу разобраться в прошлом Люси по этим бумагам. Приемные опекуны обычно полагаются на социальных работников. Но некоторые из них оказывают реальную помощь, другие же нет.

– У Люси нет других родственников, кроме матери?

– Конечно есть, – довольно резко ответила Стиви. – У нее есть отец, хотя я не уверена, что он в Англии. У нее есть двое дядей по материнской линии, хотя она с ними не встречалась. У нее есть родная бабушка и еще двоюродная по матери. Люси какое-то время жила у тети в младенчестве.

– У нее есть бабушка? – удивленно спросила я. Когда мы говорили о моих родителях, с которыми я собиралась ее познакомить, она даже не упомянула о ней.

– Насколько нам известно, Люси никогда ее не видела. Бонни не общается с семьей. У нее тоже непростая жизнь.

Я печально кивнула.

– Что ж, хотя бы Люси избавлена от дальнейших страданий, – сказала я, стараясь сосредоточиться на позитиве.

– Социальная служба собирается передать ее под полную опеку, – пояснила Стиви, не желая понимать моих чувств. – Если найдется родственник, ее передадут ему. Если нет, то найдем приемную семью, соответствующую ее культурным потребностям.

Я кивнула.

– Люси хочет ездить в школу на автобусе. Можно ей позволить?

– Конечно, а почему бы и нет? Она не склонна к побегам. Да и бежать ей некуда.

– Я просто хотела сначала с вами посоветоваться…

– Если это все, – оборвала меня Стиви, убирая ручку и блокнот, – я хочу ее увидеть.

Я поднялась и повела ее наверх в комнату Люси. Я постучала в дверь и сказала:

– Люси, Стиви хочет увидеться с тобой. – Я чуть-чуть приоткрыла дверь. – Ей можно войти?

– Нет! – громко ответила Люси. – Ей нельзя!

Я посмотрела на Стиви и открыла дверь чуть шире, чтобы заглянуть в комнату. Люси сидела на кровати, прижав к груди мистера Банни.

– Ей нужно увидеть тебя, дорогая. Чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

– Скажите ей, что со мной все в порядке, – грубо ответила Люси.

– И мне нужно поговорить с тобой, – из-за моего плеча добавила Стиви.

– Уходи! Я не хочу с тобой разговаривать!

– Не будь грубой, дорогая… Стиви просто хочет помочь…

– Мне не нужна ее помощь!

– Дело твое, – пожала плечами Стиви. Я подумала, что она пошутила, чтобы разрядить атмосферу, но это было не так.

– Катись отсюда! – крикнула Люси.

– Люси! – остановила я девочку. Мне было стыдно за ее грубость. Как опекун, хоть и временный, я отвечала за ее поведение.

– Если ты не хочешь, чтобы я входила, подойди к двери, – сказала Стиви.

– Нет! Я с места не сдвинусь!

Порой Люси была очень упрямой. Я вспомнила Пэт и Терри, которые несколько часов уговаривали ее выйти из ванной, но потом все равно пришлось ломать дверь. Было ясно, что Люси не выйдет и к двери не подойдет. Я отодвинулась, чтобы Стиви видела комнату и Люси.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросила Стиви от дверей.

– Нет! – ответила Люси.

– Я пытаюсь организовать тебе встречу с матерью, – сказала Стиви, но Люси не ответила. – Я пытаюсь найти твоего отца и дядей, чтобы узнать, не смогут ли они забрать тебя к себе.

Хотя все это было правильно и соответствовало правилам работы социальной службы, я подумала, что не стоило упоминать о возможности нового переезда, когда Люси прожила у меня всего неделю.

– Мне нет дела! – ответила Люси. – Делайте, что вам хочется. Вы все равно так поступите!

Мне было стыдно за ее поведение, но я понимала причины ее гнева.

– Люси, ты же большая девочка, – попыталась я урезонить ее. – Поговори со Стиви нормально.

Ответа не было.

– Ну хорошо, – сдалась Стиви. – Я тебя видела. Буду держать вас в курсе. Пока.

Она закрыла дверь в комнату Люси и направилась к лестнице. Я пошла за ней. Когда мы уже спустились, из комнаты Люси донесся грохот. Я побежала наверх, а Стиви пошла за своим

портфелем в гостиную. Я постучалась и вошла. Люси сидела на кровати, прижав мистера Банни к груди. Стол был перевернут. Глаза девочки блестели, она была готова разрыдаться.

– Я сейчас к тебе вернусь, – сказала я.

Я быстро вышла на лестницу. Стиви забрала свой портфель и собиралась уходить.

– Люси плохо, – сказала я. – Не могли бы вы уйти?

– Разумеется, – кивнула она, а потом без тени иронии добавила: – Хороших выходных.

И социальный работник Люси покинул мой дом.

Глава шестнадцатая
Проверка границ

Адриан и Пола выскочили на лестницу, привлеченные шумом.

– Все нормально, – успокоила я их. – В комнате Люси перевернулся стол. Мне нужно поговорить с ней, а потом я приготовлю ужин.

В нашем доме перебывало много приемных детей, и дети знали, что громкий шум и последующий разговор означают, что ребенку плохо и ему нужна моя помощь. Адриан и Пола вернулись к себе, а я пошла к Люси. Свет был включен. Я села на кровать, стараясь не касаться Люси. Девочка сидела на кровати, мистер Банни сидел у нее на коленях. Она явно разговаривала с игрушкой. Мы помолчали, а потом я сказала:

– Стиви говорит, что на следующей неделе ты можешь ездить в школу на автобусе. Это хорошо.

Люси пожала плечами, словно ее это не волновало. Она молчала, и я заговорила первой:

– Знаешь, мы все порой злимся, но все же лучше поговорить. Думаю, тебе многое нужно рассказать. Ты пыталась разговаривать с социальными работниками?

– Нет смысла, – резко ответила Люси. – Они не слушают.

– Уверена, что слушают… Хотя они не всегда могут поступать так, как тебе хотелось бы.

Многие дети, находящиеся под опекой, хотят вернуться домой и винят социальных работников в том, что этого не происходит. Впрочем, судя по всему, враждебность Люси была вызвана чем-то другим.

Люси пожала плечами.

– Мистер Банни думает так же, как и я, правда? – сказала она, глядя на кролика. – Он не разговаривает с социальными работниками. Он всегда со мной, когда они приходят. И раньше был. Он знает, что они мне не помогут.

– Мистер Банни с тобой уже очень долго? – спросила я. Люси кивнула. – И что бы он рассказал мне, если бы мог?

Детям иногда легче высказать то, что у них на душе, через любимую куклу или игрушку. Игрушки могут сказать то, чего не могут сами дети.

Люси выпрямилась, глаза ее блестели от непролитых слез. Она по-прежнему смотрела на мистера Банни.

– Думаешь, он рассказал бы мне что-нибудь?

Люси помолчала, а потом, не отрывая взгляда от мистера Банни, сказала:

– Он бы рассказал, что социальные работники приходили ко мне много раз, но ни разу не помогли. Он сказал бы, что я часто оставалась в голоде и холоде и мне приходилось стирать свою одежду в холодной воде. Он сказал бы, что мои тети и отчим плохо ко мне относились. Я хотела жить с Сэмми или с кем угодно, но они не разговаривали со мной. Они разговаривали с моими тетями и отчимом, но не со мной. Я была так несчастна, что хотела умереть.

Холодок пробежал по спине от этих слов. Как бы я хотела больше знать о прошлом Люси!

– Ты была очень несчастлива, – тихо произнесла я. – А кто такой Сэмми?

– Это мой школьный друг, – ответила Люси, по-прежнему глядя на мистера Банни. – Сэмми жил по соседству. Его социальные работники ему помогали. Я хотела, чтобы они и мне помогли. Но когда они пришли, то поверили отчиму и его подружке. А они умели врать. Мистер Банни знает, правда?

Она пошевелила игрушку, и кролик кивнул. Это было так трогательно и печально. Я подвинулась к Люси и обняла ее за талию.

– А мистер Банни знает, сколько тебе тогда было лет? – спросила я, пытаясь разобраться в головоломке прошлого Люси.

– Мне было шесть, – уверенно ответила девочка. – Я знаю, потому что в тот год была такой плохой, что мне ничего не подарили на Рождество. И на день рождения тоже, потому что я была плохой.

– Ты не была плохой, – возразила я. Как люди могли быть так жестоки!

– Нет, была! Тетя сказала, что Санта-Клаус не придет, потому что я наврала про нее в школе. Но я не врала. Мистер Банни знает, что я не врала. Я рассказала Сэмми, потому что мне было очень плохо, а он сказал учительнице. Это была не моя вина. Социальный работник пришел и сказал, чтобы тетя купила лекарство от вшей. Тетя очень злилась из-за этого. А потом она отвела меня в школу и подружилась с моей учительницей. Я поняла, что они заодно, и больше ничего никому не говорила. А из-за того, что я сказала, нам пришлось переехать и я потеряла своего единственного друга, Сэмми. Потом были другие социальные работники, но никто мне не помог. И я больше не хочу с ними разговаривать. Нет смысла…

«Какой жестокий приговор нашей социальной службе!» – подумала я. В жизни Люси было столько моментов, когда кто-то

должен был прийти ей на помощь. И никто не пришел.

– И никто из социальных работников не разговаривал с тобой наедине, без отчима и тети?

– Нет. Я бы попросила их забрать меня! Я знала, что не могу жить с мамой, но она хотя бы не мучила меня. Она просто не могла заботиться обо мне. Я думала, что под опекой будет лучше, но лучше не стало, правда, мистер Банни?

– Не стало? – поразилась я. – Но должно было! Что было не так?

Люси пожала плечами. Я сильнее прижала ее к себе.

– Если ты расскажешь мне, я попытаюсь все исправить, – сказала я.

Люси снова пожала плечами.

– Я знаю, что у опекунов есть горячая вода, они стирают мою одежду. У меня есть хорошая одежда, нет вшей… Но мне все равно приходится переезжать. Никто не хочет оставить меня у себя. У меня нет своей семьи. Меня никто не любит.

У меня слезы навернулись на глаза. Мне было так жаль эту девочку. Но жалость – не лекарство.

– У тебя обязательно будет своя семья, – спокойно сказала я. – Стиви ищет тебе семью. Помнишь, я говорила, что суд примет решение в течение года. И ты будешь жить в настоящей семье. Я понимаю, снова придется переезжать, но это будет в последний раз.

– Наверное, – прошептала Люси. А потом, обращаясь к мистеру Банни, сказала: – По крайней мере, ты всегда будешь любить меня, правда?

Игрушка снова кивнула. Сцена была настолько трагической, что я чуть не разрыдалась.

Мне больше нечего было сказать Люси, и я постаралась сосредоточиться на настоящем. Я предложила ей спуститься и помочь мне с ужином. Мне не хотелось, чтобы она в одиночестве сидела в своей комнате. Кроме того, я хотела привлечь ее к готовке в надежде улучшить ее аппетит. Люси послушалась. Она помогла мне почистить и порезать овощи, а потом накрыть на стол. Но съела она не больше, чем раньше. Я связала это с визитом социального работника. Весь вечер Люси оставалась очень тихой и грустной. Когда она ложилась спать, я спросила, не хочет ли она или мистер Банни что-то мне рассказать, но она отказалась. Я уложила ее, поцеловала на ночь и спустилась в гостиную, чтобы все записать. Закончив, я взглянула на бумаги, оставленные Стиви.

Как я и ожидала, там был ордер на перемещение и

документы, дающие мне официальное право опеки над Люси по поручению местных властей. Остальные документы, где, по мнению Стиви, я должна была найти все необходимое, меня разочаровали. Они пестрели пробелами. Имя и дата рождения Люси были записаны вместе с именем и датой рождения матери. Этническая принадлежность была обозначена как «белая британка». Другой информации не было. Об отце Люси вообще ничего не было известно, кроме того, что он таец. В разделе «Другие родственники» значились два дяди Люси в возрасте лет тридцати и двоюродная бабушка. Но Люси их не знала. И в документах не было ни имен, ни дат рождения, ни какой-либо контактной информации. Врачом Люси числился доктор по прежнему месту проживания. Вскоре нужно будет зарегистрировать ее по моему адресу.

Я узнала, что Люси проходила медицинский осмотр девять месяцев назад. Результаты были нормальными, хотя по росту и весу она еле дотягивала до нормы. Было отмечено, что у нее плохой аппетит. Я ничего не узнала о ее рождении. В разделе «Образование» числились контакты средней школы. Там же говорилось, что Люси многое пропустила в начальной школе и на три года отстает от сверстников. Все это я уже знала. В разделе «Есть ли у ребенка поведенческие проблемы?» было написано лаконично: «Да». Приемный опекун отметил, что Люси сложно выражать свои эмоции приемлемым образом, она легко раздражается и становится агрессивной. Я не знала, кто из опекунов это заметил, но это было не важно. По собственным наблюдениям я поняла, что Люси действительно легко выходит из себя, но с первым утверждением я была совершенно не согласна. Люси только что полчаса провела со мной. Я понимала, что при должном отношении взрослых она вполне в состоянии выразить свои эмоции приемлемым образом.

Среди документов был план опеки. Как я и ожидала, социальная служба подала в суд на ордер полной опеки, а затем Люси передадут на постоянное воспитание родственникам или в приемную семью. Больше всего меня поразила история участия социальной службы в жизни Люси. Впервые на нее обратили внимание, когда ей было всего полгода. Сейчас ей было одиннадцать лет. У меня не было ни одного приемного ребенка, в жизни которого социальная служба принимала бы столь активное участие – и добилась бы столь малых результатов. Я знала, что это не вина какого-то конкретного человека. Социальная служба несла общую ответственность за то, что за судьбой Люси просто наблюдали, не вмешиваясь.

Я закончила изучать документы и со вздохом закрыла папку.

«Бедный ребенок», – подумала я. Неудивительно, что Люси кажется, что ее никто не любит и не заботится о ней. Она действительно была никому не нужна.

В субботу занятий в школе нет, и мы могли расслабиться. Я приготовила завтрак. Люси снова съела лишь ломтик бекона и половинку тоста. Я помогла ей сделать уроки – без всякого давления. Она сама попросила помочь ей, а Адриан делал уроки сам. Потом мы с Люси и Полой отправились в магазин за продуктами, а Адриан пошел к приятелю делать школьный проект. В супермаркете девочки решили, что я буду везти тележку, а они станут складывать продукты по моему списку. Я сказала Люси, что она может выбрать то, что ей понравится. Обычно я такого приемным детям не предлагаю, потому что иначе моя тележка будет забита сладостями, печеньем и мороженым. А фруктам и овощам места не найдется. Но мне хотелось, чтобы Люси выбрала то, что она наверняка съест. Я с радостью увидела, что она выбрала пончик в отделе свежего хлеба и взяла пакет медовых хлопьев. Это было уже что-то.

В середине супермаркета находился раздел с продуктами со всего мира: целые полки с этикетками экзотических стран – индийские специи, тропические фрукты, соусы карри, китайская лапша, жареный рис, кисло-сладкий соус, мексиканские фахитас, тортильи и такос. И тут мы подошли к отделу тайских продуктов.

– Давайте купим на ужин что-нибудь тайское, – предложила я, надеясь, что мои слова не прозвучат фальшиво. Мне не хотелось смущать Люси объяснением, почему я решила попробовать тайскую кухню. Впрочем, все произошло само собой.

– Вы говорили с моим социальным работником, – сказала Люси, театрально закатывая глаза. – Она сказала моим прежним опекунам, что мне нужно больше узнать о Таиланде. – Люси повернулась к Поле и пояснила: – Мой отец из Таиланда, но я ничего не знаю ни о нем, ни о его стране. А социальный работник считает, что я должна.

Она снова закатила глаза, и девочки захихикали. «Не очень-то политкорректно», – подумала я.

– Давайте попробуем тайскую еду вместе, – с энтузиазмом предложила я. – Это будет забавно. Я была в тайских ресторанах, но никогда не готовила сама. Давайте попробуем для начала что-нибудь простое.

– А это не слишком остро? – спросила Пола, которая никогда не любила острую пищу.

– Необязательно.

Мы с девочками внимательно изучали разнообразные пакеты

и банки. Потом я заметила стойку с рецептами тайских блюд – специально для покупателей. Мы с девочками стали перебирать рецепты, и тут я заметила рецепт овощного рагу по-тайски.

– У меня есть вок, – сказала я. – А рагу готовить легко и весело.

– Мне нравится, – подхватила Пола.

– Мне тоже, – согласилась Люси.

Мы взяли рецепт и пошли собирать необходимые компоненты, а потом собрали все то, что оставалось в списке. Вечером мы принялись за готовку все вчетвером. Даже Адриан увлекся. Работать всей семьей было весело и приятно. Мне хотелось бы сказать, что после того, как Люси участвовала в выборе продуктов и приготовлении еды, она ела с аппетитом, но этого не произошло. Она с удовольствием готовила, но, когда дело дошло до еды, ее тревожность вернулась, и она съела очень мало. Я уже знала, что такое поведение типично для людей, страдающих пищевыми расстройствами: они с удовольствием готовят, но ничего не едят. Я встревожилась и подумала, что аппетит вернется к Люси не скоро. Придется сказать об этом Стиви и обратиться за медицинской помощью раньше, чем я планировала.

Вечером позвонила Пэт, прежний опекун Люси, но девочка отказалась подойти к телефону.

– Ты точно не хочешь поговорить с Пэт? – спросила я.

– Не хочу.

– Не принимайте это на свой счет, – пояснила я Пэт. – В жизни Люси столько событий… Ей кажется, что никто ее не любит и не хочет оставить у себя.

– Надеюсь, это не мы, – обидчиво заметила Пэт. – Мы не виноваты в том, что ей пришлось переехать.

– Знаю, и я объяснила это Люси. Она вас не винит.

Но, конечно же, в глубине души Люси воспринимала переезд от Терри и Пэт как очередной удар. Сейчас она сидела в гостиной и не могла меня слышать. Я решила кое-то что разузнать о ней, чтобы помочь ей по-настоящему.

– Пэт, я знаю, что Люси мало с вами разговаривала, но вас тревожило ее питание. Стиви сказала мне об этом, потому что я тоже тревожусь.

– Да, я отвела Люси к моему врачу, – сказала Пэт. – Но когда я сказала об этом Стиви, она набросилась на меня, словно я совершила что-то ужасное. Мне нужно было сначала получить ее разрешение.

– Что сказал врач?

– Что Люси на грани анорексии. Он посоветовал нам поговорить с ней о ее чувствах, но она не захотела с нами разговаривать. Как вы поладили со Стиви?

– Мы встречались лишь раз, – ответила я уклончиво, не желая говорить о социальном работнике Люси. – Вы можете мне еще что-то рассказать? Что еще сказал доктор?

– Больше ничего… А Люси виделась со Стиви?

– Нет.

– Она и здесь не хотела с ней встречаться. Стиви заявила, что это моя вина. Но если Люси чего-то не хочет, ее не заставишь. – Я промолчала. – Ой, я вас совсем заговорила. Передайте Люси привет от нас.

– Обязательно. И спасибо за все.

Я сомневалась в том, что Пэт еще когда-нибудь позвонит.

Я передала Люси привет, но девочка лишь плечами пожала. Я понимала, что пожимание плечами – не признак безразличия. Просто ей больно и, не желая снова испытывать боль, она делает вид, что ей все равно.

В воскресенье сильно похолодало (но снег не пошел), и я предложила пойти в кино. Люси пару раз ходила в кино с прежним опекуном, и она встретила мое предложение с восторгом. Мы вчетвером прекрасно провели день, хохотали над мультфильмами и ели попкорн. Такие вылазки очень сплачивают семью и создают ощущение полного единства. В темном зале Люси, полностью захваченная фильмом, забыла о своем плохом аппетите и, сама того не заметив, съела здоровенный хот-дог. Но за ужином она снова ела очень мало и без удовольствия. Не обращать внимания на такое поведение более было невозможно. И я решила поговорить с ней перед сном.

– Солнышко, меня беспокоит, что ты очень мало ешь. Ты же не поправишься, не бойся.

Из Интернета я знала, что те, кто страдает пищевыми расстройствами, страшно боятся растолстеть.

– Это не потому, – немного напряженно ответила Люси, словно ей уже это говорили. – Я просто не хочу есть. Я не ела раньше.

– До того, как тебя передали под опеку?

– Да.

– Думаю, тебе нужно попробовать привыкнуть к еде, – сказала я. – Попробуй есть немного больше… Уверена, что мистер Банни тоже этого хочет.

Люси улыбнулась.

– Хорошо. Я попробую – для мистера Банни.

– Вот и молодец!

Я поцеловала ее и вышла из комнаты.

С понедельника Люси начала ездить в школу и домой на автобусе. Я дала ей деньги на билет, проверила, все ли она взяла, и помахала ей от двери. Я отвезла Полу, вернулась домой и позвонила в школу Люси, чтобы они знали, что Люси теперь будет ездить на автобусе. В большинстве школ фиксируют то, как дети ездят в школу и из школы. Это важно для безопасности. Если ребенок исчезнет, будет понятно, где его искать. Секретарша сделала соответствующую пометку.

Все шло хорошо. Мне показалось, что Люси стала есть лучше, и я скрестила пальцы, чтобы не сглазить. Спасибо, мистер Банни! В воскресенье на ужин приехали мои родители. Они впервые увидели Люси. Всем приемным детям нравились мои родители, а Адриан и Пола бабушку с дедушкой просто обожали. Они были живым воплощением идеала: добрые и очень щедрые люди. Папа часто шутит, любит играть в настольные игры. А мама может бесконечно читать детям сказки и выслушивать их истории. Когда мы с мамой убирали со стола, она заметила, что Люси – очаровательный ребенок, но жизнь ее страшно печальна. Хотя правила не позволяли мне рассказывать матери о прошлом Люси, сама Люси сразу же рассказала, что ей пришлось часто переезжать и жила она у ужасных людей. А ни мамы, ни папы у нее нет.

– Она отлично поладила с Полой, – заметила мама.

– Верно, – согласилась я. – И с Адрианом, хотя в его возрасте ему больше нравится общество своих приятелей.

Когда родители уехали, я услышала, как Люси говорит Поле, что ей страшно повезло с бабушкой и дедушкой. А у нее никого нет.

– Я знаю, – ответила Пола. – Но пока ты живешь здесь, это и твои бабушка и дедушка.

– Это хорошо, – сказала Люси. – Они мне понравились почти так же, как и ты.

Распорядок дня в нашей семье установился, недели полетели незаметно. И скоро оказалось, что Люси с нами уже больше месяца. Настал март, весна была на носу. Люси довольно легко и успешно вписалась в мою семью. Я знала, что Адриану и Поле она тоже очень нравится. Но чем свободнее чувствовала себя Люси, тем легче она давала волю гневу и раздражению. Я была рада, что она стала выражать свои чувства, но вот манера этого выражения мне не нравилась. Она часто бросалась вещами и часто их

ломала. Причина для раздражения могла быть любой – упоминание о социальном работнике, грубость одноклассника, сложное домашнее задание, усталость. А порой причины вовсе не было – Люси просто приходила из школы, кипя раздражением и злобой, поднималась к себе и крушила все в своей комнате.

Я часами беседовала с ней, говорила, что боль и неприятности неизбежны, предлагала как-то справляться со своим гневом. Поведение не улучшалось. И тогда я лишила Люси ряда привилегий и сократила карманные деньги – из этих денег я платила за починку вещей (конечно, с разрешения социального работника). В конце концов руки у меня опустились. Я сказала, что ее поведение меня очень расстраивает. Ей нужно найти другой способ проявлять свой гнев.

– А мне все равно! – крикнула Люси.

Конечно, ей было не все равно. Успокоившись, она всегда очень сожалела о своем поведении.

Я предложила Люси изливать свой гнев и раздражение на подушку, а не на хрупкие предметы. Она попробовала, но, излупив подушку, она все равно разнесла всю комнату. Я знала, что Люси умеет контролировать себя: она сломала почти все, но мистер Банни был в полной безопасности.

– Уверена, что мистеру Банни твое поведение не нравится, – сказала я, когда девочка снова сбросила все вещи с полок.

– Нет, нравится! – парировала она. – Он на моей стороне!

И порой мне действительно казалось, что мы – противоборствующие стороны, воюющие армии, настаивающие на своем.

* * *

– Знаете, почему Люси так ведет себя и постоянно проверяет границы? – спросила Джилл, когда я в очередной раз пожаловалась ей.

– Она хочет понять, действительно ли дорога мне или я отвергну ее, как и все остальные, – ответила я.

– Именно! Она хочет, чтобы вы доказали свою любовь. И для этого доводит вас до крайности.

– Я знаю, Джилл. Я столько раз говорила, что люблю ее. Не волнуйтесь, мы справимся. Мы должны.

Видя мою решимость, Люси пошла дальше. Она превратилась в самого непокорного бунтаря, какого мне только доводилось видеть. Подростки часто бывают трудными, но одиннадцатилетняя Люси достигла в этом деле совершенства.

Мне стало понятно, откуда замечания ее прежних опекунов. Никакого сотрудничества! Люси оспаривала все мои поступки и просьбы. Она отказывалась выполнять даже простейшие просьбы – встать с постели, умыться и почистить зубы перед сном. Когда она три вечера подряд отказалась принять душ, я запретила ей смотреть телевизор. А когда она не стала делать уроки, я лишила ее игровой приставки. Разумеется, Люси заявила, что я ее ненавижу, убежала к себе и в очередной раз разгромила комнату. Робкий, спокойный, покладистый ребенок, который когда-то переступил порог моего дома, остался в прошлом. Люси постоянно искала новые способы спровоцировать меня.

– Мне не нравится ваш вонючий дом! – заявила она однажды. – Мне не нравитесь вы и ваши дети!

Я пропустила это мимо ушей.

Однажды перед сном Пола спросила меня:

– Почему Люси стала так плохо вести себя с нами? Мне это не нравится. Я хочу вернуть прежнюю Люси.

– Люси злится, дорогая, – объяснила я. – У нее была трудная жизнь. Сейчас она освоилась и не боится дать волю своему гневу. Не волнуйся – она злится не на тебя.

И действительно, когда Люси была в хорошем настроении, она вполне мирно играла с Полой и даже с Адрианом.

Но Пола волновалась. Я в очередной раз задумалась, как мое приемное опекунство влияет на моих собственных детей. Адриан был уже достаточно взрослым, чтобы не обращать внимания на вспышки гнева и злость Люси. Он, как и я, был выше этого. Но Пола была на два года младше Люси, и ей было больно. Я надеялась, что в какой-то момент поведение Люси дойдет до крайности, а потом сойдет на нет. А пока я продолжала вести себя по-прежнему: я беседовала с Люси, выслушивала ее, вознаграждала хорошее поведение и наказывала недопустимое. В конце марта мы отметили день рождения Адриана, а в начале апреля – день рождения Полы. Люси прекрасно себя вела. Но как только гости уходили, она возвращалась к прежнему поведению. Я уже не знала, долго ли смогу это терпеть. И вдруг произошло нечто неожиданное и незапланированное. И это все изменило – раз и навсегда.

Глава семнадцатая
Прогресс

– Не хотела бы спрашивать, но мы в отчаянии, – сказала Джилл. – Я знаю, что мы договорились, что Люси должна полностью освоиться, прежде чем вы возьмете еще одного ребенка, но прошло уже достаточно времени, а у нас нет ни одного свободного опекуна. Это только на две недели. И Дэвид такой милый ребенок! Просто мама его оказалась в больнице.

– Сама не знаю, Джилл, – сказала я, думая, что лучше бы она не просила.

Хотя в моем доме было достаточно места для еще одного ребенка, мне хватало забот с Люси. А Дэвид будет страдать из-за разлуки с матерью.

– Мне придется ходить с ним в больницу к матери? – чувствуя, что это будет совершенно невозможно, спросила я.

– Нет, с ним будет ходить тетя, – ответила Джилл. – Она не может присматривать за ним днем, потому что работает с полной занятостью. Но она может ходить с ним в больницу по вечерам и в выходные. Дэвид не доставит вам хлопот. А мы будем вам очень признательны…

– Когда вам нужно дать ответ?

– Сейчас. Мать должна привезти его к вам завтра утром, и от вас она поедет в больницу.

– И у вас нет никого больше?

– Никого…

– Хорошо, согласна, – ответила я. – Хотя у меня есть большие сомнения…

– Все будет отлично, – с уверенностью, которой у меня не было, заявила Джилл. – И никогда не знаешь, а вдруг это пойдет Люси на пользу. Она сможет сосредоточиться на ком-то другом, а не только на себе.

Хотя Джилл, как и я, глубоко симпатизировала Люси, но я чувствовала, что она начинает терять терпение. Ей уже казалось, что Люси своими выходками просто хочет привлечь к себе внимание.

– Спасибо, Кэти, – поблагодарила Джилл и простилась.

Я поднялась наверх, чтобы приготовить комнату для Дэвида и застелить постель свежим бельем. За ужином я объяснила детям, что завтра к нам приедет Дэвид и пробудет у нас две недели, пока его мама в больнице. Адриан и Пола встретили это сообщение с восторгом: послушный трехлетний мальчик радовал их куда

больше постоянных истерик Люси. Люси изумленно – даже потрясенно – смотрела на меня. А потом перешла в наступление.

– Вы берете еще одного ребенка? Так же как меня? – воинственно спросила она.

– Именно, дорогая. Всего на две недели…

– И вам разрешили?

– Конечно. Я могу принимать у себя двух детей или братьев и сестер – до трех человек. Не волнуйся. Тебе это никак не помешает.

Люси надулась, а Пола и Адриан стали расспрашивать меня о Дэвиде.

– Почему его мама едет в больницу? – встревоженно спросила Пола.

– Ей нужно сделать операцию, а потом прийти в себя, – объяснила я.

Джилл рассказала мне, что Бет, мать Дэвида, идет на гистерэктомию, но Поле знать это было необязательно.

– А разве у Дэвида нет бабушки и деда, которые могут присмотреть за ним? – спросил Адриан. Когда я оказалась в больнице, мои дети отправились к моим родителям.

– К сожалению, нет. Они умерли.

– Это так грустно, – вздохнула Пола.

– А его отец? – очень требовательно спросила Люси. – Разве у него нет отца, который мог бы взять его к себе.

– Нет, он умер в прошлом году. И он был совсем не старым.

Впервые на лице Люси промелькнуло понимание того, что она – не единственный ребенок на свете, который ведет печальную и тяжелую жизнь, пусть даже и другую. Пола уже чуть не плакала, поэтому я сменила тему. Мы заговорили о том, во что можно поиграть с трехлетним мальчиком.

Вечером я пришла пожелать Люси спокойной ночи. Было понятно, что она думает о Дэвиде, потому что у нее сразу появилось много вопросов:

– А Дэвид скучает по своему папе? – тихо спросила она.

– Конечно, скучает.

– А он будет скучать по маме и плакать по ночам?

– Наверняка, но я за ним присмотрю. А когда ты вернешься из школы, то сможешь помочь мне, если захочешь.

Но Люси уже почувствовала, что слишком уж расслабилась, и резко парировала:

– Нет. Это ваша работа.

Не обращая внимания на ее резкость, я пожелала ей спокойной ночи, поцеловала в лоб и вышла.

Бет привезла Дэвида в половине десятого – как раз тогда, когда я вернулась из школы Полы. Бет оказалась очаровательной женщиной, чуть за тридцать. Она волновалась – и из-за операции, и из-за того, что придется оставить Дэвида с незнакомым человеком. С собой она привезла чемодан с одеждой мальчика, коробку с его любимыми игрушками и мягкого медведя, с которым Дэвид привык засыпать. Все это должно было помочь мальчику освоиться. Бет беспокоилась, но Дэвид – он явно не понимал, что происходит – с удовольствием гонялся за Тошей, а потом принялся играть с игрушками, которые я специально оставила в гостиной. Бет написала мне его распорядок дня (очень предусмотрительно с ее стороны!), записала, какую еду он любит и чего не любит.

– Моя сестра Джен заберет Дэвида после работы, примерно в половине шестого, и привезет его в больницу. А вам она вернет его к семи – в это время он обычно ложится спать. Завтра мы не увидимся, потому что на завтра назначена операция. Джен привезет его ко мне послезавтра.

Я заверила Бет, что с Дэвидом все будет в порядке, а потом я показала ему весь дом. Дэвид не выпускал руку матери. Когда мы пришли в его комнату, Бет объяснила мальчику, что он будет жить здесь две недели, пока она будет в больнице, а потом сможет вернуться домой. Я сомневалась, что в таком возрасте ребенок способен это понять. Бет уехала – ей нужно было приехать в больницу к половине одиннадцатого. Мы с Дэвидом помахали ей и вернулись в дом. Поняв, что мама уехала, мальчик заплакал. Я взяла его на руки, принесла в гостиную и села на диван. Я укачивала и утешала Дэвида, объясняла, что он увидит маму вечером. Потом я отвлекла его игрушками и играми – так мы провели почти весь день. Он постоянно спрашивал: «Куда уехала мамочка?» – а я отвечала: «В больницу. Ты увидишь ее после ужина». Вскоре он и сам начал повторять: «Мамочка уехала в больницу, я увижу ее после ужина». Он был таким милым, и я уже была рада его появлению.

Когда пришло время забирать Полу из школы, я усадила Дэвида в детское кресло в машину. Он тут же спросил:

– Мы едем к мамочке в больницу?

– Нет, дорогой, пока нет. Тетя Джен заберет тебя после ужина.

Конечно, в три года ребенок был не в состоянии понять всего этого.

Пола отнеслась к маленькому Дэвиду как к большой кукле, и он наслаждался ее вниманием. Она играла с ним до самого

ужина. Ужинать нужно было пораньше, потому что Джен собиралась заехать за Дэвидом в половине шестого. Скоро до меня донесся веселый смех из гостиной. Поле удалось рассмешить мальчика. Хохот Дэвида был заразительным. Так радостно было его слышать. Но когда из школы вернулась Люси, все изменилось. Стоило мне открыть дверь, я сразу поняла, что она напрашивается на неприятности.

– Подружка сказала, что вы не имеете права брать другого ребенка, когда у вас есть я. Вы делаете это только из-за денег.

Мне было приятно узнать, что у Люси есть подружка, но я знала, что девочка говорит это, чтобы меня спровоцировать.

– Не думаю, что твоя подружка что-то знает об опекунстве, – спокойно сказала я, не обращая внимания на враждебность Люси. – Может быть, ты пригласишь ее к нам на чай, чтобы она поняла, как это делается. Входи и познакомься с Дэвидом.

– Ни за что! – воскликнула Люси и умчалась в свою комнату. Она просидела там до ужина.

За ужином Адриан и Пола развлекали Дэвида, а я следила за тем, чтобы он что-то съел. Не думаю, что мальчику когда-то уделяли столько внимания. По выражению лица Люси я видела, что ей это не нравится. Она явно ревновала. Каждый раз, когда он заливался смехом, она хмуро посматривала на него. В конце концов Люси сказала мне:

– Скажите, чтобы он вел себя потише. Он страшно шумит. У меня голова разболелась.

– А мне нравится, что ему весело, – ответила я. – И он ест!

Люси хмуро посмотрела на меня и принялась ковырять свою еду. Но даже она не могла устоять перед очаровательным, улыбающимся Дэвидом и его заразительным смехом. И это даже в отсутствие матери! Я видела, как Люси украдкой посматривает на него. Постепенно выражение обиды сошло с ее лица, и она даже позволила себе улыбнуться. К концу ужина она уже смеялась вместе со всеми – Дэвид был неотразим.

После ужина мы с Полой и Люси отправились в гостиную поиграть с Дэвидом, пока не приедет его тетя. Дэвид был страшно рад тете Джен, бросился к ней и поцеловал. Джен подняла и обняла его, поблагодарила меня за то, что я согласилась принять мальчика в своем доме, и сказала, что привезет его к семи вечера. Думаю, Джен терзалась чувством вины за то, что не смогла принять племянника у себя, но ей нужно было работать.

Когда Дэвид уехал, я разобрала его чемодан и игрушки, чтобы, вернувшись, он почувствовал себя дома. Часть игрушек я оставила внизу, чтобы было чем играть в гостиной. Люси сидела в своей комнате. Она услышала, как я устраиваю комнату Дэвида, и

пришла ко мне. Какое-то время она стояла молча, а потом сказала:

– Простите, что я так ужасно отнеслась к приезду Дэвида. Он мне очень понравился.

– Я знаю, – кивнула я. – И это хорошо.

Впрочем, Люси часто раскаивалась, и я уже привыкла к ее извинениям. Но на этот раз она сказала что-то новое:

– Не знаю, почему вы до сих пор держите меня в своем доме. Другие сразу отказывались.

Я отвлеклась от чемодана Дэвида и внимательно посмотрела на девочку.

– Мне нравится, что ты живешь у меня, – сказала я. – Ты мне нравишься. И я понимаю, что тебе больно.

Люси отвернулась.

– Вы многого не понимаете, – тихо сказала она. – Вы многого не знаете. Не знаете того, что заставляет меня плохо вести себя.

Я печально улыбнулась.

– Ты не первый ребенок под моей опекой, у кого есть секреты. Надеюсь, когда-нибудь ты мне расскажешь. Или расскажешь психологу, когда начнешь проходить терапию. Но одно я знаю точно: Люси, что бы с тобой ни случилось, это не твоя вина. Что бы тебе ни говорили! Поняла, солнышко?

Люси пожала плечами.

– Наверное… – А потом, удивленно нахмурившись, она спросила: – А откуда вы знаете, что мне говорили, что это моя вина?

– Потому что дурные взрослые всегда говорят это детям, которым причиняют боль. Чтобы дети чувствовали себя виноватыми и никому не рассказывали.

Люси посмотрела на меня и тут же отвела взгляд.

– Я не буду вести себя плохо, пока здесь Дэвид.

– Вот и хорошо. Ему понравится играть с тобой.

За те две недели, что провел в нашем доме Дэвид, поведение Люси заметно улучшилось. Она больше не устраивала истерик, а я не чувствовала, что хожу по лезвию ножа в ожидании очередного скандала. Люси стала вежливой и приветливой. Она с удовольствием помогала мне присматривать за Дэвидом. Она была вежлива с Адрианом, Полой и моими родителями – свой гнев она направляла на меня. Возможно, Джилл была права, говоря, что Люси получает слишком много внимания, а присутствие Дэвида позволит нам переключиться, и Люси поймет, что в мире есть и другие дети, которым живется нелегко, но которые находят силы смеяться. Не знаю, что сыграло свою роль,

но я была рада переменам, произошедшим с Люси, – атмосфера в доме заметно улучшилась. Я заметила, что она стала лучше есть. Все еще немного, но после появления Дэвида Люси стала чувствовать себя за столом гораздо спокойнее и есть стала больше.

На второй неделе после появления Дэвида к нам приехала Стиви. Она приехала в половине пятого. Люси играла в гостиной с Дэвидом и Полой. Стиви поздоровалась. Не посмотрев на нее, Люси тут же ушла в свою комнату. Я извинилась перед Стиви, но не стала подниматься и уговаривать Люси поговорить с социальным работником. Впрочем, Стиви этого и не ожидала. Она пробыла у нас полчаса. Я рассказывала ей о Люси, а Пола развлекала Дэвида. Стиви настойчиво расспрашивала меня, как я удовлетворяю культурные потребности Люси. Я рассказала о нашем тайском ужине и о том, что я рассказываю Люси о Таиланде при каждом удобном случае.

– А вы повесили в ее комнате тайский флаг?

– Нет, но обязательно повешу. – Я напрочь об этом забыла.

Я рассказала, что хотя питание Люси все еще меня беспокоит, но после появления Дэвида она стала есть лучше. Стиви это записала. Она сказала, что все еще пытается разыскать родственников Люси – ее отца и дядей. Ей все же нужно было осмотреть комнату девочки – это обязательное требование социальной службы. Мы поднялись наверх, я постучала и открыла дверь. Люси отказывалась говорить со Стиви, но Стиви увидела достаточно для своего отчета. Когда мы спускались, из комнаты Люси выскочила Тоша и кинулась к лестнице. Стиви отшатнулась и взвизгнула.

– Извините, – сказала я, пытаясь поймать перепуганную кошку. – Я давно выпустила ее и не знала, что она здесь.

Я услышала смех Люси.

Когда Стиви уехала, я напомнила всем, чтобы во время ее визитов кошку в гостиную не впускали. У Стиви аллергия на кошек.

Люси усмехнулась.

– А Тоша хотела поздороваться со Стиви, – сказала она.

Адриан громко расхохотался.

– Пожалуйста, больше этого не делай, – попросила я. – Ты же знаешь, что у Стиви аллергия на кошек.

Конечно, Люси это знала. Она потому и притащила кошку к себе – чтобы доставить Стиви неприятность.

Я думала, что после отъезда Дэвида поведение Люси сразу же ухудшится. Она хорошо себя вела ради мальчика, а теперь можно

было не притворяться. Впрочем, хоть я и не могла назвать ее ангелом, но поведение ее стало лучше, и она стала больше есть.

– Вам придется чаще помогать нам в таких делах, – сказала Джилл, когда я рассказал ей об этом.

– Только не сразу, – попросила я. – Мне нужно немного отдохнуть.

Не уверена, что социальные работники понимают, как тяжело присматривать за детьми.

Весна сменилась летом. Люси добилась значительного прогресса и дома, и в школе. Мисс Коннор говорила, что очень довольна ее успехами. Она поблагодарила меня за ту помощь, которую я оказываю девочке с уроками, но упомянула, что друзей у Люси все еще практически нет. Девочка словно окружила себя защитным барьером и ни с кем не хочет сближаться. Люси разговаривала с другими детьми, но по-настоящему ни с кем не дружила. Мисс Коннор поручила ей шефство над новенькой девочкой: ей нужно было показывать школу, обедать вместе с ней и помогать ей освоиться. Люси все сделала, но дружбы, на которую надеялась учительница, так и не сложилось. Мисс Коннор предложила Люси пригласить эту девочку домой, чтобы как следует подружиться. Но Люси ответила, что ей не стоит заводить друзей, потому что она все равно их потеряет – ведь через год ей придется переезжать. Это расстроило учительницу и меня тоже. Но мы обе понимали, что в словах Люси есть правда. Когда суд примет решение, Люси наверняка придется переехать в другое место и сменить школу.

– Надеюсь, это случится побыстрее, чтобы Люси не пришлось провести так всю жизнь, – сказала учительница.

Но по опыту я знала, что колеса правосудия вращаются медленно.

К июлю, когда Люси жила с нами уже пять месяцев, я могла с твердой уверенностью сказать, что худшее ее поведение осталось в прошлом. Она иногда раздражалась и злилась, но так ведут себя все дети. Единственное, что злило ее по-настоящему, это любые разговоры о ее социальном работнике и посещения Стиви. Не то чтобы она не любила именно Стиви. Люси была настроена против всех социальных работников, потому что они не помогли ей, когда она была маленькой. Я не могла объяснить, что это не вина Стиви. И каждый раз, когда Стиви появлялась – вместе с ней появлялась и Тоша. Я понимала намерение девочки, но меня беспокоило ее невнимание к здоровью другого человека. И я сказала, что, если это повторится, я запрещу Люси смотреть

телевизор.

– А мне все равно, – ответила она. – Делайте что хотите.

Правда, потом она извинилась за грубость.

Стиви позвонила мне накануне начала школьных каникул. Она сообщила, что разыскала мать Люси, Бонни, и на следующей неделе свяжется с ней. Стиви была очень возбуждена и рада. Я знала, что она ищет родственников Люси – это нормальная практика, – но я боялась, как это повлияет на Люси. Девочка уже свыклась с отсутствием матери. Если все пойдет по плану, то примерно через восемь месяцев Люси окажется в постоянной приемной семье, которую ей придется считать своей. Я не была уверена в том, что появление родной матери в такой момент пойдет ей на пользу.

– Надеюсь, это не расстроит Люси, – сказала я.

– Почему это должно ее расстроить? – довольно агрессивно ответила Стиви. – Это же ее родная мать!

– Она запутается, – пояснила я. – Она подумает, что может вернуться домой.

– Сомневаюсь. Но если вы беспокоитесь, еще раз объясните ей все про суд. Меня она видеть не хочет, так что я не смогу это сделать.

Стиви явно была очень рада. Мне показалось, что она ждет моих поздравлений за то, что ей удалось найти мать Люси.

– Я объясню, – пообещала я. – Кстати, я хотела бы взять Люси с собой в отпуск до конца августа. Мне нужно ваше разрешение?

– Думаю, да. Сообщите мне все детали. Нам нужно будет и разрешение матери Люси, потому что родительских прав ее не лишали. Вы можете сказать ей об этом, когда встретитесь.

– Обязательно.

Когда я рассказала Люси, что Стиви нашла ее мать и хочет организовать их встречу, девочка пожала плечами, показывая, что ей все равно.

– Это примерно на час, – добавила я. – В специальном центре. Я тебя отвезу и заберу. Мне интересно познакомиться с твоей матерью.

– Правда? – равнодушно спросила Люси.

– Конечно, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – И я смогу обсудить с ней твою поездку в отпуск. Я расскажу, что на море с тобой все будет в порядке.

Я уже говорила Люси, что хочу взять ее в отпуск.

– Ей все равно, что со мной будет, – ответила Люси и сменила тему.

* * *

Я думала, что, если Стиви удалось разыскать мать Люси, она сможет найти и других родственников – в частности, отца. Я рассказывала Люси о Таиланде, тайской культуре, даже разыскала тайский флаг, что было нелегко. Я знала, как он выглядит – горизонтальные красная, белая и синяя полосы, но купить его в Англии было нелегко. Я обзвонила множество магазинов и универмагов, побывала даже в тайском ресторане – может быть, они знают. Но все усилия были безуспешны. Потом я обратилась к Интернету – сразу нужно было так поступить. На специальном сайте продавались флаги всех стран мира разных размеров и из разных материалов. Я могла бы купить огромный флаг, но поняла, что это будет слишком. Тем более что Люси вовсе не хотела иметь флаг. Самый маленький имел размеры три на два фута. Я заказала его, и флаг доставили через три дня. Я принесла пакет к Люси и сказала:

– Я помогу тебе повесить его в спальне позже.

Люси отбросила флаг с явным отвращением.

– Я не повешу это в своей комнате!

– Я могу обрезать его – и он будет меньше, – предложила я.

– Нет! Я хочу оставить свои постеры.

Она завесила стены своей комнаты изображениями милых зверьков и вырезками из любимых журналов.

– Но тебе не нужно их убирать. Флаг займет совсем мало места, а Стиви обрадуется.

– Нет! – твердо ответила Люси.

– Может быть, повесим его на дверь спальни?

– Нет!

– Или с обратной стороны двери, чтобы ты его не видела?

– Нет!

– А давай сделаем из него покрывало на постель? Так многие делают, особенно футбольные болельщики.

Люси посмотрела на меня и сунула флаг мне в руки:

– Нет, Кэти. Извините, но вы даром потратили деньги. Я его не хочу.

Я смирилась и забрала флаг. Но я хотя бы попыталась. Впрочем, мне было совершенно понятно, что девочка хочет видеть на стенах своей комнаты милые картинки, а не флаг чужой страны. У меня были другие, более серьезные проблемы – нужно было подготовить Люси к встрече с матерью на следующей неделе.

Глава восемнадцатая
«Лучше бы у меня остались вы»

Я отправила Адриана и Полу к друзьям, чтобы им не пришлось сидеть в машине, пока мы с Люси будем на встрече с ее матерью. Встреча должна была занять всего час, и мне не имело смысла возвращаться домой. Я решила отвезти Люси в центр, встретиться с ее матерью, а потом погулять в парке и забрать девочку. Когда я говорила об этом с Люси, она проявляла полное безразличие и не задавала никаких вопросов. Центр она помнила – она уже встречалась там с матерью год назад. Но когда мы ехали туда, она вела себя очень тихо. Я поняла, как она нервничает, хотя девочка старалась не выдавать своих чувств. Я тоже нервничала. Люси более полугода не виделась с матерью. Я представляла, как они бросятся в объятия друг друга, заливаясь слезами.

– Стиви сказала, что, если сегодня все пройдет хорошо, она сможет организовать вам регулярные встречи, – сказала я Люси, заезжая на парковку центра.

– Мама не пробудет здесь так долго, – равнодушно ответила Люси.

Я подумала, что Стиви не стала бы говорить об этом, если бы не была уверена в том, что это возможно, но промолчала.

– А куда едет твоя мама, когда исчезает? – спросила я. – Ты знаешь?

– Нет, – так же равнодушно ответила Люси. – Она никогда не говорила. Просто уезжала – и все.

Я подумала, что сказала достаточно. Мои расспросы явно обижали Люси. Она замкнулась и замолчала.

– Не волнуйся, – сказала я, выключая двигатель и поворачиваясь к Люси. – Это, наверное, будет странно… Но если тебя что-то беспокоит, скажи сотруднику службы. Иногда родители не знают, что сказать. Они могут сказать совсем не то, что хотели.

Родители часто рассказывают о своей семейной жизни, а это очень плохо для ребенка под опекой.

Люси пожала плечами.

– Ну, пошли, – с улыбкой сказала я. – Мы приехали рановато, но можно подождать внутри и не сидеть в душной машине.

Я вышла из машины и открыла Люси дверцу. Она вылезла. Я включила сигнализацию, и мы направились к главному входу. Люси взяла меня за руку. Я ободряюще ее пожала. Люси никогда

прежде не брала меня за руку. Я почувствовала, как ей тяжело и как ей нужна дополнительная поддержка. У входа в центр я нажала кнопку звонка, дверь открылась. Мы поздоровались с секретаршей, сидевшей за стойкой. Она меня уже знала – я и раньше бывала в этом центре с другими детьми.

– Это Люси, – пояснила я. – У нее встреча с матерью, Бонни, в три часа.

Секретарша улыбнулась.

– Бонни еще не приехала. А вы можете подождать в зале ожидания.

Мы с Люси расписались в книге посетителей и прошли в зал ожидания. Там были книги и игры, чтобы дети не скучали в ожидании родителей. Когда родители приезжали, специальный сотрудник проводил их в одну из комнат для встречи с детьми. В центре было шесть таких комнат, довольно уютных, с коврами, шторами, диваном, телевизором, книгами и играми. Хотя это был не дом, но комнаты старались сделать максимально похожими на дом, чтобы дети могли расслабиться и получить удовольствие от того короткого времени, что они проводили с родителями.

В зале ожидания мы были одни. Наверное, другие дети уже встретились с родителями и находились в своих комнатах. Три часа уже пробило. Я надеялась, что Бонни не слишком опоздает. Ребенку под опекой очень тяжело ждать опаздывающего родителя – еще тяжелее, если родитель вообще не приезжает. Ребенку очень тяжело расставаться с семьей, а потом встречаться с родителями так наспех. Ожидание делает встречу еще более мучительной. Поэтому правила в этом отношении очень строги: если родители не звонят и не сообщают о задержке или не появляются в течение пятнадцати минут после назначенного времени, встреча отменяется, и опекун забирает ребенка домой. Хоть это и тяжело для ребенка, но не так тяжело, как бесконечное ожидание, ведущее к очередному разочарованию.

Я пыталась отвлечь Люси книгой или игрой, но она просто сидела и ждала. Она сидела очень прямо, сложив руки на коленях, и я поняла, что она нервничает сильнее, чем хочет показать. Я постаралась одеть ее покрасивее, блестящие волосы заплела в свободную косу. Мне всегда хотелось показать родителям, что их дети находятся в хороших руках и с ними все в порядке. Кроме того, это делало встречу особым событием – впрочем, это и было особое событие.

В пять минут четвертого раздался звонок, хлопнула входная дверь. Затем мы услышали, как секретарша говорит прибывшим:

– Они там.

Я подумала, что речь идет о нас, потому что больше в зале

ожидания никого не было.

Сердце у меня забилось, но Люси осталась совершенно спокойна. Мы услышали шаги в коридоре. Появились две женщины: сотрудница центра и Бонни. Она посмотрела на Люси и улыбнулась.

Мы с Люси поднялись.

– Привет, – сказала Бонни дочери. – Как ты?

– Хорошо, спасибо, – вежливо ответила Люси. – А ты?

– Тоже хорошо, спасибо.

Они не сделали попытки обняться или поцеловать друг друга. Встреча оказалась не такой эмоциональной, как я думала. Все было формально и отстраненно. Наступила пауза. Я сделала шаг вперед и протянула Бонни руку.

– Я Кэти, опекун Люси.

Бонни руку мне не пожала, лишь нервно улыбнулась.

– Рада познакомиться, Кэти. Надеюсь, Люси не доставляет вам хлопот.

– Вовсе нет, – улыбнулась я. – Она – настоящее сокровище, и мне с ней очень хорошо.

Мой энтузиазм показался очень неуместным в этой эмоциональной пустоте. Бонни и Люси продолжали смотреть друг на друга издали – они не смущались, но и не пытались сблизиться. Они напоминали обычных знакомых, а не мать с дочерью.

– Давайте пройдем в комнату, – предложила сотрудница центра. Повернувшись ко мне, она сказала: – Вы с Бонни сможете поговорить позже, когда приедете забирать Люси.

– Отлично.

Они пошли по коридору к комнате для встреч. Прежде чем они скрылись за двойными дверями, я услышала, как Бонни спрашивает Люси:

– Ну и чем ты занимаешься?

– Хожу в школу и все такое, – равнодушно ответила Люси.

Я оставила машину на парковке, а сама направилась в парк, чтобы немного прогуляться. Был отличный летний день. На игровой площадке я увидела множество детей – они бегали и возбужденно кричали под бдительным присмотром родителей. Я пошла по аллее по периметру парка к небольшому озерцу. Воздух был напоен ароматом летних цветов – садовники только что их поливали. Из документов я знала, что Бонни тридцать шесть лет, но при встрече она показалась мне гораздо старше. Я знала, что в свое время она пила и употребляла наркотики – наверное, поэтому она постарела раньше времени. Я видела таких

родителей других детей. Наркотики и спиртное никого не щадят. Некоторые выглядели гораздо хуже Бонни. Одни были страшно худыми, у кого-то не было зубов, кто-то кашлял, у кого-то выпали все волосы. Бонни показалась мне вполне упитанной и довольно хорошо одетой – модные джинсы и футболка. Я заметила, что темные волосы и глаза Люси унаследовала у отца, но все же она была очень похожа на мать. Хотя встреча показалась мне неловкой, но через час все наверняка изменится. Они почувствуют себя свободнее и, когда я приду забирать Люси, будут смеяться, болтать и играть.

Я обошла весь парк и остановилась у кафетерия, чтобы купить бутылку воды. Я пришла ровно в четыре часа.

– Вы можете войти и забрать Люси, – сказала мне секретарша. – Они в Голубой комнате.

Иногда опекун забирает ребенка прямо из комнаты, а иногда сотрудник центра приводит его к секретарю уже после прощания с родителями.

Комнаты назывались по цвету отделки. Я прошла по коридору, остановилась перед Голубой комнатой и постучалась. Через стекло я видела, что сотрудница центра сидит за столом и что-то пишет. Она подняла глаза, увидела меня и сделала жест входить.

Люси сидела на диване рядом с матерью, но не касаясь ее. Обычно в конце встречи ребенок бывает возбужден – даже перевозбужден. Приходится долго уговаривать детей отложить игры и проститься с родителями. Но тут не было никаких игр – и никакого возбуждения. В комнате царила тишина.

Бонни и Люси посмотрели на меня. Я улыбнулась.

– Тебе пора уезжать, – спокойно сказала Бонни дочери.

– Да, – кивнула Люси и поднялась.

– Вы хорошо провели время? – спросила я.

Бонни взглянула на дочь.

– Было приятно увидеть ее снова, – ровно и без эмоций сказала она. Люси помрачнела. Бонни обратилась ко мне: – Спасибо, что привезли Люси. Мы можем еще как-нибудь увидеться.

Я не знала, как реагировать на эти слова. Сотрудница центра что-то писала. Если я ничего не понимаю, то каково же Люси?

– Социальный работник Люси хочет организовать регулярные встречи, – сказала я Бонни. – Она говорила о еженедельных встречах.

Бонни нервно хихикнула. Она выглядела смущенной. Посмотрев на дочь, она ответила:

– Нет, нет, Люси это не нужно, верно? Она знает, что я за

человек. Мы как-нибудь увидимся…

– Значит, вы не собираетесь регулярно с ней встречаться? – спросила я, не веря собственным ушам.

– Нет, это невозможно. Спасибо, что вы присматриваете за ней. Ей у вас нравится.

Я слабо улыбнулась и посмотрела на Люси. Ее лицо не выражало никаких чувств. Похоже, она была к этому готова – другой реакции от матери она и не ожидала.

– Что ж, до свидания, – сказала мне Бонни, готовая уходить. – Я так понимаю, что мне нужно дождаться, пока вы не уедете.

– Да, так заведено. Но мне нужно кое-что у вас спросить перед уходом.

– Если это касается Люси, спросите у нее самой. Она знает о себе больше, чем я о ней.

Она снова нервно хихикнула.

– Нет, это не о ней. Я и сама ее хорошо знаю. Мне нужно ваше разрешение, чтобы взять Люси с собой в отпуск. Думаю, Стиви вам об этом говорила.

– Да, да, она говорила, – отмахнулась Бонни. – Я не против. Надеюсь, вы хорошо проведете время.

– Спасибо, – сказала я. Я собиралась рассказать Бонни, когда и куда мы поедем, но ее это не интересовало. Она повесила сумку на плечо, готовая уходить, как только мы уедем. – Тогда до свидания.

Мы попрощались. Я отошла в сторону, чтобы дать ей возможность попрощаться с Люси. Я думала, что она обнимет дочь или поцелует – так поступают даже друзья. Но она этого не сделала. Стоя прямо перед Люси, она сказала:

– До свидания, дорогая. Береги себя.

– До свидания, – ответила Люси, не ожидая ничего другого.

Это было самое печальное прощание в моей жизни. Люси сразу же подошла ко мне и взяла меня за руку. Мы направились к выходу.

– Веди себя хорошо, – сказала Бонни.

– Она всегда ведет себя хорошо, – ответила я.

Мы вышли в коридор и направились к выходу. Бонни не показалась мне злой и равнодушной – просто она была совершенно далека от дочери. Между ними не было связи – только генетическая. Я была потрясена. Мне было страшно жалко Люси, но вся эта ситуация много мне объясняла. Я была так поражена увиденным, что прошла мимо книги посетителей, не расписавшись.

– Кэти, – остановила меня Люси, – вы забыли расписаться.

Мы вернулись к книге посетителей и расписались, указав

время ухода. На улице мы не сказали друг другу ни слова. Люси снова взяла меня за руку. Я поглядывала на нее, чувствуя, что нужно что-то сказать, но не знала, что. Конечно, она знала свою мать лучше, чем я, и была готова к тому. У меня же были совершенно другие ожидания – помню собственные ощущения, когда встретилась с дочерью после шести месяцев разлуки. Совершенно ясно, что и Стиви ожидала другого – весьма нереалистические ожидания. Если она позвонит, я расскажу ей обо всем. Впрочем, она и сама увидит отчет сотрудницы центра. Как бы то ни было, регулярные встречи невозможны, и причины этого были мне непонятны.

В машине я повернулась к Люси. Она пристегивала ремень безопасности.

– Все хорошо, дорогая? – спросила я осторожно. – Ты как?

– Все нормально, – спокойно ответила она. – Мама такая, потому что в детстве ей было очень тяжело. Она не позволяет никому приближаться к ней, потому что другие люди ужасно относились к ней.

Я потрясенно смотрела на Люси. Сердце у меня разрывалось от боли – не только из-за нее, но и из-за Бонни. Как легко Люси могла стать такой же, если бы не оказалась под опекой.

– Она не виновата, что стала такой, – добавила Люси. – Я больше ее не виню.

– Нет, конечно, это не ее вина, – печально сказала я.

Люси и раньше рассказывала мне о матери и о своей жизни до того, как она оказалась под опекой. Обычно это случалось по воскресеньям, когда Адриан и Пола уезжали к отцу и дома оставались только мы. Но этого она прежде не говорила.

– Думаю, у твоей мамы была очень тяжелая жизнь, – сказала я, глядя прямо на Люси. – Думаю, она старалась изо всех сил. Жалко, что ей никто не помог так, как сейчас помогают тебе. Я рада, что ты простила ее.

Дети, оказавшиеся под опекой, часто злятся на родителей, и гнев этот остается с ними на всю жизнь.

* * *

Вечером я уделила Люси больше времени. Мистер Банни уже лежал рядом с ней на подушке. Иногда она просила меня поцеловать ее на ночь – сегодня тоже. Хотя встреча с матерью должна была повлиять на нее, пробудив в душе эмоции, воспоминания, надежды и разочарования, но девочка старалась

этого не показывать. Мне оставалось лишь гадать, что происходит в ее душе.

– Ты хочешь о чем-нибудь поговорить? – осторожно спросила я, присаживаясь на постель.

– Нет, – помотала головой Люси. – С мамой все будет в порядке. Она умеет справляться.

Люси явно уговаривала сама себя – и меня тоже.

– Конечно, так и будет. А когда она справится, то свяжется со Стиви и снова встретится с тобой.

Люси задумалась, потом сердито нахмурилась.

– Думаю, к этому времени я уже уеду от вас.

– Да, если это случится через шесть месяцев или позже, то ты, наверное, уже будешь в своей постоянной семье. Но тебе обязательно позволят общаться с мамой.

Люси снова нахмурилась.

– Я хотела бы остаться здесь, с вами.

– Дорогая, – вздохнула я, гладя ее по голове. – Я знаю, как это тяжело для тебя.

– Мама спросила, останусь ли я с вами, и я ответила, что нет. Но почему я не могу остаться, Кэти?

Это было очень трудно. Люси знала, что ее ждет, – и Бонни тоже. Я не знала, о чем они говорили при встрече.

– Помнишь, я говорила тебе, что Стиви пытается найти твоих родственников? – спросила я.

Люси кивнула.

– А если никто из них не сможет присмотреть за тобой, она будет искать тебе постоянную семью, где кто-то из родителей будет тайского или азиатского происхождения, чтобы ты чувствовала себя комфортно.

– Но мне же хорошо у вас, – сказала Люси.

– Конечно, дорогая. Я тебя очень люблю, и Адриан с Полой тоже. Но это не мое решение. Социальные работники стараются устроить детей в семью того же этнического происхождения. Помнишь, я объясняла тебе, что это значит?

Люси печально кивнула.

– А если я позволю вам повесить тот флаг в моей комнате? Я смогу тогда остаться?

– Дорогая, – сказала я, борясь со слезами, – если бы это было так просто.

Люси плутовато улыбнулась.

– Если Стиви позволит мне остаться, я перестану мучить ее Тошей, когда она приходит.

Я рассмеялась.

– Ты должна перестать мучить ее уже сейчас. Стиви приедет

на следующей неделе, и я не хочу, чтобы она постоянно сморкалась.

– Я не буду с ней встречаться, – четко произнесла Люси.

– Я знаю, и никто тебя не заставит. Но если ты захочешь, то можешь выйти на несколько минут. Ты сможешь остаться с нами ровно столько, сколько захочешь.

Люси покачала головой. Социальные работники обычно рассчитывают, что ребенок ее возраста будет присутствовать при встрече – разве что есть веская причина для его отсутствия.

– Нет, ни за что, – мрачно сказала девочка. – Я ненавижу социальных работников.

– Хорошо, хорошо, я тебя поняла. А теперь забудь о ненависти и подумай о чем-нибудь хорошем, чтобы спокойно заснуть. Через несколько недель мы едем в отпуск, а в сентябре у тебя день рождения. Скажи, чего ты хочешь и что тебе подарить.

Люси заулыбалась, хмурость ее прошла.

– Вот так-то лучше, – сказала я.

– Я так хочу в отпуск, – сказала Люси, утыкаясь лицом в мистера Банни. – И день рождения тоже! Вы сфотографируете меня, чтобы я вспоминала это счастливое время, когда уеду?

– Конечно, дорогая. Ты заберешь с собой кучу хороших воспоминаний…

– Лучше бы у меня остались вы, – тихо произнесла Люси, и я заплакала.

Глава девятнадцатая
Счастливый отпуск

Оценка положения Люси началась в одиннадцать часов во вторник. Мы собрались в гостиной за кофе с печеньем. Мы – это я, Стиви, Джилл и Питер (еще один сотрудник социальной службы). Дети занимались своими делами наверху. Я сказала, что Люси не хочет присутствовать при оценке. Бонни, мать Люси, тоже пригласили, но она снова исчезла, не оставив никаких координат. Приглашена была и учительница, мисс Коннор. Но во время школьных каникул она уехала в отпуск, поэтому ограничилась только письменным отчетом – Питер как раз дочитал этот документ. Мисс Коннор писала, что Люси достигла значительных успехов в учебе, но ей все еще трудно сближаться с детьми и заводить друзей. Я это уже знала из разговора в школе. Мисс Коннор сообщила социальной службе экзаменационные оценки Люси и выразила благодарность за мою помощь. Она писала, что Люси никогда не добилась бы таких успехов, если бы я не помогала ей с уроками. Это было очень любезно с ее стороны. Дочитав отчет мисс Коннор, Питер повернулся ко мне:

– Кэти, не могли бы вы рассказать нам о Люси?

Я заглянула в свои заметки, готовясь начать, но заметила, что все смотрят не на меня, а на дверь гостиной. Дверь медленно открывалась. Я подумала, что кто-то из детей спустился за чем-нибудь в гостиную. А вдруг Люси набралась смелости и решила присутствовать на этой встрече. Но когда щель оказалась достаточно широкой, в комнату проскользнула Тоша с громким мяуканьем. Стиви взвизгнула, а я бросилась ловить кошку. Напуганная Тоша скрылась на кухне. Я выпустила ее в сад и вернулась в гостиную.

– Извините, Стиви. Я была уверена, что уже отправила кошку на улицу.

Джилл, которая, как и я, отлично знала, откуда взялась кошка, бросила на меня понимающий взгляд, и мы незаметно улыбнулись. К счастью, Тоша пробыла в гостиной совсем недолго и Стиви не расчихалась. Но ее истерическая реакция несколько удивила Питера. Стиви объяснила причины своей ненависти к кошкам, и Питер снова обратился ко мне. Пока я рассказывала о Люси, он постоянно делал пометки. Я сказала, что Люси прекрасно освоилась в моей семье, у нее прекрасные отношения с моими детьми, моими родителями и со мной тоже. Я отметила ее прогресс в учебе и желание помогать мне по дому. Я рассказала о

распорядке дня девочки, о том, чем ей нравится заниматься в свободное время. Я сказала, что предлагала Люси позвать друзей домой, но она этого ни разу не сделала. И еще я рассказала о том, что сказала девочка учительнице: какой смысл заводить друзей, если через год придется переходить в другую школу.

– Очень грустно, – заметил Питер, делая пометки в блокноте.

– Она все равно могла бы завести друзей, – сказала Стиви. – С ними можно общаться и после переезда.

Я кивнула и продолжила рассказ. Люси научилась гораздо лучше справляться со своим гневом. Она стала лучше есть, хотя питание ее меня все еще беспокоит – она ест меньше, чем следовало бы ребенку ее возраста. Я рассказала, что на прошлой неделе Люси встречалась с матерью, но встреча, на мой взгляд, прошла неудачно.

– Давайте пока это отложим и поговорим об этом, когда Стиви нам обо всем расскажет, – предложил Питер.

– Конечно, – согласилась я.

Я сказала, с каким нетерпением Люси ждет нашего отпуска и своего дня рождения. В заключение я добавила, что она – прекрасная девочка, и я очень рада, что она оказалась под моей опекой.

– Спасибо, – поблагодарил меня Питер, а затем повернулся к Джилл: – Как социальный работник Кэти вы можете что-нибудь добавить?

– Почти ничего, – ответила Джилл. – Из-за всей этой неразберихи и печального опыта детства у Люси непростой характер, но она уже совсем освоилась и чувствует себя лучше. Думаю, что в постоянной семье ей будет полезно пройти курс терапии – тогда же можно будет решить и проблемы с питанием.

– А когда у Люси назначен следующий медосмотр? – спросил у Стиви Питер. – Помню, что прежний опекун высказывал то же беспокойство, что и Кэти. Пэт водила девочку к своему врачу.

Питер и раньше присутствовал на оценках состояния Люси и отлично знал ее историю.

– Люси пройдет медосмотр перед отправкой в постоянную семью, – ответила Стиви. – Если нужно, можно сделать это сейчас, но я не считаю это необходимым.

Она посмотрела на нас с Джилл, и мы кивнули. Питер сделал очередную пометку.

После этого Питер попросил Стиви рассказать о своей подопечной. Она начала с плана опеки: социальная служба обратилась в суд за ордером на постоянную опеку, а затем Люси передадут ответственному родственнику или в постоянную приемную семью.

– И как идут поиски подходящего родственника? Вы говорили об этом на прошлой нашей встрече.

– Я еще не смогла найти отца Люси, – ответила Стиви.

– Его вряд ли можно считать ответственным родственником, – заметил Питер. – Он ни разу не появлялся в жизни Люси. Он не видел ее с младенчества. И, насколько нам известно, он даже не проживает в нашей стране. Его имя значится в свидетельстве о рождении?

– Нет.

– Думаю, его можно исключить. Если только он вдруг не материализуется и не выразит желания заботиться о Люси, что весьма маловероятно. – Стиви кивнула. – А другие родственники? Нам нужно разобраться с этим побыстрее. В жизни Люси слишком много неопределенности. На прошлой нашей встрече вы говорили, что разыскиваете двух дядей, родную бабушку и двоюродную. – Питер сверился со своими записями. – Вы их нашли?

– Бабушка Люси живет в Шотландии. У нее масса собственных проблем, Бонни твердо заявила, что не хочет, чтобы Люси жила с ней. И я согласна: учитывая ее образ жизни, это неподходящий вариант. Бонни не знает, где ее братья – они не общались много лет. Люси никогда их не видела. Поэтому их тоже можно исключить.

– А двоюродная бабушка? – спросил Питер, снова заглядывая в блокнот. – Она приютила Бонни и Люси, когда девочка была совсем маленькой. Похоже, это подходящий вариант.

Стиви покачала головой.

– Я разговаривала с Мэгги по телефону. Она добрая женщина, но не может взять Люси к себе из-за слабого здоровья.

– Значит, мы должны подыскивать Люси постоянную приемную семью.

– Да. Поиски уже ведутся.

– Надеюсь, они не затянутся, – довольно резко сказал Питер. Обращаясь к Стиви, он сказал: – А теперь, пожалуйста, расскажите нам, как прошла встреча Люси с матерью на прошлой неделе.

– Неважно, – вздохнула Стиви. – Сотрудница центра отметила, что эта встреча была тягостна и для матери, и для дочери.

– Как долго они были вместе?

– Один час.

Питер сделал пометку, и Стиви продолжила:

– Бонни и Люси совершенно не были рады друг другу. Им было трудно поддерживать разговор на значимом уровне. Были

долгие, неловкие паузы. Они ни разу не коснулись друг друга…

– То есть они не обнялись и не поцеловались?

– Совершенно верно. Даже при встрече и прощании…

Я тоже обратила на это внимание.

– Как пишет сотрудница центра, – продолжила Стиви, – Люси предложила во что-нибудь поиграть – шашки, домино или скребл. Но Бонни сказала, что не умеет играть в эти игры. Люси предложила научить ее, как ее саму научила Кэти, но Бонни сказала, чтобы Люси играла в игры с Кэти, раз та все умеет. Больше всего Люси говорила о Кэти, о ее семье и о том, чем они занимаются все вместе.

– Бонни не обиделась?

– Удивительно, но нет. Бонни даже сказала, что она рада тому, что Люси так хорошо у Кэти. Кэти встречалась с Бонни в начале и конце встречи.

– И как все прошло? – спросил Питер, поворачиваясь ко мне.

– Нормально, – ответила я. – Я видела Бонни всего пару минут, но она была вполне вежлива со мной.

– А как все это восприняла Люси?

– Люси не расстроилась. Она была вполне спокойна. У меня сложилось впечатление, что она большего и не ожидала. Люси сказала, что вряд ли мать захочет встречаться с ней регулярно – это на нее не похоже. Но она не винит мать – она понимает, что у Бонни было очень тяжелое детство.

– Очень печально. – Питер сделал еще одну пометку и обратился к Стиви: – Вы надеялись организовать регулярные встречи Люси с матерью. Полагаю, теперь от этой идеи придется отказаться?

– Да, – кивнула Стиви. – Это невозможно.

– Бонни собирается отстаивать свои права в суде?

– Нет. Бонни понимает, что не может заботиться о Люси.

– Долго же она думала, – сухо заметил Питер. – Итак, мы ждем, когда команда поиска подберет Люси подходящую семью?

– Да.

Обращаясь ко мне, Питер спросил:

– А пока идут поиски, Люси может остаться с вами?

– Конечно же! Сколько угодно! В тот день, когда Люси встречалась с матерью, мы долго разговаривали, и она сказала, что хотела бы остаться с нами навсегда. Я объяснила, почему это невозможно.

– А вы, как социальный работник Люси, объяснили ей это?

– Насколько возможно, – пробормотала Стиви. – Люси не хочет со мной общаться и разговаривать.

– Итак, кто-то должен объяснить девочке положение дел, –

сказал Питер. – Никто из ее родственников не может взять ее к себе, значит, она отправится в приемную семью. Полагаю, она слишком взрослая для удочерения?

– Да, – ответила Стиви.

– Думаю, Люси все это уже понимает, – вмешалась я. – Но я могу еще раз поговорить с ней и все объяснить, раз она не хочет встречаться со Стиви.

– Да, пожалуйста, – кивнул Питер. – Очень жаль, что девочка не захотела встретиться с нами.

Я почувствовала легкий толчок ноги.

– А ее «История жизни»? – спросил Питер у Стиви.

– Она должна быть здесь, – Стиви посмотрела на меня.

– Люси хранит дневник в своей комнате, – объяснила я. – Она очень бережет его и не позволяет нам в него заглядывать. Я постоянно ее фотографирую, и, думаю, она хранит фотографии там.

– Прекрасно, – сказал Питер, делая пометку. – Что-нибудь еще?

Он посмотрел на нас, но никто ничего не сказал.

– В таком случае давайте назначим дату следующей оценки и разъедемся.

Мы вытащили наши ежедневники. Дату встречи назначили на январь, через пять месяцев. Питер поблагодарил нас, и они со Стиви уехали, а Джилл немного задержалась.

– Все прошло вполне прилично, – сказала она, когда мы остались одни.

– Да, жалко только, что Люси не захотела спуститься.

– Она спустилась, – улыбнулась Джилл. – Кто же еще впустил кошку?

– Я знаю!

– Надеюсь, в следующий раз она к нам спустится. Ей придется переезжать в постоянную семью, и та встреча будет очень важной. – Я кивнула, и Джилл сменила тему: – Кэти, вы не против взять еще одного ребенка на короткое время. Только на следующую неделю…

– Почему бы и нет, – согласилась я. – Дэвида все полюбили.

– Спасибо. Мальчика зовут Тоби. Ему двенадцать лет, и он целый год живет в приемной семье. Опекуны хотели взять его с собой в отпуск, но социальная служба не успела вовремя оформить ему паспорт. Мы не стали настаивать, чтобы вся семья отменяла отпуск, и решили на неделю передать его в другую семью.

– Я не против, – сказала я. – Хотя очень жаль, что Тоби не смог поехать в отпуск с семьей.

Семья Тоби столкнулась с проблемой, которая знакома многим приемным семьям. У приемных детей нет паспортов, и заявление на оформление могут подать только социальные службы, а не сами опекуны. Поскольку эта проблема не считается важной, паспорта часто оформляют не вовремя, и семьям либо приходится отменять отпуск (порой много лет подряд) и терять деньги, либо передавать приемного ребенка под временную опеку.

Джилл попрощалась с детьми и уехала. А я поднялась наверх и сказала, что с вечера пятницы у нас всю неделю будет жить Тоби. Адриан был рад, что в доме появится сверстник. Люси и Пола тоже обрадовались. Всю неделю стояла отличная погода, и мы много гуляли – или в собственном саду, или в парках.

В пятницу вечером приемный отец Тоби, Сид, привез мальчика к нам, и они с Адрианом тут же отправились играть. Сид был очень расстроен тем, что не сможет взять Тоби с собой в отпуск. Когда дети нас не слышали, он сказал мне:

– Жена сообщила социальной службе о нашем отпуске за десять месяцев. Мы получили разрешение взять его с собой за границу. И вы думаете, они сделали ему паспорт? Нет! Вот сколько времени им нужно?!

Я прекрасно понимала его чувства. Если бы мы собрались за границу, я оказалась бы в том же положении: у Люси не было паспорта, а ведь она находилась под опекой целых три года!

Я заверила Сида, что мы позаботимся о Тоби и ему будет хорошо у нас в доме. Мы действительно много гуляли. Каждый день мы куда-то ходили, побывали в зоопарке и на целый день ездили на море. Хотя Тоби все понравилось, но сравнить это с отпуском за границей было невозможно. Тоби долго мечтал об этом отпуске – он ни разу не летал на самолете. Его лишили не только отпуска, но и общения с семьей. Я была уверена, что не только мальчик скучает по приемной семье, но и они по нему. Когда Сид вернулся забирать Тоби, они крепко обнялись. Я почувствовала, что оба чуть не плачут. Тоби отправился за сумкой, а я спросила у Сида, хорошо ли они провели время. Он пожал плечами и ответил:

– Прекрасно, конечно, но мы терзались чувством вины из-за того, что пришлось оставить Тоби дома. Лучше бы мы все отменили и потеряли деньги.

Мне было очень жаль этого человека: он так переживал – и все из-за какой-то бюрократии!

Прошла половина августа, и мы начали готовиться к

собственному отпуску. Дети были в восторге. Они думали только о том, чем будут заниматься в отпуске – строить песочные замки, плескаться и плавать в море, есть мороженое, смотреть кукольные представления на пляже, гулять до поздней ночи… Они экономили карманные деньги, чтобы потратить их на аттракционы и развлечения. Когда я приступила к сборам, все были готовы помогать.

До побережья нужно было ехать пять часов. Мы выехали в шесть утра, остановились на заправке, чтобы позавтракать, и в двенадцать часов уже были на месте. Вещи мы оставили в своем бунгало и сразу же отправились на пляж. На пляже мы пробыли почти до заката, потом вернулись в бунгало, распаковали чемоданы и отправились ужинать в семейный ресторан с видом на море. Все было прекрасно. Счастливые дети так устали за день, что заснули, едва головы их коснулись подушек.

Каждый день мы использовали на полную катушку. Ходили на пляж, купались в море, катались на аттракционах. Мы выбрали семейный курорт и проводили время так же хорошо, как и все другие счастливые семьи. Люси была в восторге. Она постоянно благодарила меня и твердила, что ей никогда еще не было так хорошо. Она повторяла это снова и снова.

– Все в порядке, дорогая, – сказала я. – Тебе не нужно постоянно меня благодарить. Я рада, что ты хорошо проводишь время.

– Очень хорошо! Спасибо, Кэти! Это лучший отпуск в моей жизни!

Насколько мне было известно, это был *единственный* отпуск в ее жизни.

Сидя на пляже и наблюдая за тем, как Адриан, Люси и Пола плещутся в море, я все чаще задумывалась о своей семье. У Люси не было настоящей семьи – поэтому она так быстро привязалась к нам, а мы к ней. Она очень легко вошла в нашу семью. Я часто думала о ней как о собственной дочери. Дети так хорошо ладили друг с другом, что можно было подумать, что они родные братья и сестры. Да, волосы Люси были темнее, чем у Полы и Адриана. В ее лице просматривались азиатские черты, но различия были настолько незначительными, что она совершенно не казалась чужой. Сегодня во многих семьях у детей бывают разные отцы. Я тоже могла быть замужем не один раз. Стиви искала для Люси семью подходящего этнического происхождения, но я знала, что найти такую семью нелегко. Сколько еще они будут держать девочку в неведении? И действительно ли этническая принадлежность настолько важна? Разве не главное – найти ребенку стабильную, любящую семью?

Во время отпуска я не раз задумывалась об этом. К концу недели я поняла, что по возвращении мне нужно задать Джилл очень важный вопрос.

Глава двадцатая
«Вы будете любить меня?»

– Джилл, вы поддержите меня, если я подам прошение о постоянной опеке над Люси? – спросила я, страшно нервничая. – Я пока ничего не говорила Люси, Адриану и Поле. Я хотела сначала обсудить все с вами.

Разговор состоялся 5 сентября, через день после начала занятий в школе, поэтому в доме были только Джилл, Тоша и я. Джилл внимательно посмотрела на меня и задумалась.

– Я понимаю, что Стиви ищет для Люси семью подходящего этнического происхождения, – продолжала я. – Но удастся ли ей это? И сколько времени это займет? Люси считает себя британкой. У нее нет проблем с культурной идентичностью. Я стараюсь сделать все, чтобы она имела представление о своем наследии. У нее была такая тяжелая жизнь, ей столько раз приходилось переезжать. Полная неопределенность! Ей хорошо с нами. Мы с Адрианом и Полой стали ее семьей, и она для нас много значит. Она много раз спрашивала, можно ли ей остаться. И мы готовы оставить ее с нами навсегда. – Я говорила очень искренне. Джилл внимательно смотрела на меня. – Ну? Что вы думаете, Джилл?

– Вы любите Люси? – спросила Джилл.

– Да, люблю, – мгновенно ответила я. – Она стала для меня настоящей дочерью, а Адриану и Поле – сестрой. Я знаю, что они думают так же. Сейчас они понимают, что Люси когда-нибудь уедет от нас, как другие приемные дети. Мы понимаем это, когда берем детей, но я знаю, что они будут на седьмом небе от счастья, если Люси останется с нами.

Джилл кивнула и улыбнулась.

– Да, я поддержу вас, – сказала он. – Я буду только рада. Я вижу, как счастлива Люси в вашем доме. Она идеально вписалась в вашу семью.

– Спасибо, Джилл! – воскликнула я и захлопала в ладоши. – Спасибо огромное!

Я вскочила, подбежала к Джилл и крепко обняла ее.

– Вы – моя звезда!

Джилл рассмеялась.

– Всегда пожалуйста! А теперь мне нужно поговорить со Стиви. Она – социальный работник Люси, и ее мнение очень важно.

От радости я совершенно забыла о Стиви.

– Как вы думаете, она поддержит мое прошение? – В душе сразу же зародились сомнения.

– Наверняка. Ни один социальный работник не хочет заставлять ребенка переезжать без необходимости. И Стиви поймет, что шансы найти Люси идеальную семью весьма малы. На ее месте я на коленях благодарила бы вас за то, что вы готовы взять Люси навсегда. Я сразу же позвоню ей из офиса.

Я расплылась в счастливой улыбке.

– И как долго это займет? Вы мне поможете?

– Конечно. А пока подождем. Финальное слушание назначено на декабрь, но документы в суд нужно передавать в следующем месяце. Среди документов должен быть и план опеки. Стиви нужно будет пересмотреть его, прежде чем подавать документы: она должна показать, что Люси остается в вашем доме. После декабрьского слушания социальная служба получит ордер полной опеки, и комиссия рассмотрит ваше прошение. Комиссия собирается раз в месяц. Если ваше прошение не будет получено в январе, то его рассмотрят в феврале. Вам нужно будет явиться на комиссию, а остальное социальная служба возьмет на себя. – Я застонала. – Не волнуйтесь, все будет хорошо. Я пойду с вами – уверена, что комиссия одобрит ваше прошение. Думаю, что к концу февраля все решится.

– Прекрасно! – воскликнула я.

Не в силах сдержать радости, я обняла и расцеловала Джилл. А она уже достала ручку и блокнот и начала что-то писать. Я терпеливо ждала.

– Я пойду, чтобы побыстрее дать вашему заявлению ход. Я позвоню Стиви, а потом перезвоню вам.

Джилл широко улыбалась. Я видела, что она так же счастлива, как и я сама.

– Вы сегодня сделали мой день, – сказала она, когда я провожала ее к выходу.

– А вы мой! Еще раз спасибо!

И я снова обняла Джилл.

Все утро я буквально летала. Я успела переделать все домашние дела, даже не заметив этого. Я знала, что Адриан и Пола будут в восторге, когда я им все расскажу. А для Люси это станет лучшим подарком на день рождения! У нее появится собственная семья! Я чувствовала себя самым счастливым человеком на земле и неустанно благодарила бога. В моей жизни был такой момент, когда мне сказали, что у меня, скорее всего, не будет детей. А теперь у меня их трое – и появляются новые дети под опекой!

– Спасибо, Господи! – громко произнесла я.

В два часа зазвонил телефон. Я схватила трубку, надеясь, что это Джилл – и все хорошо. Это действительно была Джилл, но оказалось, что произошло что-то ужасное.

– Кэти, присядь. – Голос Джилл был очень напряженным. – Я поговорила со Стиви, и у меня для вас плохие новости.

Я сразу подумала, что Стиви уже нашла семью для Люси – такую, какую и хотела найти. Это было плохо, но новости Джилл оказались еще хуже.

– Стиви не хочет рассматривать ваше прошение о долгосрочной опеке. Она считает, что вы ей не подходите. Я пыталась ее переубедить, но она твердо стоит на своем. Она не будет за вас ходатайствовать.

Сердце у меня упало.

– Как это не подхожу?!

– Вы не удовлетворяете культурные потребности Люси, – пояснила Джилл.

– Ну так скажите, что еще мне нужно сделать, – сказала я, замирая от страха. – Я все сделаю!

– Дело не в том, что вы делаете или не делаете. Я знаю, что вы развиваете этническую идентичность Люси. Но вы не можете измениться сами.

– Хотите сказать, что я не тайка – и даже частично? – возмутилась я.

– Именно. И у вас нет таких родственников и близких друзей.

Я была вне себя от гнева.

– Так говорит Стиви?! Это чистой воды расизм! Неприкрытый! Джилл, мы живем в мультикультурном обществе! У меня есть самые разные друзья. Люси общается со всеми, она не выделяется. Вы сами говорили, что она прекрасно освоилась в нашей семье. То, что мы все белые, не означает, что мы не можем принять эту девочку. Думаю, тут все дело в заморочках самой Стиви. Она не думает о том, что будет лучше для Люси! Она была одержима этой идеей с самого начала! Ей нет дела до того, что мы любим Люси и готовы стать ее родной семьей! Все это выброшено псу под хвост, потому что Стиви считает более важным расовую принадлежность!

Я не могла больше говорить. Слезы душили меня. Возможно, я сказала лишнее, но мне нечего было терять.

Джилл слушала меня молча.

– Мне очень жаль, Кэти, – мягко сказала она. – Очень жаль. Я не должна была вселять в вас надежду до разговора со Стиви. Но я была абсолютно уверена в том, что она с радостью поддержит ваше прошение.

– Это не ваша вина, – вздохнула я. – Это все? Мне нужно ехать.

– Да.

Я, не прощаясь, повесила трубку и разрыдалась.

Когда дети вернулись домой, они сразу заметили, что со мной что-то не так. Я заверила, что все в порядке, и старалась не выдавать своих чувств, но это было нелегко. Весь отпуск я репетировала, что я скажу Джилл. Она меня поддержала, и я была счастлива. Я была абсолютно уверена в том, что Люси останется с нами. И тут такой удар! И от кого?! От социального работника! Обычно я – человек очень позитивный и настоящий оптимист. Мой стакан всегда наполовину полон, а не наполовину пуст. Я всегда утешаюсь тем, что могло быть хуже. Сейчас же меня радовало лишь то, что я ничего не сказала детям и их не постигло такое глубокое разочарование. В конце концов, Люси останется с нами, пока Стиви не найдет ей подходящую семью, а это займет много времени.

Но, несмотря на все уговоры, гнев мой не проходил. Я была искренне убеждена, что Стиви глубоко заблуждается. Я знала, что политкорректность в социальной службе играет важную роль – порой даже в ущерб другим не менее важным факторам и здравому смыслу. Я делала все, чтобы Люси знакомилась со своей культурой. Если бы девочка страдала и сама говорила, что не подходит нашей семье. И тогда я согласилась бы со Стиви и пожелала бы, чтобы она побыстрее нашла ей подходящую семью. Но все было не так – совсем наоборот! Люси прекрасно себя чувствовала и хотела остаться.

Но сдаваться я не собиралась. К ночи мое разочарование и гнев материализовались. Я решила, что утром, когда отвезу Полу в школу, нужно позвонить Джилл. И с этой мыслью я заснула, чувствуя себя совершенно разбитой.

– Простите, что вчера бросила трубку, Джилл, – начала я. – Я была очень расстроена.

– Понимаю. Послушайте, Кэти, если это вас утешит, то я тоже считаю, что Стиви не права. Но мы ничего не можем сделать.

– Именно об этом я и хотела вас спросить. Что мы можем сделать? Могу ли я как-то оспорить решение Стиви? Может быть, поговорить с ее начальником?

Джилл помолчала. Я чувствовала, что она подбирает слова.

– Вчера я говорила со своим начальником – сразу после разговора со Стиви. Мы с ним считаем, что разговор с ее руководством не приведет ни к чему хорошему. Руководство

почти наверняка ее поддержит, и тогда Люси могут перевести раньше, чем планировалось.

– Что вы имеете в виду? – сердце у меня упало. – Они же не нашли для нее подходящую семью?

– Нет, но могут решить, что, раз возникла расовая проблема, девочку лучше передать в азиатскую семью. Социальные службы уделяют этому огромное внимание.

– Не говорите мне этого! Эта политкорректность дошла до маразма! Хуже того, это дискриминация! Единственный, кто уделяет этому внимание, это Стиви! Неудивительно, что у социальной службы такая дурная репутация!

Я уже не могла сдерживаться и высказала Джилл все, что у меня на душе.

Джилл дала мне остыть, а потом спокойно сказала:

– Кэти, я всего лишь высказала вам наше мнение. Нам не хочется подавать жалобу. Я пыталась поговорить со Стиви, но она не изменит своего решения. Поскольку она является социальным работником Люси, то у нее есть все права решать за нее. Мне не хотелось бы обижать вас еще больше, если Люси неожиданно передадут в другую семью.

– Я вас поняла, – резко ответила я. – Спасибо.

И во второй раз за два дня я бросила трубку, не прощаясь.

Меня всю трясло, но я сознавала, что больше ничего не могу сделать. Джилл права: Стиви действительно может принимать решения. И если я пожалуюсь, то будет еще хуже. Мне оставалось лишь скрыть свое разочарование и сосредоточиться на дне рождения Люси на следующей неделе. Она хотела получить новый велосипед, и я собиралась в субботу поехать с ней в магазин. Но подарок она должна была получить только в день рождения. Вечером спросила ее, как она хочет отметить свой праздник. Может быть, пригласить друзей из класса. Но она ответила так:

– Я не хочу никого приглашать – я хочу провести день рождения с семьей. Мы можем пригласить бабушку и деда и устроить семейный праздник? Я хочу так.

Слезы навернулись на глаза – и я не могла объяснить Люси, почему плачу.

Люси решила, чтобы мы отметили ее день рождения в боулинге, в новом торговом центре, который недавно открылся по соседству. Она слышала, как о нем рассказывали одноклассники, но сами мы там еще не бывали. Я позвонила родителям и сказала, что Люси хочет, чтобы они пришли на ее день рождения. Мама

была очень тронута.

– Чувствую, что мы стали для нее очень дороги, – сказала она. – Ты знаешь, что она называет нас «ба» и «дед»? Я слышала, как она иногда называет тебя «мамой». Это непроизвольно, а потом она исправляется и говорит «Кэти».

– Знаю. Это трудно. Опекуны должны не позволять детям называть их «мамой» и «папой», чтобы не запутывать их и не настраивать против настоящих родителей.

Мама вздохнула.

– Если Люси сама называет тебя «мамой», это не проблема. Ей просто нужна настоящая семья – вот и все, дорогая.

У меня снова навернулись слезы на глаза – я никогда не смогу дать Люси такую семью…

– Встречаемся в двенадцать в воскресенье, – сказала я. – После боулинга приедем домой на чай. Я заказала специальный торт. Люси он понравится.

– Может быть, мне тоже испечь свои кексы? – предложила мама.

– Конечно! Это будет так мило! Мама, не мешай Люси называть вас «ба» и «дед». Это мне нужно быть осторожной – ведь она отправится в постоянную семью и там у нее появится новая «мама».

– Я все понимаю, дорогая.

Хотела бы я сама все понимать…

И сам день рождения Люси (в следующую среду), и наш праздник прошли прекрасно. В среду я разбудила всех чуть раньше, чем обычно. В ночных рубашках и пижамах мы собрались вокруг постели Люси и задарили ее подарками и открытками. Мама с папой собирались привезти свои подарки в воскресенье. Хотя от Бонни никаких подарков не было, Люси с удовольствием рассматривала наши подарки и открытки – и открытку от Джилл. Мы подарили ей велосипед, который она сама выбрала, я – коробку конфет, Адриан – две книжки, Пола – игры, а Тоша – фарфоровую кошечку. Думаю, эта кошечка понравилась ей больше всего. Люси ничего не сказала о матери – она ничего и не ждала. Она быстро оделась, немного проехалась на новом велосипеде по саду, пока я готовила завтрак, а после завтрака отправилась в школу.

Пока дети были в школе, я застелила стол праздничной скатертью, достала салфетки и приготовила обед по вкусу Люси. В день рождения дети сами выбирают обед. Люси заказала запеканку с курицей и чипсы. Я купила мороженое и небольшой праздничный торт. Парадный торт будет на празднике в

воскресенье.

Когда Люси вернулась, мой стол ее просто очаровал. И съела она в тот день гораздо больше! Но, думаю, больше всего ей понравилось быть «звездой вечера». Она почувствовала себя по-настоящему особенной. После ужина она сама выбрала игры, и весь вечер мы играли. Но завтра всем нужно было рано подниматься, так что мы не засиделись.

Я пришла поцеловать Люси на ночь.

– Кэти, – сказала она, – спасибо за прекрасный день рождения! Я чувствовала себя особенной!

– Ты и есть особенная, дорогая! – ответила я, обнимая и целуя ее. – Самая особенная! И никогда об этом не забывай!

Люси поцеловала меня и неожиданно сказала:

– Я так вас всех люблю! Я знаю, что не могу остаться с вами, но все равно буду вас любить. А вы будете любить меня, пока я с вами?

– Люси, дорогая, конечно же! Я уже тебя люблю! Мы все любим!

– Хорошо, – улыбнулась девочка. – Это мой лучший день рождения! – Повернувшись к мистеру Банни она сказала: – Вот! Я же говорила, что они нас любят! И я была права!

В воскресенье Люси обняла и расцеловала моих родителей.

– Я так рада, что вы приехали на мой праздник!

– И мы очень рады, – ответил папа.

– Спасибо, что пригласила, – подхватила мама.

В гостиной родители вручили Люси ее подарок, и мы все наблюдали, как она его открывает. Люси уже говорила маме, что хочет стать знаменитым косметологом и делать макияж кинозвездам. К невообразимой ее радости, мои родители подарили ей большой кукольный салон красоты в огромном красном чемодане. Все были в восторге! Мы рассматривали ряды маленьких ярких флаконов с косметикой и лаком для ногтей. Там было зеркало, накладные ногти, шиньоны, фен на батарейках, маленькие бутылочки с очищающим средством, тоником и духами – все, что нужно девочке, которая хочет открыть салон красоты для звезд. Люси была счастлива! Даже если в будущем она передумает – многие девочки мечтают о такой карьере, – сейчас она была счастлива, и это главное. Она прочитала открытку от моих родителей, а потом поставила ее на камин рядом с нашей открытой и открыткой Джилл. Три открытки: немного в сравнении с тем, что получают другие дети, но Люси никогда не видела ничего другого. И я знала, что раньше ее день рождения вообще не отмечали. И подарков она никогда не

получала.

В боулинге Люси выиграла – мы постарались! Когда мы вернулись домой, Пола, Люси и Адриан стали играть с папой, а мама помогала мне готовить чай. После чая мы вернулись в гостиную, и Люси испробовала свои способности косметолога на всех нас. Нам было весело, хотя я не уверена, что кинозвезды впечатлились бы этой картиной. Пола каждый ноготь накрасила своим цветом, а довершали ее образ ярко-красная губная помада и синие тени. Мне сделали массаж и накрутили волосы на бигуди. Мама ограничилась массажем ступней с ароматическим маслом. Адриану наклеили накладные ресницы и повязали на голову желтую ленту, а Тоше – розовый бантик на хвост. Но смешнее всего вышло с папой: он терпеливо сидел, пока Люси красила ему губы розовой помадой, накладывала блестящие серебристые тени, наклеивала накладные ногти и светлые локоны. Мы страшно хохотали, и я сделала много фотографий.

Каждому досталось по бабушкиному кексу. Мы уже достаточно отдохнули после обеда, и настало время для праздничного торта-сюрприза. Я пришла на кухню, достала торт, зажгла свечи и внесла его в гостиную. Все хором спели «С днем рождения тебя!». Не представляете, как рада была Люси. Ставя торт на стол, я видела, что глаза у нее блестят от навернувшихся слез. Торт был сделан в виде сказочного замка с четырьмя башенками в разных оттенках розового.

– Ух ты! – хором воскликнули Люси и Пола.

– Фантастика! – подхватили родители.

– Здорово! – одобрил Адриан.

Люси задула свечи, мы захлопали в ладоши и прокричали «Ура!». А потом я помогла ей разрезать торт, и она каждому из нас выдала по кусочку торта на красивой тарелке. Торт оказался не только красивым, но и вкусным. Мы расправились с ним мгновенно, и все запросили добавки. Люси впервые в жизни взяла добавки!

– Это мой лучший день рождения! – восклицала она.

Мы улыбались, и я пыталась избавиться от мысли о том, что это будет ее единственный день рождения в нашей семье. В следующем сентябре она будет жить с другими людьми.

Глава двадцать первая
«Я никому не нужна»

Впонедельник позвонила Стиви.

– В офис пришла открытка от матери Люси. Я собираюсь к вам заехать и привезу ее. У меня тоже есть открытка для Люси.

Социальные работники обычно пишут открытки своим подопечным, а иногда даже делают небольшие подарки.

– Когда она возвращается из школы?

– В половине пятого.

– Я приеду к этому времени.

Когда Люси вернулась, я сказала, что скоро приедет Стиви. У нее есть открытка для девочки – и от матери тоже.

– Скажите мне, когда она уйдет, – ответила Люси и ушла к себе.

Люси очень враждебно относилась к социальным работникам – ведь именно они не спасли ее, когда она больше всего нуждалась в их помощи. Они постоянно передавали ее из семьи в семью и не хотели прислушиваться к ее желаниям. И это еще она не знала, что Стиви отклонила мою просьбу о постоянной опеке!

Перед приездом Стиви я проверила, чтобы Тоши не было в доме – я проверила даже все комнаты, включая и комнату Люси. Кошки нигде не было видно, и я решила, что она в саду. Стиви приехала вовремя.

– Кошки нет? – спросила она от дверей.

– Нет, – успокоила ее я.

Я провела Стиви в гостиную, сказала, что Люси у себя и предложила ей выпить, но она отказалась.

– Я все равно увижу Люси рано или поздно, – сказала она, как всегда, и добавила: – Мне нужно вручить ей открытки и рассказать новости.

Сердце у меня сжалось.

– Новости? Вы нашли ей семью?

Конечно, в каком-то смысле, это было хорошо. Люси уже устала от неопределенности.

– Нет. Я должна рассказать о поисках…

– То есть вы хотите сказать ей, что все еще ищете?

– Да.

– Она знает. Я рассказала ей обо всем после оценки.

– Все равно, как социальный работник, я должна сказать ей

сама. Она не может узнавать об этом от приемного опекуна.

Иногда Стиви была довольно груба. Даже если бы она не отклонила мое прошение об опеке над Люси, мне было бы трудно испытывать к ней симпатию. Но, услышав слова «приемный опекун», я просто ее возненавидела. Я считала, что говорить Люси, что они все еще ищут ей постоянную семью, не нужно и даже вредно. Разве нельзя дождаться, когда семья найдется, и тогда уже сообщить об этом? Но говорить я ничего не стала.

– Люси понравился праздник в честь дня рождения, – сообщила я.

– Она позвала кого-нибудь из школы?

– Нет. Я предлагала, но Люси сказала, что не хочет никого приглашать, потому что это семейный праздник. Мы сделали все так, как она захотела. Боулинг, а потом чай с тортом дома.

Стиви недовольно кивнула и что-то записала в блокнот.

– Вы готовите ее к переезду?

– Насколько это возможно – ведь семья для нее еще не нашлась. Когда мы узнаем, что такая семья есть, я подготовлю ее лучше.

Стиви снова что-то записала.

– Я стараюсь развивать этническую идентичность Люси, – продолжала я. – Мы прекрасно провели отпуск – и дома, и на побережье. Хотите посмотреть фотографии.

– В другой раз, – отмахнулась Стиви. – Сейчас у меня нет времени. Вы купили ей флаг?

– Да, но она не захотела вешать его в своей комнате.

– Тогда повесьте его здесь, – сказала Стиви, осматривая гостиную. – Флаг не обязательно должен находиться в комнате Люси. Даже лучше, если он будет в общей комнате. Люси почувствует, что вы уважаете ее культуру. Ей не нужно прятать его в своей комнате.

Я прикусила язык. Я знала: что бы я ни сказала или ни сделала, Стиви останется недовольна. Я – белая. Стиви – мулатка. И ей лучше знать, что будет полезнее для Люси. За тринадцать лет опекунства я не раз чувствовала негативное отношение социальной службы из-за своей белой расы. Я знала, что Стиви не нравится то, что ребенка смешанного происхождения отдали в белую семью, но другого выбора не было. А мы с Люси были счастливы, что все так вышло.

– Я найду место для флага, – сказала я и продолжила рассказывать Стиви об успехах Люси.

Я сказала, что Люси стала лучше есть, что она хорошо спит, делает успехи в школе, что она здорова и счастлива здесь.

Когда я закончила, Стиви сказала:

– Достаточно. А теперь я пойду к Люси.

Она убрала блокнот и ручку в сумку, поднялась с дивана, и я проводила ее наверх в комнату Люси. Дверь была закрыта, но девочка знала, что Стиви должна ее увидеть. Я постучала и приоткрыла дверь:

– Приехала Стиви, – сказала я. – Она может войти?

Люси сидела на кровати и листала журнал. К моему изумлению, она ответила:

– Да.

– Молодец! – обрадовалась я.

Я посторонилась, пропуская Стиви, услышала, как она сказала:

– Привет, Люси.

А потом раздался дикий визг, и из комнаты вылетели Стиви и Тоша.

– Мне очень жаль! – воскликнула я, хватая кошку. – Наверное, она спряталась…

Или ее спрятали…

Я отнесла Тошу вниз, выпустила в сад и вернулась наверх. Позже надо будет поговорить с Люси об этом случае. На сей раз она зашла слишком далеко.

– Я точно выпустила ее в сад, – сообщила я Стиви.

Та ждала меня на лестнице. Она не чихала, ничего страшного не случилось. Просто шок.

Мы вернулись в комнату Люси – дверь осталась приоткрытой. Стиви вошла. «Даже не постучалась», – отметила я.

– Я купила тебе поздравительную открытку, – сказала она. – И еще одна от твоей матери.

Люси не ответила. Я стояла на лестнице – на всякий случай.

– Кэти говорит, что у тебя был отличный праздник и тебе подарили новый велосипед.

Как мило с ее стороны! Стиви старалась изо всех сил. Я надеялась, что Люси ответит, но девочка молчала.

Я услышала скрип половиц – Стиви сделала еще один шаг.

– Я тебя долго не задержу, но мне нужно сказать, что я ищу тебе постоянный дом. Кэти, наверное, говорила тебе, что мы исключили твоих родственников – родную бабушку, двоюродную и дядей. Теперь мы ищем тебе приемную семью. Ты сможешь остаться с ними до восемнадцати лет, а потом опеку снимут.

Худшего Стиви сказать не могла! Я услышала громкий треск, словно что-то ударилось о дверь комнаты Люси, а потом девочка крикнула изо всех сил:

– Убирайтесь! Я вас ненавижу! Оставьте меня в покое!

Сила ее гнева напугала даже меня.

Стиви вылетела из комнаты, и тут же о дверь разбилось еще что-то. Я вошла в комнату. Люси стояла посредине, лицо ее покраснело от гнева, глаза метали молнии. В руке она держала статуэтку так, словно вот-вот швырнет ее.

– Положи на место, – твердо сказала я. – Потом ты пожалеешь о том, что разбила ее.

– Все равно! Я вас всех ненавижу! – рыдала девочка. – Убирайтесь!

Она швырнула статуэтку – не в меня, а в дверь. Статуэтка разбилась.

– Я ухожу, – крикнула Стиви с лестницы. – Я ухожу.

– Я тебя ненавижу! – закричала Люси.

Я не видела ее в такой ярости очень давно. Мне даже показалось, что она сейчас набросится на Стиви. Я шагнула вперед и положила руку ей на плечо.

– Успокойся, Люси! Сделай несколько глубоких вдохов и успокойся.

Она сбросила мою руку и потянулась за другой статуэткой.

– Нет! – резко сказала я. – Не делай этого. Я тебя понимаю.

– Я всех вас ненавижу! – рыдала Люси. – Лучше бы я вовсе не родилась!

Она бросила статуэтку на пол и, рыдая, упала мне на плечо.

* * *

Мы так и стояли посреди комнаты. Я обнимала Люси и утешала ее, пока слезы постепенно не иссякли. Когда девочка успокоилась, я достала из коробки салфетку и осторожно вытерла ей щеки.

– Вот так-то лучше…

Я слышала, что Пола и Адриан вышли в коридор. Они волновались за Люси.

– Все в порядке, – крикнула я. – Мы сейчас выйдем.

Я усадила Люси на край кровати и села рядом с ней, взяв ее за руку.

– Стало полегче?

Она слабо кивнула.

– Лучше бы я не была под опекой, – гнев Люси сменился печалью. – Лучше бы я никогда не встречалась с социальными работниками. Я просто хочу быть нормальной, как другие дети, как Адриан и Пола. Я не просила, чтобы меня рожали. Лучше бы меня вообще не было. Я никому не нужна.

– Дорогая…

Я обняла девочку и прижала ее к себе. Мне было безумно жаль Люси, я хотела помочь ей, но я знала, что слова нужно выбирать осторожно.

– Ты нужна мне, – сказала я. – И твоей постоянной семье, когда Стиви ее найдет.

– Мне бы хотелось, чтобы она вообще не искала, – ответила Люси. – Она делает мне больно.

– Я понимаю, дорогая.

Люси немного помолчала, а потом наклонилась и подобрала одну из открыток, валявшихся на полу.

– Я получила открытку от мамы, – сказала она, показывая ее мне.

– Прелестная открытка, – деликатно сказала я.

На открытке красовался очаровательный букет, но там не было даже надписи «Дочери». Обычная поздравительная открытка – такую можно послать простому знакомому.

– Она написала, – сказала Люси, раскрывая открытку и протягивая ее мне.

Под напечатанным текстом «С днем рождения! Пусть этот день тебе запомнится!» Бонни приписала: «*Счастливого праздника! Я знаю, что день рождения у тебя будет замечательный. Надеюсь, ты получишь много подарков. В следующий раз я тебе тоже что-нибудь подарю. С любовью, Бонни (мама)*».

Слишком холодная записка для матери, но вполне адекватная, принимая во внимание отношения между матерью и дочерью, свидетелем чего я недавно стала.

– Она забудет, – спокойно сказала Люси.

– Что забудет?

– Купить мне подарок. Она всегда забывает. Но это не важно. Просто она такая.

Люси сумела простить свою мать, несмотря на все ее недостатки и промахи. Я была тронута – на ее месте я не смогла бы это сделать.

– Ты прекрасный человек, – сказала я, обнимая девочку.

Люси пожала плечами, и я поцеловала ее в щеку.

– Поставим эту открытку на камин в гостиной со всеми остальными? – предложила я.

Люси кивнула и подобрала открытку от Стиви.

– Ну и эту тоже можно поставить, – сказала она.

– Отлично, – улыбнулась я.

Мы вышли из комнаты Люси. Пола все еще ждала нас в коридоре. Все вместе мы спустились. Люси поставила обе открытки на камин – теперь их стало пять. Смотрелись они очень

красиво. В нашем доме поздравительные открытки обычно стояли пару недель после дня рождения, а потом я их убирала.

Люси и Пола посмотрели телевизор, а я приготовила ужин. Мы ужинали позже, чем обычно, и я думала, что все проголодались. Люси почти ничего не съела – еще меньше, чем обычно. Внешне она справилась со своими эмоциями после визита Стиви, но внутри у нее все кипело. Я и раньше замечала, что в моменты стресса Люси перестает есть. Из того, что я прочитала, я знала, что это попытка вернуть себе хоть какой-то контроль над собственной жизнью.

– Я действительно не хочу есть, – сказала Люси, отодвигая тарелку.

Я убрала со стола, надеясь, что, как и раньше, ее аппетит улучшится, когда она справится с собой. Интересно, Стиви сознавала, какое влияние ее слова оказывают на Люси. Прошла неделя, прежде чем Люси снова стала есть нормально.

Я повесила тайский флаг в гостиной, как предложила Стиви, но через две недели сняла его – по настоянию Люси. Кроме того, смотрелся флаг довольно дико – вы можете себе представить, чтобы в обычной гостиной висел большой флаг? Меня все спрашивали, зачем я это сделала, и мне приходилось объяснять, что отец Люси – таец. Люси больше всего хотела жить нормальной жизнью, стать частью семьи, а мы сознательно выделяли ее и выставляли напоказ. Люси это не нравилось, и я сняла флаг. Я продолжала рассказывать Люси о стране ее отца более тонко и, как мне кажется, более осмысленно.

Сентябрь кончился. В октябре наступила настоящая осень. Листва окрасилась в яркие оранжевые, желтые, красные, охристые тона. По выходным мы надевали куртки и ботинки и по холодку отправлялись гулять в лес. Мы собирали сосновые шишки и смотрели, как белки прячут желуди на зиму. Дни стали короче, а ночи длиннее. Я люблю лето, но осень мне нравится особым ощущением уюта: так приятно сидеть дома холодными темными вечерами. Шторы задернуты, горит свет, потрескивает огонь. Вся семья собралась вместе, и ей не страшны все угрозы внешнего мира.

В конце октября мы праздновали Хеллоуин. Дети нарядились в страшные костюмы. Мы с ними обошли соседей, выставивших тыквы на крыльце: так люди показывали, что готовы принять гостей в костюмах. В ночь Гая Фокса мы пошли смотреть фейерверки возле школы Полы. Как всегда, родители, учителя и ученики собрались вокруг огромного костра и любовались фейерверками. А после салюта под потрескивание поленьев в

костре мы разбились на небольшие группы и болтали, поедая горячие сосиски с жареным луком и томатным соусом.

Стремительно приближалось Рождество. В конце ноября в магазинах появились праздничные украшения и рождественские подарки. Кое-где уже включили рождественскую музыку. С сентября Стиви у нас не появлялась – она пропустила свой обычный визит. Я подумала, что реакция Люси ее расстроила больше, чем мне показалось. Но социальные работники часто сталкиваются с еще более тяжелыми случаями. Люси просто разбила несколько статуэток и натравила на нее кошку. Но достаточно было лишь упомянуть имя этой женщины, и Люси сразу мрачнела и злилась. Я надеялась, что Стиви появится не прямо перед Рождеством – мне не хотелось портить девочке праздники.

В начале декабря меня навестила Джилл.

– Стиви ушла от нас, – сообщила она. – Ее перевели в другой отдел. До Рождества на ее место никого не назначат. Если вам нужно будет связаться с отделом, звоните ее начальнику.

– Хорошо.

– Надеюсь, с новым социальным работником Люси поладит лучше, – добавила Джилл.

– Я тоже, – кивнула я. – И, надеюсь, у него не будет аллергии на кошек!

Глава двадцать вторая
Новый год – новый социальный работник

Я люблю Рождество – и мы все любим. Я всегда стараюсь сделать этот праздник фантастическим не только для своих детей, но и для тех, кто под моей опекой. Я хочу, чтобы этот праздник они запомнили навсегда. Многие из приемных детей никогда не праздновали Рождество. Когда они рассказывали мне об этом, я не могла сдержать слез. Я слышала об ужасных разочарованиях и жестокостях – вы даже представить не можете, что творится в Рождество. Детям обещали праздник – и забывали об этом. В доме не было никакой еды и приходилось побираться по соседям. Родители напивались или впадали в наркотический кайф и забывали о детях. И дети оставались предоставленными самим себе, как в любой другой день года. А некоторых даже избивали в Рождество! Насилие вообще неприемлемо, но в Рождество – праздник мира и добра – это просто чудовищно. Сердце у меня разрывалось от таких историй. Одного из опекаемых мной детей родители избили в Рождество за то, что он рано их разбудил, чтобы не пропустить визита Санта-Клауса. Санта-Клаус не пришел. Родители заперли ребенка в подвале, сами спали до обеда, а потом стали пьянствовать.

В прошлое Рождество Люси была под опекой, поэтому знала, к чему готовиться. Большинство приемных опекунов стараются устроить детям хорошее Рождество – они понимают, как важны праздники для детей. За четыре дня до Рождества начались школьные каникулы. Адриан, Пола и Люси с нетерпением ожидали праздника. В сочельник они повесили свои носки на входную дверь, ожидая прихода Санта-Клауса – в нашем доме роль Деда Мороза отводилась Снегурочке, то есть мне. Дети были так возбуждены, что не могли заснуть чуть ли не до полуночи. А поднялись они, когда еще не было и семи. Меня разбудили крики:

– Санта-Клаус приходил! Санта-Клаус приходил!

Четырнадцатилетний Адриан больше не верил в Санта-Клауса, но с удовольствием поддался всеобщему веселью. У десятилетней Полы уже возникали сомнения, но она о них забыла – в этом году рядом с ней была Люси. Хотя ей исполнилось уже двенадцать, но у нее не было возможности верить в Санта-Клауса в детстве, и теперь она с радостью верила в него всем сердцем. И это истребило последние сомнения Полы.

Дети радостно принялись рассматривать подарки, которые ночью волшебным образом оказались в носках над их кроватями.

Я накинула халат и пошла смотреть, как они открывают подарки.

– Посмотрите, что принес мне Санта-Клаус! – кричала Люси. – Это именно то, что я хотела!

– И мне! – вторили ей Адриан и Пола из своих комнат.

Глядя на их радостные лица, озаренные искренней детской радостью, я позабыла обо всей подготовке, которая далась мне нелегко. Рождество стоит затраченных усилий. Когда дети рассмотрели свои подарки, они отправились друг к другу любоваться полученными подарками. Когда все умылись и оделись, мы устроили себе легкий завтрак. Я поставила духовку на таймер, так что индейка уже начала готовиться, и принялась за подготовку овощей. К нам в гости должны были приехать мои родители и брат с семьей. Они появились в одиннадцать утра. Радость воцарилась в доме: мы обменивались подарками, играли, сидели за праздничным столом – индейка удалась на славу! – а потом снова играли. В доме звучал смех – радовались и взрослые, и дети. Когда около полуночи гости разошлись, все решили, что это было лучшее Рождество на свете. Впрочем, мы так говорили каждый год.

На следующий день отец Адриана и Полы забрал их к себе, а мы с Люси остались вдвоем – как и в те воскресенья, когда мои дети уезжали к отцу.

– Сегодня нам не нужно делать уроки, правда? – скорчив рожицу, сказала Люси, когда я вернулась в гостиную, проводив детей.

Обычно, когда Адриан и Пола уезжали к отцу, Люси пару часов делала уроки – в такие дни я могла уделить ей все свое внимание.

Я рассмеялась.

– Нет, сегодня все еще Рождество. Но ты говорила, что сама хочешь позаниматься.

– Да, я не против. Мне нравится, что я теперь не худшая в классе. Мне это ужасно не нравилось.

Я сказала, что мне нужно сначала убраться после вчерашнего, а потом мы займемся чем-нибудь другим.

– Можно я тебе помогу? – спросила Люси, входя вслед за мной на кухню.

– Конечно, если ты сама хочешь. А можешь поиграть со своими подарками.

Я редко просила Люси помогать мне по дому – ей слишком много приходилось делать до того, как она оказалась под опекой.

– Мне нравится тебе помогать, – сказала она, берясь за полотенце, а я взялась за первую кастрюлю. – Мне нравится помогать тебе. Ты – как моя мама. Мне не нравилось делать это

для Дейва и его подружек.

– Тебя заставляли делать слишком много, – сказала я, как и раньше. – Это было неправильно.

– Но я со всем справлялась, – стоически ответила Люси. – Я много чего делала. Но другим детям было еще хуже, чем мне.

– Да, ты права, – печально улыбнулась я.

В нашем доме у Люси изменился взгляд на жизнь – она стала настроена более позитивно, и я считала, что это поможет ей в будущем.

– Некоторые тети были хуже других, – сказала Люси, вытирая только что вымытую кастрюлю. – Одну звали Пинки. Дурацкое имя! По мне так она была настоящей коровой. Когда Дейва не было, она приводила других мужчин. Они пили и курили. Она говорила, что эти мужчины дадут мне денег, если я сниму трусики и покажу им свою попку. Много денег, хватит на любые конфеты…

Я замерла.

– И ты показывала? – осторожно спросила я.

– Нет! Хоть я была и маленькой, но знала, что это неправильно.

– А они тебя не заставляли? – я не могла даже посмотреть в ее сторону.

– По-моему, нет. Я уже не помню. Было столько разных людей, квартир и домов. Я помню, что Пинки постоянно просила меня снять трусики. Она говорила, что снимает свои трусики для мужчин, и я тоже могу это делать. Она говорила, чтобы я не рассказывала Дейву, но он все равно ее выгнал. Или она сама ушла… Я уже не помню…

Люси рассеянно вытирала кастрюлю.

– А ты кому-нибудь об этом рассказывала? – тихо спросила я. – Социальным работникам или прежним опекунам?

– Нет. Я об этом забыла. Я случайно об этом вспомнила здесь, на кухне. Кэти, а это нормально: забыть, а потом вдруг вспомнить?

– Совершенно нормально! Особенно если воспоминания плохие. Сейчас ты чувствуешь себя в безопасности и начинаешь постепенно вспоминать – только то, с чем ты в состоянии справиться. Такие воспоминания всплывают от чего-то другого – может быть, они были связаны с кухней. Но это совершенно нормально. Когда ты будешь проходить терапию, психолог поможет тебе справиться с этими воспоминаниями.

– Ты уже мне помогла, – сказала Люси и поцеловала меня в щеку.

Я слабо улыбнулась.

– Люси, то, что ты мне сейчас рассказала, это насилие над ребенком. Я расскажу об этом твоему социальному работнику – как и все, что ты мне рассказывала. Если этого будет достаточно, полиция начнет расследование. Очень важно, чтобы такие люди, как Пинки и все эти мужчины, оказались под судом и не причинили вреда другим детям. Ты, наверное, не помнишь имени этой Пинки? Или имена мужчин? И где вы тогда жили?

– Нет, я не помню. Я помню, что тогда не было Сэмми. И учительницы, с которой я могла поговорить. Но я не помню, сколько мне было лет и где мы жили.

– Все нормально, не волнуйся. Ты так много пережила – ты отлично справляешься.

– Лучше, чем ты с мытьем посуды! – засмеялась Люси. – Ты вымыла только одну кастрюлю!

Я засмеялась и взялась за другую кастрюлю. Люси заговорила о Рождестве, подарках и играх. Она с удовольствием вспоминала события вчерашнего дня. Как многие дети из плохих семей, Люси научилась справляться со всем – воспоминания пробуждались, но она тут же отвлекалась на события настоящего, и это было хорошо.

* * *

Мать Люси не прислала ей ни подарков, ни открыток, и я решила, что она просто забыла. Люси ничего не говорила об этом – думаю, она даже ничего не ждала. Но вдруг она сказала:

– Надеюсь, с мамой все в порядке. Я волнуюсь о ней – она давно не давала о себе знать.

– Уверена, что с ней все в порядке, дорогая. Она может позаботиться о себе. Но если ты волнуешься, я завтра позвоню в социальную службу и спрошу, не знают ли они чего. Ты и сама можешь им позвонить – ты же уже взрослая.

– Нет, лучше ты. – Она взялась за следующую кастрюлю, а потом посмотрела на меня. – Кэти, а ты когда-нибудь принимала новогодние решения? Ну, что в Новом году что-то бросишь или начнешь делать?

– Иногда.

– И что ты решала?

– Обычно – не есть столько пирожных и шоколада.

Люси громко расхохоталась.

– Ты точно не держала слова!

– Ну конечно…

– Я тоже должна принять новогоднее решение: я постараюсь

хорошо себя вести с моим новым социальным работником и простить тех, кто причинил мне зло. Я тогда буду хорошим человеком, правда?

– Дорогая, – повернулась я к ней, – ты уже хороший человек. Я люблю тебя такой, какая ты есть.

– Я тоже тебя люблю, – Люси снова меня поцеловала. – И всегда буду.

На следующий день я позвонила в социальную службу, но до Нового года там были только дежурные сотрудники. Поскольку ничего экстренного не произошло, я сказала, что перезвоню через неделю. Я знала, что в декабре прошло заключительное слушание в суде, и полагала, что социальную службу представлял начальник Стиви. Результаты слушания никак не влияли на мою работу, поэтому меня никто не известил. Но, скорее всего, судья выдал социальной службе ордер на полную опеку, то есть наделил их полными родительскими правами, не изменив плана опеки. Я не знала, присутствовала ли на слушаниях Бонни. Она могла поручить представлять свои интересы адвокату. При рассмотрении дел об опеке все стороны имеют юридических представителей. Если кто-то не может позволить себе таких расходов, то расходы берет на себя государство по специально разработанной схеме.

Рождественские праздники слишком быстро подошли к концу. Настало время снимать украшения и убирать их на чердак до следующего года. В первый школьный день после каникул дети просыпались неохотно. Мне приходилось постоянно их поторапливать.

– Целых полтора месяца до каникул, – вздыхал за завтраком Адриан.

Люси застонала, а Пола скорчила недовольную рожицу. Не то чтобы они не любили школу. Им не хотелось возвращаться к учебе после волшебного Рождества. Впрочем, я прекрасно их понимала – мне тоже не хотелось снова втягиваться в школьную рутину.

– Хорошо бы снова снег пошел, как в прошлом году, – мечтательно сказала Люси, просветлев лицом при этой мысли.

– Да, здорово было бы! – подхватила Пола. – Тогда было так весело!

Трудно поверить, но в феврале исполнится год с того момента, как у нас появилась Люси. Мы стали вспоминать ее первый уик-энд в нашем доме. И воспоминания эти были очень счастливыми.

Социальная служба никак не давала о себе знать, и я стала готовиться к очередной оценке положения Люси. По плану она должна была состояться во вторник, в одиннадцать часов утра. Джилл позвонила в соответствующий отдел, чтобы уточнить, не произошло ли каких-то изменений. Ей сообщили, что Люси назначили нового социального работника и он обязательно приедет. Как и раньше, оценка проводилась в моем доме. Люси могла присутствовать, но она, как всегда, отказалась и предпочла пойти в школу.

Первой приехала Джилл – на десять минут раньше назначенного срока. Я сварила кофе, и мы устроились в гостиной. Я предусмотрительно вытерла повсюду пыль, пропылесосила и навела порядок во всем доме. Следом приехал Питер. Я сделала кофе и для него и принесла чашку в гостиную.

– Я так понимаю, что должен приехать новый социальный работник Люси? – спросил Питер. – Вы уже познакомились?

– Нет, – хором ответили мы с Джилл.

– Не жду многого от нашей встречи, – продолжал Питер, обращаясь к нам обеим. – Поскольку социальный работник так и не появился, по-видимому, приглашения не были разосланы.

Обычно за две недели до подобной встречи социальный работник рассылает приглашения всем, кто связан с ребенком. Но, поскольку у Люси не оказалось социального работника, это сделано не было.

– Кэти, полагаю, вы сможете рассказать нам все, что нам нужно знать о Люси, – сказал Питер, глядя на меня.

– Конечно, смогу. Я прекрасно знаю Люси.

Мы допили кофе. Джилл и Питер достали блокноты и ручки. Мы ждали только нового социального работника. Через пять минут прозвенел звонок. Я пошла открывать. На пороге стояла элегантная дама лет сорока.

– Кэти? Я не ошиблась адресом?

– Нет, нет. Входите.

– Извините, я опоздала, – сказала дама, чуть задыхаясь и протягивая мне руку. – Я Лили, новый социальный работник Люси.

– Рада познакомиться.

– Извините, что я не повидалась с вами до этой встречи, – извинилась Лили. – Меня назначили только вчера, и было очень много дел.

– Могу представить, – сказала я.

Я не понимала, что может сказать эта женщина, если ее назначили лишь вчера. Она ничего не знала о Люси.

– Проходите, пожалуйста, – я пригласила Лили в гостиную.

Питер и Джилл поднялись, представились, обменялись с Лили рукопожатиями. Я предложила ей кофе или чая, но она отказалась. Стоило нам устроиться на диване и креслах, как тут же появилась любопытная Тоша.

– Какая очаровательная кошка! – воскликнула Лили, что тут же прибавило ей очков в моих глазах. – Уверена, Люси ее обожает!

– Конечно! – подтвердила я.

Джилл понимающе улыбнулась.

Питер открыл нашу встречу. Мы представились, как этого требует традиция, и Питер обратился к Лили:

– Я полагаю, что приглашения не были разосланы и, кроме нас четверых, никто не придет?

– Извините, похоже, что так… – вздохнула Лили.

– Это не ваша вина, – успокоил ее Питер. – Мы разошлем документы всем, кому необходимо. А сейчас давайте начнем. Кэти, не могли бы вы рассказать нам, как дела у Люси после последней нашей встречи?

Я заглянула в свои записи и стала рассказывать. Питер постоянно делал пометки.

– У Люси все прекрасно – и дома, и в школе. Она полностью освоилась в моей семье. У нее прекрасные отношения со мной, моими детьми и родителями. Она говорит, что любит нас, и мы любим ее. В сентябре мы отметили ее день рождения. Хотя она не захотела приглашать никого из одноклассников, мы прекрасно провели время.

Я рассказала, как мы отметили день рождения Люси и какие подарки она получила.

– Прекрасно, – сказал Питер.

– Люси добилась больших успехов в учебе. В начале нового года она серьезно отставала от класса. Я общаюсь с ее новым классным руководителем, мистером Мейсом, и он очень доволен ее успехами. Я отправила в социальную службу дневник Люси с ее годовыми оценками. Она быстро нагоняет и сейчас отстает от сверстников всего на двенадцать месяцев.

– Превосходно! – воскликнул Питер. Обращаясь к Лили, он спросил: – У вас есть копия дневника Люси?

– Я не взяла его с собой. Все документы в деле. Я ознакомлюсь с ними, когда вернусь в офис.

Питер кивнул и повернулся ко мне, ожидая продолжения. Я рассказала, что Люси научилась справляться с гневом и обидой. Хотя питание ее улучшилось, но этот вопрос меня все еще беспокоит – в моменты стресса она сразу же перестает есть.

Проблемы с питанием явно имеют эмоциональную природу. Все дело в травмах прошлого, а не в желании быть стройной. Люси никогда не называла себя толстой, не торчала часами у зеркала, не вызывала рвоту после еды, как это делают те, кто страдает пищевыми расстройствами.

– Это вселяет надежду, – сказал Питер. – Значит, продолжим наблюдать за Люси, не обращаясь к врачам?

– Да, – кивнула я. – И меня это очень радует!

В заключение я рассказала, как весело мы отметили Рождество.

– Спасибо большое, – поблагодарил меня Питер. – Люси встречалась с матерью в праздники?

– Нет. Они не виделись со времени последней оценки. Но Бонни прислала Люси поздравительную открытку через социальную службу.

– О, я вспомнила, – Лили открыла портфель и принялась рыться. – Вот рождественская открытка от Бонни. Ее оставили на моем столе.

«Лучше поздно, чем никогда», – подумала я, но говорить ничего не стала. Лили не виновата в том, что открытка пришла так поздно.

– Я вскрыла конверт, чтобы убедиться, что все в порядке, – сказала Лили, протягивая открытку мне.

Социальные работники, а иногда и приемные опекуны вскрывают открытки и письма от родственников детей, чтобы убедиться, что в них не содержится ничего угрожающего или неприятного. Это может показаться вмешательством в личную жизнь, но детей, находящихся под опекой, легко угрозами принудить к молчанию или серьезно расстроить.

Я поблагодарила Лили и положила открытку на диван рядом с собой.

Питер спросил, не хочет ли Джилл что-нибудь добавить.

– Пожалуй что нет, – сказала Джилл. – Я каждый месяц бывают в доме Кэти, как того требуют правила. Я очень довольна теми успехами, каких Люси добилась под опекой Кэти. Лучше и быть не может. Жизнь Люси была очень тяжелой. Кэти и ее родные очень ей помогли.

– Спасибо. – Питер что-то записал и повернулся к Лили: – Я понимаю, что вы только что взялись за эту работу, но не могли бы вы тоже нам что-то рассказать?

– Конечно. – Лили достала из портфеля папку с бумагами. – Вчера вечером я все изучила и представляю, что происходит. К сожалению, я, наверное, не смогу ответить на все ваши вопросы. Вы должны меня простить. Утром я встречалась с начальником и

узнала, как идут поиски подходящей семьи.

Лили произвела на нас прекрасное впечатление. Она оказалась очень серьезной и ответственной.

– Расскажите нам о результатах судебного слушания. – Ручка Питера нацелилась на очередной листок блокнота.

Лили кивнула.

– Слушание прошло спокойно. Социальная служба получила ордер полной опеки над Люси. Бонни присутствовала, но говорил только ее адвокат. Она сообщила судье, что не возражает против полной опеки, потому что так девочке будет лучше, чем с ней. Бонни сказала, что хотела бы дважды в год видеться с Люси, а также иметь возможность поздравлять ее с Рождеством и днем рождения. Социальная служба не возражала. Но Бонни пожаловалась судье на то, что с момента установления временной опеки Люси пришлось много раз переезжать, а поиски постоянной семьи серьезно затянулись. Наш адвокат объяснил, что все дело в этнической принадлежности – мы пытаемся найти ей семью, соответствующую ее происхождению. Как я поняла, адвокат Бонни заявил судье, что Бонни не понимает, о чем они говорят. Люси – англичанка!

Мы с Джилл переглянулись. Питер недоуменно посмотрел на нас.

– Мать совершенно права, – сказал он. – Как долго социальная служба будет искать семью, если откажется от этнического фактора? Жаль, что здесь не присутствует никто из команды поиска.

– Мне тоже жаль, – сказала Лили. – Утром я разговаривала с ними, но они сказали, что все еще связываются с независимыми агентствами в поисках подходящей семьи.

Питер вздохнул.

– А Люси не может остаться с вами? – спросил он.

Я даже не сразу поняла, что он обращается ко мне.

Глава двадцать третья
«Она ничего для девчонки»

Ябыла так поражена, что не могла подобрать слова. Прошло несколько секунд, прежде чем я собралась с мыслями.

– Мы бы хотели оставить Люси у себя навсегда, – сказала я, – но нам не разрешили.

– Что значит не разрешили? – недоумевающе спросил Питер.

Я взглянула на Джилл, и она решила все объяснить Питеру.

– В сентябре Кэти сказала, что хочет подать прошение на долгосрочную опеку над Люси. Я была готова поддержать ее. Люси прекрасно освоилась в этой семье и добилась больших успехов. Но когда я сообщила об этом Стиви, она ответила, что не даст хода прошению Кэти, поскольку она не соответствует этническому происхождению девочки.

– Я об этом не знал, – нахмурился Питер.

– Это произошло после последней оценки, – пояснила Джилл.

– Вы знаете об этом? – спросил Питер у Лили.

– Нет.

– А ваш начальник?

– Думаю, да. Стиви должна была обсудить с ним этот вопрос.

Питер помолчал, потом откашлялся и серьезно произнес:

– Мне нужно было сообщить об этом вовремя. Нельзя ждать следующей оценки, если в деле происходят определенные сдвиги или изменения. Особенно такие важные. Мне можно было позвонить или написать по электронной почте. Если происходит что-то важное, я могу сдвигать дату следующей оценки.

Я этого не знала – думаю, об этом не знают и многие другие приемные опекуны.

– Мне жаль, что вам не сообщили, – сказала Лили, хотя она, конечно, не была в этом виновата.

– Я понимаю, что вы лишь недавно пришли на эту работу, но готовы ли вы поддержать прошение Кэти, если она все еще хочет оставить Люси под опекой?

– Я хочу! – тут же сказала я, не давая Лили возможности ответить. Сердце у меня забилось, кровь прилила к щекам. Я смотрела на Лили и ожидала ее ответа. Питер и Джилл тоже.

Лили заерзала в кресле, явно чувствуя себя некомфортно.

– Я не знаю, – сказала она наконец. – Я не знакома с делом Люси и ни разу с ней не встречалась. Мне нужно обсудить это с начальником и командой поиска семьи. Я не могу принять такое решение.

– Я все понимаю.

По виду Джилл я чувствовала, что ей не терпится что-то сказать, но она разумно решила дождаться, пока выскажется Питер. Он явно еще не закончил.

– Я тоже не могу принять такое решение, – сказал он, обращаясь главным образом к Лили. – Но у меня есть свое мнение. Я наблюдал за Люси два года и прекрасно знаком с ее делом. Я бы немедленно дал прошению Кэти ход. Я даже не понимаю, почему это не было сделано ранее. Мать Люси не просила найти ее дочери семью соответствующего этнического происхождения, и я не понимаю, почему социальная служба упорствует в своих поисках и держит девочку в состоянии неопределенности. В первую очередь ей нужен постоянный дом и любящая семья – и Кэти может ей это дать. Вернувшись в офис, вам нужно немедленно встретиться со своим начальником и всеми, кто занимался делом Люси, и обсудить возможность передачи ее под постоянную опеку Кэти.

– Да, сэр, – мгновенно ответила Лили. Питер говорил так уверенно, что «сэр» прозвучало вполне уместно. – Я сразу же встречусь со всеми.

Она сделала пометку в блокноте. Питер тоже что-то записал и обратился к нам:

– Нам нужно еще что-то обсудить?

Мы с Лили покачали головой.

– Думаю, мы уже все обсудили, – сказала Джилл.

– В таком случае назначаю следующую нашу встречу не через шесть месяцев, а через месяц, чтобы можно было держать руку на пульсе, – сказал Питер. – Кэти, вы можете рассчитывать на ответ социальной службы гораздо раньше – через пару дней. Ну уж никак не позже пятницы.

Лили согласно кивнула, сделала пометку, а я посмотрела на Джилл. Она явно была поражена стремительным развитием событий. Но в ее взгляде я чувствовала осторожность – мне не следовало обольщаться. Я впервые сталкивалась со столь активной позицией контролирующего сотрудника, как у Питера. Обычно эти люди просто фиксируют и наблюдают. Питер показался мне каким-то фантастическим героем.

Питер назначил следующую встречу на второй неделе февраля, поблагодарил нас, попрощался и ушел.

Проводив его, я вернулась в гостиную. Лили собирала свои бумаги. Она была поражена произошедшим – и неудивительно. Это стало потрясением для всех.

– Мне нужно как можно скорее увидеться с Люси, – сказала она, поднимаясь. – Могу я приехать к вам в пятницу после

занятий в школе? Я уже успею пообщаться со своим начальником.

– Конечно приезжайте, – сказала я.

– Как вы думаете, что скажет начальник? – спросила Джилл.

– Не знаю. Я об этом с ним не говорила.

– Возможно, он изменит свою точку зрения после заявления Бонни в суде и позиции надзирающего сотрудника?

– Я действительно не знаю, – смущенно ответила Лили. – Я поступлю так, как сказал Питер. Я поговорю с начальником и назначу совещание. Как только будут какие-то новости, я сразу вам позвоню.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Лили простилась, и мы с Джилл проводили ее до дверей.

– Я позвоню, – сказала она и направилась к машине.

Я закрыла входную дверь и вернулась в гостиную. Во рту у меня пересохло, мысли путались.

– Ну надо же, как все повернулось! – сказала я, падая на диван.

Джилл смотрела на меня. Она была изумлена так же, как я, но лицо ее оставалось серьезно.

– Кэти, я не хочу для вас нового разочарования. Пожалуйста, не обольщайтесь! И ничего не говорите детям. Все это может ни к чему не привести, если социальная служба все еще считает, что Люси нужно передать в другую семью.

– Я понимаю. Но все равно надеюсь…

И я надеялась. Весь день я думала только об этом – надеялась и молилась, чтобы Люси позволили остаться.

* * *

Когда Люси вернулась из школы, я рассказала ей о встрече с социальными работниками – естественно, не упоминая о возможности остаться в нашей семье. Приемный опекун должен держать ребенка в курсе событий. Люси было неинтересно, но я рассказала, кто приходил, и сказала, что все были поражены ее успехами. Я похвалила нового социального работника и передала Люси рождественскую открытку от матери.

– Она отправила открытку до Рождества, – сказала я, – но, к сожалению, социальная служба не торопилась.

Люси ничего не сказала – ни о социальной службе, ни о том, что конверт вскрыт. Думаю, что за эти годы она уже привыкла к тому, что вся ее почта вскрывается. Достав открытку из конверта, девочка просияла:

– Мистер Банни! – воскликнула она. – Спасибо, мама!

Я подвинулась ближе, чтобы увидеть открытку. Она изображала обычную зимнюю сцену, но на центральном сугробе сидел игрушечный кролик, настоящий мистер Банни.

– Как здорово! Твоя мама, наверное, долго искала такую открытку. Она хотела напомнить тебе о любимой игрушке.

Я не знала, действительно ли Бонни искала открытку или купила первую попавшуюся, но все оказалось очень удачно. Это поздравление очень обрадовало Люси. Широко улыбаясь, она открыла открытку и прочитала, что написано внутри. А потом она протянула открытку мне. Внутри было напечатано традиционное поздравление: «Веселого Рождества и счастливого Нового года!» Бонни приписала внизу: «*…тебе и мистеру Банни. Надеюсь, вы все хорошо проведете Рождество! Увидимся в новом году! С любовью, Бонни (мама) х х х*»

– Очень мило, – сказала я. – Положи открытку в надежное место.

– Я положу ее в ящик с другими открытками и своей особой книгой, – ответила Люси.

Я протянула ей открытку, и она побежала наверх прятать ее. Люси не расстроилась, что мама не прислала ей подарок и не приехала в Рождество. Она смирилась с ее поведением и не питала ложных надежд. Ей было достаточно открытки – теперь она знала, что с мамой все в порядке.

В среду и четверг мне никто не позвонил. Я знала, что Лили или Джилл позвонят, как только появятся новости. Я пыталась жить как обычно, но постоянно думала о том, что происходит в социальной службе. Я просто не могла отделаться от этих мыслей. Я прокручивала в голове, что может происходить на совещании, кто и что может сказать. Я металась от радости к отчаянию – от того, что мне позволят оставить Люси у себя, до полного отказа. К пятнице я уже считала, что готова к любым новостям.

В пятницу я отвезла Полу в школу и вернулась домой. Не успела я раздеться, как зазвонил телефон.

– Алло!

– Кэти, – когда я услышала голос Лили, ноги у меня ослабели, и мне пришлось присесть на стул рядом с телефоном. – Извините, что не позвонила вам раньше. Со вторника у нас сплошные совещания и заседания по вопросу Люси. Мне нужно встретиться с Люси после школы, но я хотела сначала поговорить с вами. Мы рассмотрели дело Люси, и, если девочка сама захочет остаться у вас, мы поддержим ваше прошение о долгосрочной опеке.

Я хотела ответить, но не могла произнести ни слова. Лили продолжала мне что-то объяснять, но я ее не слышала. Неужели это правда? Они изменили свое решение? Лили сказала, что Люси не нужно больше переезжать и она может остаться в нашей семье?

– Значит, вы поддержите мое прошение? – охрипшим голосом спросила я.

– Да. Если Люси захочет остаться – а из того, что я уже знаю, я абсолютно уверена, что так и будет. Вечером я объясню Люси, что это значит. Когда мы закончим, я позвоню Джилл. К февральской комиссии мы уже опоздали, так что рассмотрение будет в марте. Если начать сейчас, мы все успеем. – Наступила пауза. Потом Лили спросила: – Вы все молчите. Все в порядке?

– Да, да, все хорошо, – пробормотала я, борясь с подступившими слезами. – Просто мне нужно к этому привыкнуть.

– Что ж, тогда до свидания. Увидимся в половине пятого.

– Можно мне сказать Люси? – неожиданно вспомнила я.

– Да, если хотите.

– Спасибо большое! До встречи!

Я положила трубку и осталась сидеть. Иногда серьезные известия – хорошие или плохие – оказываются настолько колоссальными, что мы не можем воспринять их сразу же. Приходится воспринимать их по частям – только тогда мы понимаем, что нам только что сообщили. Именно так было с Люси. Я поговорила с Лили и теперь постепенно осознавала все, что мне сказали.

Люси может остаться с нами навсегда. Слезы облегчения и невыразимого счастья текли по щекам. Я плакала и смеялась одновременно. Тоша смотрела на меня, словно я сошла с ума.

Принявшись за обычные дела, я постоянно прокручивала в голове, что я скажу детям. Сначала я решила собрать их в гостиной и сообщить им всем. Потом я изменила решение. Нужно сообщить новости каждому отдельно – учитывая их потребности и способность понимания. Поле можно будет все сказать по дороге из школы. Мы часто обсуждали в машине важные вопросы, ведь в пути мы оставались наедине. Адриану и Люси я тоже смогу сообщить все по отдельности, когда они вернутся домой. Каждый раз, когда я представляла себе эти разговоры, слезы наворачивались на глаза. А еще нужно сообщить родителям! Я знала, что они будут рады этому не меньше меня.

Днем позвонила Джилл. Лили ей уже все сообщила.

– Поздравляю! – сказала она, как только я сняла трубку.

– Спасибо, Джилл. Я все еще поверить не могу.

– Я так рада за вас. Мы все рады!

Джилл работала в небольшом агентстве по усыновлению и опеке. Я знала, что все их сотрудники всегда рады слышать хорошие новости о своих приемных опекунах.

– Надеюсь, кто-нибудь догадался позвонить Питеру, – со смехом добавила Джилл. – Я напомню Лили в следующий раз, чтобы на нашей очередной встрече не возникло неловкости.

– Да, – улыбнулась я. – Джилл, а Лили не сказала вам, что заставило социальную службу изменить свое решение и поддержать мою просьбу?

– В общих чертах. Но, по ее словам, я поняла, что свою роль сыграло многое – и позиция Бонни в суде, и слова надзирающего сотрудника, и смена социального работника. Лили всей душой поддерживала вас и вашу просьбу. У нее не было таких предубеждений, как у Стиви.

– Слава богу, – вздохнула я. – Но ведь многие другие дети находятся в том же положении, что и Люси! И им приходится годами ждать семьи «подходящего» этнического происхождения.

– Да, таких детей слишком много, – печально ответила Джилл. – Положение меняется, но очень медленно. Нам нужно пройти еще долгий путь. Конечно, этническое происхождение важно, но для ребенка гораздо важнее любящая семья. Слава богу, что ожидание Люси закончилось. Она нашла свою семью. Я подготовлю все необходимые документы и приеду. И еще одно, Кэти…

– Да?

– Очень важно, чтобы сегодня Люси встретилась с Лили. Люси не должна прятаться в своей комнате. Лили должна услышать от нее самой, что она хочет остаться.

– Я понимаю.

– Что ж, полагаю, желать счастливых выходных бессмысленно. Вы уже счастливы. Я позвоню, как только документы будут готовы.

– Спасибо, Джилл. Спасибо за все.

– Всегда рада. Я очень счастлива за вас всех.

Днем я стояла на игровой площадке с другими родителями и куталась в куртку – день выдался очень холодным. Мы ждали конца уроков. Мне не терпелось сообщить Поле радостную новость. Как только прозвенел звонок, я бросилась к дверям, чтобы первой увидеть Полу. Заметив меня, она заулыбалась и побежала ко мне.

– Привет, солнышко, – сказала я, целуя ее. – Хорошо провела день?

– На обед нам давали рыбные палочки, пюре и печеную

фасоль, – сообщила она. – Самое мое любимое!

– Отлично. А ты не забыла поменять книгу для чтения?

– Не забыла! И нам задали уроки по английскому и математике! – Пола скорчила рожицу. – Это так трудно!

– Не волнуйся, в выходные я тебе помогу, – сказала я, помогая ей застегнуть верхнюю пуговку на пальто.

Пола протянула мне свою ручку в перчатке, попрощалась с подружками, и мы направились к машине. Мне хотелось побыстрее остаться с дочкой наедине, чтобы никто не услышал наших радостных новостей. В понедельник она расскажет подружкам, но пока что это только наше личное дело. Когда мы вышли из школьного двора и остались вдвоем, я сжала ее руку и сказала:

– Пола, помнишь, ты говорила мне, что хотела бы, чтобы Люси всегда жила с нами и была тебе как сестра?

– Да, – кивнула девочка. – Она мне как сестра, и я хотела бы, чтобы она осталась с нами!

– Так вот, дорогая, у меня есть хорошие новости. Сегодня мне звонил новый социальный работник Люси. Социальная служба решила, что Люси может остаться с нами, если захочет этого.

– Она обязательно захочет! – закричала Пола. Потом ей показалось, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, и она подозрительно спросила: – Правда? Ты уверена?

– Абсолютно, – улыбнулась я. – Люси может остаться и навсегда стать членом нашей семьи.

– И-и-и-и-их! – закричала Пола, подпрыгивая на месте. – Я так рада! Я люблю Люси! Я люблю тебя и Адриана! Я люблю всю нашу семью!

У меня снова слезы навернулись на глаза. Я не сразу смогла что-то сказать.

– Я тоже тебя люблю… очень-очень…

Пока мы ехали домой, я напомнила Поле, что вечером приедет социальный работник Люси, и им нужно будет поговорить наедине.

– Я понимаю, – очень по-взрослому сказала Пола. – А когда Люси будет жить с нами, ей все равно нужно будет встречаться с социальными работниками? И проходить все эти оценки, когда ты целыми часами убираешься и достаешь наши лучшие чашки?

Я улыбнулась.

– Да, но теперь все это будет происходить гораздо реже. Но Люси все равно придется регулярно встречаться с социальным работником.

Даже под постоянной опекой Люси технически все равно

оставалась на попечении социальной службы.

Дома Пола осталась в гостиной и уселась у окна, чтобы сразу же увидеть Люси, когда она вернется из школы. Но я сказала, чтобы она вела себя, как обычно. Мне нужно самой поговорить с Люси – наедине.

Пола спокойно согласилась. Но, не в силах сдержать возбуждения, она убежала играть.

Я пошла на кухню готовить ужин, чтобы все было готово к возвращению Люси. Я услышала, как вернулся Адриан.

– Я дома, мам! – как всегда, крикнул он прямо от дверей.

– Привет, дорогой! Я на кухне.

Адриан, как всегда, бросил сумку в коридоре, разделся и пришел на кухню что-нибудь перехватить до ужина.

– Хорошо провел день?

– Да, спасибо. А что у нас на ужин?

Он проверил все кастрюли и начал рыться в холодильнике.

– Адриан, мне нужно сказать тебе что-то важное…

Мальчик оторвался от холодильника и посмотрел на меня.

– И что?

– Ты же хорошо ладишь с Люси, верно? И мне кажется, ты был бы рад, если бы она осталась с нами?

И я сразу же поняла, что сформулировала вопрос неправильно. А вдруг он скажет «нет»?

К моему огромному облегчению, Адриан ответил:

– Ну конечно же! Она нормальная для девчонки. Я буду скучать, когда она уедет.

– Я так и думала! И это хорошо, потому что социальная служба позволит Люси остаться с нами, если она захочет.

– Конечно, она захочет! Ей нравится у нас – она мне сама говорила.

– А ты, Адриан? Ты будешь рад, если она останется? Это серьезное решение для всех нас…

– Конечно, – пробормотал Адриан, запихивая в рот бутерброд с толстым куском сыра. – Я буду рад, если она останется. Но две сестры! – Он скорчил рожицу. – Как ты могла, мам?!

– И один замечательный сын, – засмеялась я, целуя его в щеку. – Я люблю тебя!

– А я тебя еще сильнее!

Теперь оставалось только сообщить новость Люси.

Глава двадцать четвертая
Особый день

Услышав звонок, я тут же бросилась в коридор открывать дверь. Я еще не давала Люси ключа от дома, но ей уже двенадцать лет, и она будет жить с нами всегда. Теперь я обязательно дам ей ключ! Пола играла в гостиной. Адриан ушел к себе. Открывая дверь, я чуть не пританцовывала на месте от возбуждения и нервозности.

– Привет, дорогая, – сказала я. – Как ты?

Люси, как обычно, подставила щеку для поцелуя.

– Я не буду встречаться с социальным работником, – заявила она прямо от дверей. – Я помню, вы говорили, что она милая, но я не буду с ней встречаться. Извините, но я пойду к себе.

Люси разулась, повесила пальто на вешалку и пошла к лестнице.

– Люси, подожди! – окликнула ее я. – Мне нужно тебе что-то сказать. Ты должна встретиться с социальным работником. У нее для тебя хорошие новости.

– Сомневаюсь, – мрачно ответила Люси, продолжая подниматься. – Вы расскажете мне все, что мне нужно знать.

– Ей нужно поговорить с тобой! – крикнула я. Я совсем не так себе это представляла, но она *должна* встретиться с Лили! – Они позволяют тебе остаться!

– Я знаю, ты мне говорила… Пока они не найдут мне другую семью.

– Нет! Навсегда!

Люси замерла на верхней ступеньке, потом медленно повернулась ко мне.

– Навсегда?! Правда навсегда?!

Я подошла к ней и взяла ее за руку.

– Люси, твой новый социальный работник сегодня мне звонил. Она сказала, что, если ты хочешь навсегда остаться с нами, социальная служба поддержит мою просьбу. И тебе больше никогда не нужно будет переезжать. Мы станем твоей семьей!

Люси смотрела на меня с изумлением. Я понимала, что она чувствует. Все произошло так быстро. Это стало настоящим потрясением после целого года уверенности в том, что придется уезжать.

– Почему? – спросила она, нахмурившись. – Я не понимаю!

– Потому что я просила, чтобы тебя оставили, дорогая. Я знала, что ты хочешь остаться с нами. Мы любим тебя. Ты же

хочешь остаться, правда?

Люси механически кивнула, все еще не в силах осознать произошедшее.

– Пойдем в твою комнату, и я тебе все объясню, – сказала я.

Мы вошли в ее комнату и сели рядышком на кровать. Мы часто садились так, когда нужно было поговорить. Я взяла девочку за руку и пожала ее. Люси смотрела на меня так растерянно, что я сразу вспомнила первый день, когда она только появилась в нашем доме, смущенная и страшно напуганная.

– Люси, я уже давно поняла, что тебе хорошо с нами, что ты любишь нас так же, как мы тебя. Ты не раз спрашивала, можно ли тебе остаться, но мне приходилось отвечать, что Стиви ищет тебе постоянную семью – подходящую в этническом отношении.

Люси нахмурилась.

– Знаю, знаю, дорогая… Я думала так же, как ты. Я считала, что ты должна остаться. Ты здесь счастлива, мы стали твоей семьей. Когда мы вернулись из отпуска, я спросила у Джилл, можно ли мне подать прошение, и она одобрила. Но сказала, чтобы я ничего не говорила ни тебе, ни Адриану, ни Поле, пока она не поговорит со Стиви. Она не хотела вас расстраивать. И это было правильно, потому что Стиви упрямо искала тебе другую семью…

Люси еще больше нахмурилась.

– Но потом кое-что произошло, и социальная служба изменила решение. Твоя мама сказала в суде, что ей не нравится, что тебе приходится постоянно переезжать. Ей не нравилось, что социальная служба так долго ищет тебе семью. А потом у тебя сменился социальный работник. И Лили с радостью одобрила мою просьбу. Она все расскажет тебе, когда приедет. Ей обязательно нужно поговорить с тобой лично. Она будет спрашивать, хочешь ли ты остаться.

– Конечно, хочу! – воскликнула Люси. – Господи, я остаюсь! Я обязательно встречусь с ней! Я ей все скажу! Все-все!

Испуганное, хмурое выражение сменилось широкой улыбкой от уха до уха.

– Это правда? Я не верю! Я так рада! – Потом она снова нахмурилась: – Но они не передумают? Я не вынесу, если они передумают!

– Нет. Хотя решение должна одобрить комиссия, тебе не нужно волноваться.

– Кэти! – зарыдала Люси, окончательно поняв, что остается навсегда. – Я больше не боюсь! Спасибо тебе! Я так вас всех люблю!

Люси крепко вцепилась в меня и прижалась к моей груди. Я

осторожно гладила девочку по голове.

– Теперь я буду нормальной, – твердила она. – Как все другие дети в школе! Я смогу приглашать друзей домой – ведь у меня теперь есть своя семья!

Порой самые простые слова открывают тебе глаза на то, чего ты раньше не сознавал. Услышав, что сказала Люси, я поняла, как сильно она мечтала о том, что большинство детей воспринимают как должное. Она мечтала иметь семью! Слезы снова навернулись на глаза.

– Ты сможешь пригласить друзей, как только захочешь, – сказала я, справившись с комком в горле.

Больше поговорить мы не успели. Раздался звонок.

– Это, наверное, Лили, – сказала я. – Пойдем со мной, встретим ее вместе.

Люси вытерла глаза, поднялась, взяла меня за руку, и мы вместе вышли на лестницу. Она больше не твердила, что не будет встречаться с социальными работниками. Из гостиной выскочила Пола и побежала к дверям вместе с нами.

– Ты рада? – спросила она. – Я – очень!

– Я тоже! – с улыбкой ответила Люси.

Я открыла дверь. Рядом со мной стояли Люси и Пола.

– Прямо торжественная встреча! – засмеялась Лили.

– Это Люси, а это Пола, – представила я девочек, ведь Лили раньше их не видела.

– Здравствуйте, дамы, – сказала она, пожимая им руки. – Как ваши дела?

Пола захихикала, а Люси серьезно ответила:

– Хорошо, спасибо.

Входя, Лили понимающе улыбнулась мне. Я повесила ее пальто на вешалку, и мы прошли в гостиную. Адриан все еще сидел у себя, и я решила не отрывать его от занятий. Я потом расскажу все, что сказала Лили.

– По вашим счастливым лицам я понимаю, что вы уже сообщили детям радостные новости?

– Да, я все рассказала. Вы хотите поговорить с Люси наедине?

– Да, думаю, так будет правильно. А потом мы с вами побеседуем.

Мы с Полой вышли из гостиной, а Лили и Люси устроились на диване. Примерно через полчаса Люси, спокойная и улыбающаяся, вышла к нам.

– Вы можете войти, – сказала она. – Лили нужно было убедиться, что я все понимаю. И она спросила меня, хочу ли я остаться. А я сказала: «Да, да, да!!!»

Люси подхватила Полу, крепко обняла ее и закружилась по

комнате. Пола громко хохотала.

– Я объяснила Люси, что означает долгосрочная опека, – сказала мне Лили. – И она дала нам «добро»! Я объяснила, что она по-прежнему остается под опекой и я буду навещать ее, чтобы убедиться, что все в порядке.

– Теперь я не против, – сказала Люси. – Лили мне понравилась.

Пола удивленно посмотрела на Люси. Она никак не ожидала такой резкой смены отношения к социальным работникам – ведь раньше Люси категорически отказывалась с ними встречаться. Я понимала, почему Люси изменила отношение. Теперь над ней больше не висела угроза нового переезда, и социальный работник из врага превратился в союзника.

– Я поговорила с Бонни, – продолжала Лили, обращаясь ко мне. – Она рада, что Люси останется у вас. Вы знаете, что она хотела бы пару раз в год встречаться с дочерью. Она видела ее больше полугода назад. Сейчас она в городе, и я постараюсь организовать встречу на следующей неделе. Наверное, в среду. Вы сможете забрать Люси из школы и привезти ее в центр?

– Конечно!

– Бонни просила у меня ваш телефон, чтобы она могла иногда звонить Люси – в день рождения и Рождество. Но сначала мне нужно было получить ваше разрешение.

– Конечно, я не против. Хорошо, если Люси сможет общаться с матерью.

Когда возникают проблемы безопасности, социальная служба не дает родителям контактов приемных опекунов. Но в нашем случае ничего подобного не было.

– Что ж, думаю, это все, – сказала Лили, заканчивая делать заметки. – У вас есть какие-то вопросы?

– Ничего не могу придумать, – ответила я и посмотрела на Люси. Она покачала головой.

– Ну, если придумаете, звоните, – сказала Лили, собрала вещи и поднялась. – Оставляю вас с вашим ужином – пахнет восхитительно!

– Это запеканка. – Пола наконец набралась смелости, чтобы что-то сказать.

– Мммм… Моя любимая! – сказала Лили.

– Оставайтесь, поужинайте с нами, – предложила я. – Я приготовила на всех.

– Спасибо, но мне нужно идти. Еще раз спасибо.

Мы поднялись. И вдруг, к изумлению Лили, Люси подошла к ней и обняла ее.

– Вы позволили мне остаться, – сказала она. – И начальника

своего поблагодарите. Я так рада!

Я поняла, что Лили объяснила роль начальника в принятии этого решения.

– Я очень рада за тебя, – сказала Лили. – В такие моменты я понимаю, почему решила стать социальным работником.

Она поцеловала Люси, и мы проводили ее к выходу.

Когда Лили уехала, Пола побежала наверх звать Адриана к ужину, а Люси помогла мне накрыть на стол. За ужином Люси ела очень хорошо. Потом я позвонила родителям и сообщила им новости. Они были страшно рады.

– Ты будешь брать других детей? – спросила мама. – Теперь, когда Люси остается…

– Конечно, мама. У нас есть комната, и дети отлично ладили с теми, кто оставался с нами на время.

– Только не перестарайся, – предостерегла меня мама. Она всегда так делала.

– Не волнуйся. Адриан, Люси и Пола мне помогают. Без них я не справилась бы…

И это было справедливо. Опекунство – это семейное дело.

В тот вечер мы засиделись дольше, чем обычно. В честь маленького праздника мы сделали себе попкорн в микроволновке, открыли лимонад и уселись смотреть DVD. В марте, когда окончательное решение будет принято, устроим настоящее торжество. А пока нужно как-то отметить день, когда жизни наши изменились навсегда. Впрочем, по сути ничего не изменилось – ведь Люси уже давно стала частью моей семьи.

Вечером исполнилось второе желание Люси – пошел снег. Мы проснулись в субботу и увидели, что вокруг нас возникла зимняя сказка – как год назад. Придумывать развлечения для детей на выходные не пришлось – все было готово. Мы все утро лепили снеговика и играли в снежки, а днем взяли санки и отправились в соседний парк, где была отличная горка. Зимой там всегда было полно народу. Мы встретили множество друзей и соседей. И дети, и взрослые катались с горки на всем, что подвернулось им под руку, даже на чайных подносах. Мы по очереди катались на двух санках, карабкались на вершину и скатывались по блестящему склону. Нам было очень весело. Мы не замечали холода. Домой мы отправились уже под вечер, когда сильно похолодало и солнце стало клониться к закату, окрашивая белый снег в волшебный розовый цвет.

Понедельник был обычным учебным днем. В школе Пола рассказала всем своим подружкам, что Люси остается и у нее теперь есть сестра. Я не знала, рассказал ли об этом Адриан – он

был очень замкнутым мальчиком и редко делился новостями. Когда Люси вернулась домой, оказалось, что у нее все же есть подруга.

– Можно моя подружка Жозетта придет в пятницу на чай? – спросила она.

– Конечно, дорогая, – с радостью согласилась я.

– И еще, Кэти, в среду я встречаюсь с мамой. Скоро у нее день рождения. Мне хочется сделать ей подарок, но я не успею съездить в город. Ты не могла бы купить мне открытку и подарок для нее?

– Разумеется. Завтра я все сделаю. И нужно будет отметить эту дату в календаре на следующий год.

– Только не покупай ей эти дурацкие открытки, – серьезно добавила Люси, – где написано, какая она замечательная мать. Она знает, что у нее ничего не вышло. Ты стала для меня лучшей матерью, чем она.

Я не нашла в себе сил сказать ей, что не нужно плохо говорить о матери. Я была глубоко тронута тем, что Люси прекрасно понимает, что за человек ее мать, но все же заботится о ней.

– Я найду что-нибудь подходящее, – пообещала я.

На следующий день я отвезла Полу в школу и поехала покупать подарок. После долгих размышлений я выбрала подходящую открытку и подарок: серебряную рамку для фотографий, куда можно будет вставить фотографию Люси, коробку конфет и туалетный набор. Еще я заказала запасные ключи – я вручу их Люси, когда она вернется.

– А когда у меня будут свои ключи? – возмутилась Пола, уперев руки в бока.

– Когда ты перейдешь в среднюю школу, – ответила я. – Адриан получил ключи именно тогда.

– А если я приду домой раньше тебя? Что мне делать?

– Пола, тебе десять лет. Я забираю тебя из школы. Ты никогда не приходишь домой одна.

– Что ж, придется смириться, – театрально сказала она и пошла прочь, по-прежнему, уперев руки в бока.

Младшие дети всегда взрослеют быстрее, чем старшие.

Я показала Люси подарки и открытку. Ей все очень понравилось.

– Хорошая открытка, – похвалила мой выбор она, и я вздохнула с облегчением.

На открытке было написано «Особенной…», а внутри был небольшой стишок, заканчивавшийся словами: «…и хотя мы не

можем быть вместе, я буду думать о тебе в твой особый день. С днем рождения!» Я не знала, что написала Люси. Она забрала открытку в свою комнату, и я не стала спрашивать. Это сугубо личное дело – только для нее и ее матери.

На следующий день позвонила Джилл и сказала, что нам нужно встретиться. Она подготовила документы, которые мне нужно было прочитать и подписать. Их прикладывают к прошению о постоянной опеке.

– Как быстро, – удивилась я, зная, сколько документов нужно заполнить.

– Я начала все готовить еще в сентябре, – сказала Джилл. – Но когда ваше прошение отклонили, я отложила их. Я заполнила все от агентства, а теперь вам нужно заполнить свою часть.

Мы договорились, что Джилл приедет в четверг, в половине одиннадцатого.

В среду, когда Люси должна была встретиться с матерью, я договорилась, что Пола после школы поедет к подружке. Мне не хотелось, чтобы она целый час сидела в холодной машине. Адриан справится и сам. Так что спешить мне было некуда. Я приехала за Люси вовремя. Подарки и открытка лежали в подарочном пакете на заднем сиденье. Я поставила машину на школьной парковке и стала ждать Люси. В машине играло радио. Встреча с Бонни меня не беспокоила. Мне было жаль, что жизнь оказалась так сурова к ней и ей пришлось расстаться с дочерью. Я думала, что эта женщина все же заботилась о дочери – она сумела отстоять ее интересы в суде. Зная, что мать согласилась передать ее в семью, где ей будет лучше, Люси сможет окончательно освоиться в нашей семье.

Люси выбежала из школы одной из первых. Она увидела мою машину, подбежала и запрыгнула на пассажирское сиденье, целуя меня в щеку.

– Привет, солнышко, – сказала я. – Хорошо провела день?

– Да! – ответила она, застегивая ремень безопасности. – Мама Жозетты сказала, что Жозетта может прийти ко мне на чай, но ей нужен наш адрес и телефон. Я все написала и отдала записку Жозетте. Это нормально?

– Конечно, ты правильно поступила. Родители должны знать, где находятся их дети, сколько бы лет детям ни было. Я бы поступила точно так же.

– Жозетта спросила, можно ли мне прийти к ней в следующую пятницу, – Люси была в полном восторге. – Можно? Я дам тебе ее адрес.

– Ну конечно же!

– И ее мама поблагодарила тебя за то, что ты предложила отвезти Жозетту домой.

– Я очень рада, – сказала я. – Она хорошая девочка. И семья ее мне нравится.

– Да, они классные…

Люси болтала всю дорогу – о Жозетте и о другой девочке, с которой она подружилась. В центр мы приехали за десять минут до назначенного времени. Я поставила машину. Мы вышли. Люси несла подарочный пакет. В центре мы назвали свои имена и расписались в книге. Секретарша сказала, что Бонни уже приехала и находится в Красной комнате.

– Идите прямо туда, – сказала она. – Наша сотрудница сейчас подойдет.

Когда все формальности были закончены и стало ясно, что девочке ничто не угрожает, присутствие сотрудника центра стало необязательно. Его задача заключалась лишь в том, чтобы наблюдать за происходящим. Вполне возможно, что в будущем встречи будут проходить вне центра и без присутствия сотрудника. И со временем общение Люси с матерью станет более свободным и естественным. Дверь в Красную комнату была открыта, и мы с Люси вошли. Бонни сидела на диване и листала журнал. Когда мы вошли, она отложила журнал и поднялась.

– Привет, – сказала она Люси, делая несколько шагов вперед.

– Привет, – ответила Люси.

Она подошла к матери и поцеловала ее в щеку. Я заметила, что Бонни удивилась и даже отпрянула. Она не поцеловала и не обняла дочь, но я этого и не ожидала.

– Здравствуйте, Бонни, – поздоровалась я. – Рада снова вас видеть.

– Я тоже, – тихо ответила она и улыбнулась.

– С днем рождения! – воскликнула Люси, протягивая матери пакет.

– Это мне? – Бонни была искренне удивлена. – Откуда ты знаешь про мой день рождения?

– Я подумала, что он где-то близко, но точный день я не знала.

– Завтра… Спасибо тебе большое! Как мило, что ты помнишь…

Сердце мое разрывалось при виде того, как она обрадовалась. Я подумала, что ей, наверное, никто не дарил ни подарков, ни открыток. Глядя на Бонни, я заметила, что, хотя мы виделись всего полгода назад, она заметно постарела. Она явно похудела и была очень бледной. На ней снова были модные джинсы и

красивый топ. И она даже немного подкрасилась. Но я почувствовала в ней какую-то отстраненность. У нее был отсутствующий взгляд. Я вспомнила, что в документах упоминались антидепрессанты – возможно, она и сейчас их принимает, чтобы справиться с чувствами. Тут пришла сотрудница центра, представилась и села за стол.

– Я пойду, – сказала я.

– Вы можете остаться, если хотите, – предложила Бонни.

Сотрудница центра была изумлена не меньше меня. Обычно родители не могут дождаться, когда приемный опекун уйдет.

– Нет, это только ваше время – вас и вашей дочери, – сказала я. – Я вернусь через час.

– Открой подарки, мама, – предложила Люси, садясь рядом с ней.

– Конечно, – ответила Бонни. – Сейчас… Сначала я прочитаю открытку, а потом открою подарки. Ой, тут целых три подарка!

Она вела себя, как маленький наивный ребенок. Это было очень трогательно. Выходя, я думала, что эта мать нуждается в опеке не меньше, чем ее ребенок. Как бы мне хотелось взять Бонни домой и позаботиться и о ней тоже!

Глава двадцать пятая
Гроза

Пока Люси общалась с матерью, я немного прогулялась. Но день выдался таким холодным, что мне пришлось вернуться в центр. Я устроилась в зале ожидания и стала листать оставленные кем-то старые журналы. Мысли мои постоянно возвращались к Бонни и Люси, к тому, что происходит в Красной комнате. С момента их последней встречи столько произошло. Интересно, расскажет ли Бонни о суде и о том, почему Люси осталась со мной. Я чувствовала, что мне нужно что-то ей сказать, заверить, что Люси будет хорошо с нами, подтвердить свою ответственность за будущее девочки. Я решила подождать, что скажет Бонни, и уж потом говорить что-то самой.

Время встречи подходило к концу. Я поднялась и направилась в Красную комнату. Постучавшись, я вошла. В комнате было очень тихо – точно так же, как в прошлый раз. Бонни и Люси сидели на диване – близко, но не касаясь друг друга. Я улыбнулась. Сотрудница центра сказала:

– Пора собираться.

Люси достаточно было положить лишь колоду карт, которую она держала в руках. Больше никаких игр и игрушек я не заметила.

Люси поднялась и отнесла карты в шкаф.

– Во что вы играли? – спросила я, нарушая молчание.

– В «дурака», – ответила Люси.

– Это единственная игра, которую я знаю, – со смущенной улыбкой пояснила Бонни.

– Это веселая игра, – улыбнулась я. – Мы часто играем в нее дома.

Вообще-то это игра для маленьких детей, и играли мы в нее лишь тогда, когда под опекой оказывались малыши.

Снова наступила тишина. Люси подошла к дивану, взяла свое пальто с ручки кресла. Бонни поднялась и взяла свою куртку.

– Спасибо за подарки, – сказала она мне.

– Пожалуйста. Социальный работник дал вам мой телефон?

– Да, спасибо. Будет приятно иногда поболтать с Люси. Но не волнуйтесь, я не буду назойливой. Я не стану постоянно названивать.

– Звоните, когда захотите, – ответила я. Сердце мое разрывалось от боли.

Я знала, что испытываю судьбу – Бонни действительно может

названивать постоянно, и это будет беспокоить Люси. Впрочем, по тому, что я знала о Бонни, мне казалось, что этого не произойдет.

– Я позабочусь о Люси, – добавила я.

– Я знаю, – кивнула Бонни. – Люси рассказала мне, как ей хорошо с вами. Мне никогда не отблагодарить вас за то, что вы для нее сделали. Она так часто переезжала. И не все были к ней так добры, как вы.

Комок подкатил к горлу. Спокойствие Бонни, полное отсутствие обиды за то, что я отобрала у нее дочь, были удивительны. Мне захотелось обнять ее. Но я не сделала этого, потому что понимала – ей это может не понравиться.

– Не нужно меня благодарить. Мы все очень рады, что Люси может остаться. Может быть, когда-нибудь вы сможете познакомиться с Адрианом и Полой.

– Да, я хотела бы… Спасибо.

Она повернулась к Люси:

– Что ж, до свидания, дорогая. Береги себя и будь хорошей девочкой.

– До свидания, – ответила Люси.

В этом холодном прощании было нечто очень грустное и немного странное. Ведь дома Люси постоянно обнималась со всеми. Я не стала протягивать Бонни руку, сомневаясь, что она ее примет, и просто сказала:

– Берегите себя, Бонни. Звоните, когда захотите.

– Обязательно, – со слабой улыбкой ответила она.

Я чувствовала, что упустила возможность сказать ей что-то важное, но не могла придумать. Все казалось мне тривиальным и слишком покровительственным. Бонни взяла пакет с подарками и села на диван, ожидая, когда мы уйдем.

– Пока, мама! – крикнула Люси, выходя из комнаты.

– Пока, дорогая, – ответила Бонни.

Когда мы выходили, я повернулась и улыбнулась Бонни в последний раз. Она сидела на диване, прижимая пакет с подарками к груди, как самую большую свою ценность. Пожалуй, так оно и было. Она напомнила мне детей беженцев, которых я видела на фотографиях. Все их имущество сложено в сумке, и они прижимают сумку к груди, чтобы ее никто не отобрал.

Люси взяла меня под руку, и мы вышли из центра. То, что она простилась с матерью без эмоциональных сцен, было для меня облегчением. Обычно ребенку требуется несколько дней, а то и недель, чтобы оправиться от эмоционального расставания. Я надеялась, что у Бонни есть друзья, которые смогут ее поддержать. Она показалась мне такой одинокой и несчастной – а ведь всем нам нужен хотя бы кто-то, кому мы можем выплакаться.

На следующее утро приехала Джилл. Она спросила, как прошла встреча. Я все рассказала и поделилась своей тревогой за Бонни.

– Социальная служба предложит ей психологическую помощь? – спросила я, зная, что некоторым родителям, дети которых оказываются под длительной опекой, это необходимо.

– Лили наверняка ей предложила. Хотя, зная образ жизни Бонни, она вряд ли останется на одном месте достаточно долго, чтобы пройти курс психологической поддержки. – И я была согласна с Джилл. Она сменила тему: – Бонни подарила Люси подарок на день рождения? Она писала об этом в открытке…

– Нет, но Люси и не ждала. Так что разочарований не было.

– Как всегда, – сухо заметила Джилл. – Но лучше не давать обещаний, если не можешь их сдержать.

– Не думаю, что у Бонни есть деньги на подарки.

– Наверное. Мне тоже так кажется.

Из большого портфеля Джилл достала пачку документов.

– Это ваше обращение в комиссию, – пояснила она. – Вы уже являетесь опекуном Люси, и мы можем ускорить процесс. Если бы она не находилась в вашей семье, то задача была бы более сложной и продолжительной. Не волнуйтесь, я вам во всем помогу.

Я подвинулась ближе, чтобы видеть бумаги, и Джилл раскрыла папку.

– Сначала основы – базовая информация, я взяла это из наших документов. Я все проверила, тут все в порядке.

Я кивнула, скользя взглядом по страницам.

– Теперь ваша опекунская история. Все, чему вы научились, присматривая за детьми. Об этом говорится в материалах вашей последней оценки – вы это читали и подписывали. – Я кивнула и перелистнула несколько страниц. – А дальше информация о вашей семье и отметка о том, что вы все осознаете последствия принятого решения о долгосрочной опеке. Здесь ваши мотивы, по которым вы решили оставить Люси. Здесь написано, как вы опекали Люси и помогали ей. И это заслуживает восхищения, – добавила Джилл.

Она подождала, пока я закончу читать, и перевернула страницу.

– Здесь мнение ваших детей о долгосрочной опеке над Люси – абсолютно позитивное. Я записала это после встречи с вами и Лили.

– Спасибо большое!

– Следующий вопрос стандартный, так что не принимайте это

на свой счет, – сказала Джилл.

Я прочитала: «Понимают ли опекун и его родственники влияние расизма? Что они готовы сделать, чтобы поддержать этническую идентичность ребенка?» Я прочла ответ Джилл и кивнула:

– Спасибо.

– Я почти уверена, что этот вопрос вам зададут и на комиссии, так что подготовьтесь.

– Обязательно.

– Ваши рекомендации, – Джилл показала мне еще несколько страниц. – Все исключительно позитивные. Я включила документы из полиции и от врача. И вот копия последней вашей оценки, с которой вы уже знакомы. – Копия занимала двенадцать страниц.

– А это мое заключение и моя рекомендация комиссии удовлетворить ваше прошение о долгосрочной опеке над Люси.

Джил ждала, пока я дочитаю.

– Вы очень добры, – пробормотала я.

– Вы это заслужили. Если вас все устраивает, подпишите здесь, и я отправлю документы на мартовскую комиссию.

Я взяла ручку, подписала документы и вернула папку Джилл. Она рассказала мне, к чему готовиться, а потом прочла и подписала мои заметки о Люси.

– Вы знаете, что вам придется вести эти заметки и после принятия решения?

– Да, я знаю.

– Что ж, если это все, я поехала. Увидимся на следующей неделе. Спросите у Люси, может быть, она захочет присутствовать на встрече. Теперь она к этому относится по-другому.

– Обязательно спрошу.

Когда Люси вернулась из школы, я рассказала ей о том, что приезжала Джилл, и объяснила причину ее приезда. Я спросила, не хочет ли она присутствовать на встрече с социальными работниками, но она снова отказалась.

– Может быть, в следующий раз. Я не хочу пропускать уроки.

И это было вполне разумно.

– Может быть, предложить собраться во время каникул? – предложила я. – Тогда тебе не придется пропускать занятия.

– Хорошо, – покладисто ответила Люси и отправилась слушать музыку. Гораздо более интересное занятие, чем обсуждение встречи с социальными работниками.

Вечером я поднялась пожелать Люси доброй ночи. Она

сидела на кровати. Рядом на подушке устроился мистер Банни. Руки девочки были скрыты одеялом. Она явно что-то спрятала, услышав мои шаги.

– Все хорошо? – спросила я.

– Да, но я хочу вам что-то показать, – ответила она. – Это секрет, и я никому еще этого не показывала.

Я присела на постель. Я была удивлена и польщена ее доверием. Я думала, что хорошо знаю Люси. Мне казалось, что она от меня ничего не скрывает. Люси стала гораздо свободнее делиться со мной своими тревогами и чаще рассказывала о прошлом.

– Вот это, – сказала она, доставая из-под одеяла книгу. – Вы, наверное, называете ее «Историей жизни», а я – своим дневником.

– Да, да, – с облегчением вздохнула я. – Все правильно. Я помню, как мы зажмуривались, когда ты распаковывала свои вещи.

Люси улыбнулась.

– А теперь я хочу вам это показать. И вы можете кое-что прочесть. Но я покажу вам, что читать можно, а что нельзя.

– Спасибо, дорогая.

То, что Люси решила поделиться со мной своим дневником, было не просто трогательно, но и очень важно. Она была готова раскрыть мне свое прошлое. И хотя давно пора было спать, я знала, что нужно уделить ей ровно столько времени, сколько нужно.

– Это моя фотография, – сказала Люси, поворачивая книгу так, чтобы мне было видно. – Мне три года.

– Какое красивое платье! – похвалила я.

– Это мое праздничное платье, – с гордостью сказала Люси. – Знаете, откуда я знаю, что мне здесь три года?

– Нет.

– Внутри есть другие фотографии. Я надела свое лучшее платье, потому что это мой третий день рождения.

Люси открыла книгу и показала мне разворот с фотографиями в том же платье. Наверху было аккуратно написано: «Третий день рождения Люси».

– У меня был настоящий праздник, – с удовольствием вспоминала Люси. – Вот мой торт, а вот подарки! Я помню, как разворачивала их, а потом мы играли. Эта тетя – мой опекун. Ее звали Энни. Она надписала имена всех, кто есть на фотографиях. Мама тоже там была.

Я посмотрела на фотографии. Бонни сидела на диване и наблюдала, как Люси разворачивает подарки. Она была такой молодой, и волосы другого цвета – я бы не сразу ее узнала.

– Это был такой хороший день, – вздохнула Люси. – Мне было хорошо у Энни. А вот я в саду, – сказала она, переворачивая страницу. – А это Рождество.

– Наверное, Энни и начала эту книгу для тебя? – улыбнулась я.

– Да. Социальный работник сказал, что это сделала она. Она попросила у мамы мои детские фотографии, но их просто не было.

– Я спрошу у Лили. Очень важно, чтобы у тебя были детские фотографии. Наверняка у Бонни они есть.

– Спасибо. А здесь мы с Энни и ее семьей. Нам было страшно интересно. Вот я на ферме с кроликом, а вот на качелях в парке. Я этого не помню, но, наверное, мне все нравилось. Я ведь улыбаюсь. Я выгляжу счастливой, правда?

– Очень счастливой, дорогая.

Люси перевернула страницу, и фотографии, сделанные Энни, кончились. Люси посерьезнела.

– Думаю, тогда меня забрала мама, потому что это Дейв. – Она указала на маленькую паспортную фотографию. – Я хотела ее разорвать, но сохранила, чтобы запомнить его на случай, если когда-нибудь встречу. Он очень плохо ко мне относился. Он такой страшный, правда?

– Да, – согласилась я.

Бритая голова, серьга в ухе, шрам над бровью, холодные серые глаза – настоящий вор и бандит. Интересно, что Бонни в нем нашла? И как она могла доверить свою дочь такому человеку?

– Это он с мамой, – сказала Люси, указывая на другую фотографию.

Бонни с Дейвом сфотографировались в автомате. Они прижались друг к другу и вытянули губы, словно для поцелуя.

– Кто дал тебе эти фотографии?

– Мама. Мне кажется, она гордилась Дейвом.

Я промолчала. Люси перевернула страницу.

– А вот снова я, – посветлев лицом, сказала она. – Я в школе.

Но, судя по фотографии, в то время она уже не была так счастлива.

– Фотографию дала мне учительница. Всех детей в школе фотографировали. Мы должны были заплатить за фотографии, но у мамы не было денег, и учительница отдала мне ее просто так. Она была хорошей. Ее звали миссис Бриджес.

Я посмотрела на школьную фотографию. Люси была очень бледной, растрепанные волосы лежали на плечах. Хотя она пыталась улыбаться, но улыбка была натянутой. Взгляд девочки

поражал безразличием. Мне было ясно, что она страдала и никому до нее не было дела.

– Наверное, мне было шесть лет, – мрачно сказала Люси. – Но я этого не помню. Все так запуталось.

– Мы попросим Лили рассказать, что она знает о твоем прошлом. Она – твой социальный работник и имеет доступ к твоим документам.

– Да, пожалуйста. – Люси перевернула страницу. – Я стала писать дневник. Мама и Дейв не знали, что у меня есть эта книга. Я прятала ее и писала только тогда, когда их не было или они спали. У меня были две личные вещи – эта книга и мистер Банни.

Люси поцеловала мистера Банни и перевернула страницу. Я увидела записи, сделанные нетвердым детским почерком. Казалось, что писал трех-четырехлетний ребенок, а не шестилетка.

– Я попыталась написать здесь свое имя и нарисовать картинку, – пояснила Люси. – Получилось не очень. Я тогда не ходила в школу и не умела хорошо писать и рисовать. Наверное, это я и Сэмми. Он был моим другом. Когда мне было плохо и меня не пускали к нему, я смотрела на эту картинку.

Думать о том, как Люси искала утешения в этом детском рисунке, было просто невыносимо. Я чуть не заплакала. Я обхватила ее плечи и крепко прижала к себе. Порой это лучше слов.

Люси перевернула страницу, и я увидела несколько рисунков какой-то женщины.

– Это миссис Бриджес, – пояснила Люси.

– Ее нелегко узнать, – с улыбкой сказала я.

– Мне тоже! – со смехом ответила Люси, но быстро стала серьезной. – Я не все помню про то время, но мамы рядом не было, а у Дейва появлялись разные подружки, и я должна была называть их «тетями».

На следующей странице были нарисованы какие-то лица с разинутыми ртами.

– Это мои «тети». Они всегда ругались на меня, и я нарисовала, как они кричат. Я пыталась записать их имена, но у меня плохо получалось.

«Имена» представляли собой набор букв, разобрать их было невозможно. Внизу страницы был рисунок, на котором кричали два человека – один с волосами, другой лысый. Внизу Люси четко написала «мама» и «Дейв».

– Тогда мама вернулась к Дейву. Они поругались, и она снова уехала. А потом появилась новая тетя. Вот она. – Люси указала на следующий рисунок. – Она немного пожила с нами, а потом мне

пришлось уехать от миссис Бриджес и Сэмми и поселиться с Дейвом и какой-то странной женщиной. Мне там было плохо. Я никого не знала в новой школе и ни с кем не могла подружиться. Со мной никто не хотел играть. Видите, я здесь плачу.

Люси перевернула страницу. Я увидела множество лиц – наверное, Люси нарисовала себя. Лиц было двадцать или даже больше. Все совершенно несчастные, с крупными слезами на щеках. Все это было безумно грустно.

– Тебе было так плохо, – потрясенно прошептала я.

– Да, – кивнула Люси и перевернула страницу. Следующая страница была сплошь закрашена темно-серым мелком. – Это гроза. Я принесла мелки из школы. Дома у нас ничего не было. Не знаю, почему я нарисовала грозу. Может быть, в тот день шел дождь…

– А может быть, ты просто была несчастна… Этот темно-серый цвет отражает твои чувства. Дети иногда выражают свои чувства в картинках, если не могут выразить их словами.

– Наверное, так и есть… Я не думала об этом. – Люси помолчала, а потом сказала. – Я долго не видела маму, а потом она приехала и забрала меня. Мне было семь. Я знаю, потому что написала здесь цифру семь, чтобы не забыть. – Она снова перевернула страницу. – А это мама ссорится со своим новым приятелем.

Рисунки стали более взрослыми. Я сразу поняла, как злятся эти люди: они подняли кулаки, словно собираясь вступить в драку. Люси пририсовала к их ртам пузыри со словами: «Я тебя ненавижу!»

Я ничего не сказала. Люси перевернула страницу, и рисунки кончились, сменившись фотографиями. Я сразу поняла, что Люси вновь оказалась под опекой.

– Я не позволяла опекуну заглядывать в эту книгу. И она дала мне фотографии и клей, чтобы я сама их приклеила. Поэтому некоторые приклеились криво и плохо.

– Не беспокойся, мы скоро приклеим их, как следует…

Люси кивнула.

– Это мой опекун и ее приемные дети, – указала она на фотографию. Дети не любили меня и все на меня сваливали. Может быть, это была моя вина. Мне тогда было плохо, но лучше, чем у Дейва. Я часто виделась с мамой, но потом она перестала приходить. А потом мне пришлось уехать. Приемные дети сказали, что это потому, что я такая плохая, что меня никто не хочет.

– Это было очень жестоко… Ты совсем не плохая. Просто у тебя была очень тяжелая жизнь.

Люси пожала плечами и перевернула страницу.

– А это другой опекун. Ее звали Энджи. Это ее дочь, Шелли. Они были добрыми, и мне у них нравилось. Но я смогла пробыть там совсем недолго. Мама меня забрала. Мне хотелось бы остаться там дольше, – мечтательно добавила Люси.

На следующих страницах фотографий не было. Вверху Люси написала цифру девять и провела несколько горизонтальных линий. Там были уже настоящие дневниковые записи, с датами.

– Я не хочу, чтобы вы это читали, – сказала Люси, прикрывая записи рукой и быстро переворачивая страницу. – Я писала ужасные вещи про маму и ее нового приятеля. Мне стыдно, но тогда я была очень зла на них.

– Я понимаю, дорогая. Ты многое пережила. Неудивительно, что ты злилась…

Люси перевернула страницу. Снова появились фотографии, и я поняла, что девочка вновь оказалась под опекой. Все приемные опекуны должны вести «Историю жизни» своих подопечных с фотографиями и другими памятными сувенирами.

– Это мой опекун, Хизер, – сказала Люси. – А это ее муж и дочери. У них было хорошо, но мне пришлось снова поменять школу, и я стала отставать в учебе. У них я провела Рождество. Я очень старалась, и мне кажется, что они меня любили. Но им пришлось переехать. Они говорили, что хотели взять меня с собой, но социальный работник запретил мне переезжать. Может быть, это было и так. А может быть, они просто хотели избавиться от меня… И тогда мне пришлось поселиться у Пэт и Терри. Вы их знаете.

– Да, – кивнула я. Именно Пэт и Терри привезли Люси в мой дом.

– Я сразу знала, что не смогу остаться. Стиви сказала, что они обычно опекают маленьких детей. Но я думала, что это всего лишь оправдание. Они, как и все, у кого я жила, не хотели, чтобы я долго оставалась с ними. Мне было одиннадцать лет. После приезда мне пришлось идти в среднюю школу. Школа была такой большой, что я постоянно терялась там. Я не справлялась с уроками, у меня не было друзей, и я перестала есть. Мне было так одиноко… Я уже думала, что жить вообще не стоит. А потом, когда я вернулась из школы, Пэт и Стиви пришли сказать мне, что у меня будет другой опекун и в выходные мне придется переезжать. Внутри меня что-то сломалось. Я не могла больше этого выносить. Я закричала, убежала от них и заперлась в ванной. Пэт пыталась поговорить со мной через дверь, но я не слушала. Мне уже было все равно. Когда вернулся Терри, он сломал дверь – а я убежала в свою комнату. Они оставили меня

одну. По-моему, они просто не знали, что делать. Я хотела остаться в своей комнате и умереть от голода. Я действительно хотела умереть. А вечером Пэт принесла мне телефон и оставила на кровати. Я услышала ваш голос. Я старалась не слушать, но вы не отступали. В вашем голосе было что-то такое, что заставило меня взять трубку. А остальное вы знаете…

Мы какое-то время молчали, вспоминая все то, о чем говорила Люси.

– Как хорошо, что тогда ты взяла трубку, – сказала я, сжимая руку девочки.

– Вы умеете убеждать, – улыбнулась Люси.

– Хорошо…

Но я заметила, что «История жизни» заканчивается фотографиями, сделанными в доме Пэт и Терри. Интересно, почему она не вклеила ни одной из тех фотографий, что делала я? Я часто фотографировала детей и всегда давала Люси фотографии, но в ее книге не было ни одной.

– А где же наши фотографии? – все же спросила я.

– В ящике, – ответила Люси. – Я не вклеила их, потому что раньше, стоило мне приклеить фотографии, меня сразу же отправляли в другой дом. Я не хотела уезжать от вас, и я не стала их вклеивать. И это сработало! Я остаюсь!

Я была растрогана до слез.

– Теперь ты можешь смело их вклеить, солнышко. Теперь уже не сглазишь – поверь мне, ты остаешься у нас навсегда. Я уверена, что совет удовлетворит мою просьбу.

Люси улыбнулась, поднялась, положила «Историю жизни» в ящик и закрыла его. Она забралась в постель, свернулась клубочком под одеялом и прижала к себе мистера Банни так, что торчали одни лишь уши. Я поцеловала ее на ночь.

– Спасибо, что показала мне свой дневник. Я так рада, что в тот вечер ты все же взяла трубку…

Если бы не это, Люси могла никогда не появиться в моем доме.

– Я тоже очень рада, – ответила Люси.

Я еще раз поцеловала ее и вышла, чувствуя, насколько близка была к тому, чтобы стать очередной записью в «Истории жизни» Люси. Если бы я не подала прошение оставить Люси, если бы у нее не сменился социальный работник, если бы Питер не занял такую решительную позицию, я и мои дети остались бы очередной фотографией в этой книге. Если бы мне нужно было продемонстрировать неэффективность нашей социальной системы, я могла бы взять книгу Люси. Столько лет, столько упущенных возможностей… Все, кто принял участие в жизни этой

девочки, лишь усиливали ее страдания, неуверенность и чувство одиночества… Я почувствовала и свою ответственность за это. Оставалось лишь надеяться, что со временем мне удастся загладить свою вину и залечить раны, нанесенные этой девочке.

Глава двадцать шестая
«Я постараюсь изо всех сил»

В пятницу на ужин пришла подружка Люси, Жозетта. К нам они приехали на автобусе, и Люси открыла дверь собственным ключом. Я встретила девочек в коридоре.

– Мам, это Жозетта, – сказала Люси, знакомя нас.

– Входи, Жозетта, и чувствуй себя как дома, – сказала я.

Жозетта улыбнулась и протянула мне руку.

– Рада с вами познакомиться, – с сильным французским акцентом сказала она. – Спасибо, что пригласили меня.

– Я тоже очень рада.

– Мы выпьем лимонаду, а потом поднимемся в мою комнату, – сказала Люси, вешая пальто на вешалку.

По дороге на кухню Люси заглянула в гостиную и познакомила Жозетту с Полой. На кухне девочки налили себе лимонаду и отправились в комнату Люси, а я занялась приготовлением ужина. Вскоре на кухню заглянула Пола.

– А можно мне пойти поиграть с Люси и ее подружкой? – спросила она.

– Попозже, дорогая. Сейчас они, наверное, слушают музыку и болтают.

Мне казалось, что девочки в возрасте Люси хотят оставаться со сверстниками наедине.

– Может, поможешь мне с ужином? – предложила я, но это Полу не увлекло, и она убежала в гостиную играть.

Когда все было готово, я позвала детей к столу. Люси познакомила Жозетту с Адрианом. Я заметила, что он слегка опешил, когда она протянула ему руку. Но французы относятся к рукопожатиям очень легко, это их очаровательный обычай. И Адриан не ударил в грязь лицом и пожал руку девочки. Я видела, что она произвела на него впечатление. Дети уселись, а я поставила на стол большие блюда, чтобы все накладывали себе еду по желанию. Сначала дети стеснялись, но быстро освоились и стали болтать. Французский акцент Жозетты был очарователен. Адриан и Пола были в восторге от того, что их новая подруга свободно говорит на другом языке. Жозетта рассказала, что ее отец приехал в Англию работать четыре месяца назад и семья проведет здесь не менее трех лет. Наверное, Люси подружилась с этой девочкой, потому что она была новенькой. Люси так часто приходилось переезжать, что она, как никто другой, понимала, каково это – приходить в новый класс, где ты никого не знаешь.

Вечером я отвезла Жозетту домой, и она пригласила меня в дом, познакомиться с родителями и старшим братом. Семья оказалась совершенно очаровательной. Но надолго остаться мы не могли – ведь со мной была еще и Пола. Мать Жозетты поблагодарила меня за то, что мы пригласили ее дочь на ужин и привезли домой на машине. И она пригласила Люси к ужину в следующую пятницу, пообещав отвезти ее домой вечером.

Я не знала, говорила ли Люси, что я – ее приемная мать, или позволила считать меня родной матерью. Но это было не важно. Люси могла говорить друзьям все, что захочет, главное, чтобы она чувствовала себя комфортно. Мои друзья, естественно, знали, что Люси – моя приемная дочь и теперь она будет жить у нас постоянно. А уж что Люси говорила своим новым друзьям, зависело только от нее. И меня это вполне устраивало.

В следующий вторник должна была состояться очередная оценка положения Люси. Много времени это не заняло. Лили рассказала Питеру обо всем, что произошло после нашей последней встречи месяц назад. Она рассказала, что доложила о деле Люси своему начальнику и команде подбора семьи, и все решили поддержать мое прошение о полной опеке над Люси.

– Прекрасно, – кивнул Питер, ничуть не удивляясь. Я решила, что он уже знал о принятом решении и общался с Лили в течение этого месяца.

– Я поговорила с Люси, – продолжала Лили. – Она подтвердила, что хочет остаться с Кэти навсегда. Социальная служба теперь считает, что Кэти вполне в состоянии удовлетворять потребности девочки. Я подала документы на комиссию, и дело будет рассмотрено в марте.

– Замечательно, – улыбнулся Питер. – Вы сообщили Кэти о дате заседания?

– Да, – кивнула Лили.

– Вы знаете, что вам нужно присутствовать на заседании? – спросил у меня Питер.

– Конечно. Я уже отметила дату в своем ежедневнике.

– И как Люси относится к тому, что она может остаться у вас?

– Она на седьмом небе от счастья. Она так долго об этом мечтала! Мы все мечтали.

Лили и Джилл кивнули.

– А вы сообщили Бонни о принятом решении?

– Да, – подтвердила Лили.

– Я так понимаю, что Люси встречалась с матерью в течение этого месяца?

– Да. Встреча прошла очень неплохо.

– Они будут встречаться дважды в год?

– Да, так рекомендовала социальная служба. Но это будет зависеть от желания и местонахождения Бонни.

– Как Люси восприняла встречу с матерью? – теперь уже Питер обращался ко мне.

– Очень хорошо, – ответила я. – Думаю, этому способствовало то, что ей больше не нужно переезжать. И она, и ее мать очень этому рады.

Питер кивнул и сделал пометку в блокноте. Потом он задал Лили несколько вопросов относительно процедуры, а затем обратился к Джилл, не хочет ли она что-нибудь добавить. Джилл сказала лишь то, что очень рада и что для Люси это идеальный выход. Питер согласился с ней. А потом я спросила, не может ли Лили прояснить кое-какие моменты жизни Люси.

– Мы смотрели «Историю жизни» Люси. Девочка не все помнит и не знает, когда и какие решения принимались. Я думаю, было бы неплохо, если бы вы помогли нам заполнить пробелы и рассказали ей обо всем. Я мало знаю о ее прошлом и не могу помочь.

– Я изучу документы и расскажу все, что удастся найти. Социальная служба участвовала в ее жизни с младенчества, но нужно собрать все воедино.

– Спасибо большое. И еще Люси хотелось бы найти свои младенческие фотографии. Первые фотографии в ее книге были сделаны, когда ей было три года. Тогда она впервые оказалась под опекой.

– Спросите об этом Бонни, – сказал Питер Лили.

Лили кивнула и сделала пометку в блокноте.

– И последнее, – с улыбкой сказала я, – мне хотелось бы получить копию свидетельства о рождении Люси, чтобы я могла открыть для нее сберегательный счет и подать заявление на оформление паспорта.

Питер взглянул на Лили – это была ее обязанность.

– Конечно, я сейчас же подам заявление, – кивнула она. – Люси необходимы сбережения. Вы собираетесь в отпуск за границу?

– Пока нет, но мне хотелось бы, чтобы паспорт был готов на случай, если мы соберемся.

Питер кивнул, закрыл блокнот и отметил дату нашей следующей встречи.

– Апрель. Через два месяца. А после этого можно будет собираться раз в полгода.

«Прекрасно, – подумала я. – В апреле будет Пасха».

– Можно назначить встречу на пасхальные праздники? Люси

хотела бы присутствовать, но ей не хочется пропускать уроки.

– Конечно, – удивленно ответил Питер. – Похоже, Люси стала спокойнее относиться к социальным работникам, раз готова прийти на встречу?

– Гораздо спокойнее, – подтвердила я.

Через три недели я отправилась на заседание комиссии по полной опеке. Заседание проходило в конференц-зале местного совета. Как приемный опекун, я каждые три года посещала такие заседания для подтверждения своей регистрации. И я знала, что будет немного страшно. Впрочем, знание мне не помогло. Сначала докладывала и отвечала на вопросы Лили. За ней вошли мы с Джилл. Десять членов комиссии сидели вдоль трех сторон большого прямоугольного стола. Мое сердце сжалось от страха. Для нас были приготовлены два стула лицом к членам комиссии. Мы с Джилл сели. Я сделала глубокий вдох. Мне показалось, что Джилл сделала то же самое – комиссия пугала даже ее. Перед каждым членом комиссии лежали стопки бумаги: копии моего прошения и все сопровождающие документы. Они получили бумаги за неделю до слушания, так что у всех было время с ними ознакомиться и подготовить вопросы.

Председатель познакомился и представился. За ним представились остальные члены комиссии – каждый назвал свое имя и должность. В комиссию входили два социальных работника, врач, приемный опекун, представитель местного совета, двое приемных родителей и учитель. Никого из них я не знала. Мы с Джилл представились: я – как приемный опекун Люси, Джилл – как мой социальный работник. Председатель нас поблагодарил, а потом в общих чертах рассказал, зачем мы собрались. Взяла слово Джилл. Она рассказала о моей истории приемного опекунства, о составе моей семьи и о том, почему она поддерживает мое прошение о постоянной опеке над Люси. Председатель поблагодарил ее и обратился ко мне:

– Мы тщательно изучили ваше прошение. Ваша история и репутация впечатляют. Вопросы задавать начну я. Расскажите нам, как проходит обычный день Люси. А потом члены комиссии смогут задать свои вопросы.

«Ну началось», – подумала я, сделала глубокий вдох и начала отвечать. Я ожидала подобного вопроса и хорошо подготовилась. Мне не сложно было рассказать, как проходит обычный день Люси, чем она занимается и что ей нравится. Председатель кивнул и поблагодарил. Затем один из социальных работников спросил, какое влияние опека над Люси оказывает на моих детей, позитивное или негативное. Я ответила, что Люси очень легко

вошла в мою семью, а Адриан и Пола давно воспринимают ее как сестру. Я рассказала, как Люси играет с Полой и помогает ей. Люси научила нас смирению и прощению: несмотря на все, что ей пришлось пережить, эта девочка не ожесточилась. Они с Адрианом часто поддразнивают друг друга, как настоящие брат и сестра. Больше ничего негативного я вспомнить не могла.

Второй социальный работник поинтересовался расписанием дня Люси. Вроде бы я уже рассказывала об этом, но напоминать я не стала и повторила еще раз. Затем один из приемных родителей спросил, какие у Люси увлечения и таланты. Я рассказала о ее учебе, а потом добавила, что в будущем она хочет стать косметологом – хотя, конечно, эти планы могут измениться. Член местного совета – явный ветеран подобных заседаний – спросил:

– А что вы скажете об умении Люси заводить друзей и поддерживать дружеские отношения?

Я рассказала, какого прогресса Люси добилась за год жизни с нами. Раньше у нее вообще не было друзей, теперь же их довольно много – есть даже лучшая подружка, с которой она постоянно встречается и вне школы.

– Превосходно, – обрадовался член комиссии. – Спасибо.

Затем настала очередь доктора:

– Как опытный приемный опекун, что вы скажете о способности Люси привязываться к людям, играющим важную роль в ее жизни?

К такому вопросу я не была готова, но сразу вспомнила семинары по проблеме привязанности и сумела ответить на этот непростой вопрос. Несмотря на печальный ранний опыт, Люси по-настоящему привязывается к тем взрослым, которым она может доверять. У нее сложились самые теплые отношения со всеми членами моей семьи, в том числе и с моими родителями. Я чуть было не добавила «и с кошкой», но вовремя решила, что это будет излишне игриво.

Врач спросил, знаю ли я, что порой насилие и депривация ранних лет жизни сказываются на детях гораздо позже. Я об этом знала. И вдруг вопросы кончились, и председатель начал меня благодарить. Вопрос об этнических потребностях Люси, который больше всего пугал нас с Джилл, никто не задал. Наверное, членов комиссии удовлетворило то, что было написано в моих документах. Как бы то ни было, я не смогла сдержать вздоха облегчения.

– Мы просим вас и вашего социального работника подождать в приемной, а мы завершим обсуждение, – сказал председатель. – Я приглашу вас, когда мы примем решение.

Я знала, что такова обычная практика.

Мы с Джилл поднялись и вышли, а члены комиссии приступили к обсуждению. Я отвечала на вопросы полчаса, но время пролетело незаметно. В приемной я буквально рухнула в кресло. От прилива адреналина щеки мои пылали, а сердце выпрыгивало из груди.

– Вы хорошо держались, – сказала Джилл, присаживаясь рядом.

– Надеюсь. Я старалась ответить на их вопросы наилучшим образом. Могу только надеяться, что мои ответы их удовлетворили.

– Не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Хотя мы обе были почти уверены, что совет одобрит мое прошение, но все же оставалась вероятность отказа. Я не могла расслабиться, пока не получу официального одобрения.

Через пятнадцать минут дверь открылась, и нас пригласили войти. Во рту у меня пересохло, а сердце заколотилось еще сильнее. Все смотрели на нас, но по выражению их лиц я не понимала, какое решение они приняли. Мы с Джилл сели, и слово взял председатель комиссии.

– Мы завершили обсуждение, – сказал он, – и я с радостью сообщаю вам, что комиссия единогласно одобрила ваше прошение о полной опеке над Люси. Поздравляю вас!

– Спасибо! – Я не смогла сдержать широкой улыбки. – Спасибо большое!

– Вы молодец! – тихо похвалила меня Джилл.

Меня поздравили все члены комиссии. Джилл поблагодарила председателя и поднялась, чтобы уходить. Только тут я поняла, что все закончилось. Я тоже поднялась. Честно говоря, я немного растерялась. Я выслушала председателя, а теперь просто ухожу. А как же все мои тревоги, долгие месяцы надежд, планов и ожиданий? Где фанфары? Где тысячи воздушных шариков, взмывающих в небо? Я услышала лишь стук захлопнувшейся двери и тихий внутренний голос, возносящий благодарственную молитву.

– Пойдемте, – сказала Джилл, беря меня под руку. – Пойдемте выпьем кофе.

– Отличная идея, – обрадовалась я.

– И мне нужно вас кое о чем спросить…

– О чем же?

Я уже видела на лице Джилл подобное выражение.

– Я тут подумала, – начала она, – теперь, когда проблема Люси решена и заседание комиссии позади, вы сможете снова стать настоящим приемным опекуном, верно?

– Конечно! Я тоже так считаю…

– Прекрасно! Потому что у меня как раз появилась четырехлетняя девочка…

– Джилл, вы неисправимы! – засмеялась я.

– Знаю. Но что бы вы делали без меня?

– Честно говоря, даже и не знаю.

За кофе Джилл рассказала мне об Алисе. Социальный работник Алисы подает заявление в суд на ордер временной опеки.

– Она – сущее чудо, – сказала Джилл. – Последние несколько месяцев она жила с бабушкой и дедом, потому что у ее матери проблемы с психикой. В суд они идут завтра в десять. Поскольку вопрос с ордером уже практически решен, Алиса сможет быть у вас около часа дня. Копия документов у меня с собой.

Когда Люси, Адриан и Пола вернулись из школы, у меня было для них множество новостей. Во-первых, комиссия окончательно утвердила постоянную опеку над Люси. Теперь все оформлено официально. Дети захлопали в ладоши от радости. А потом я рассказала им об Алисе. И что же они сказали?

– Отлично, я смогу играть с малышкой! – обрадовалась Пола.

– Ей, наверное, очень страшно, – сказала Люси. – Я помогу ей освоиться.

– О нет! Еще одна девчонка! – застонал Адриан.

Историю Алисы я рассказываю в своей книге «Я скучаю по мамочке», поэтому здесь не буду вдаваться в подробности и писать о тревожных обстоятельствах ее появления, чего мы никак не ожидали. Через десять месяцев она должна была уезжать. Была холодная январская ночь. Пола уже спала в своей комнате, Адриан еще читал, а я поднялась к Люси пожелать ей спокойной ночи.

Мы немного поболтали о том о сем, как часто делали перед сном. Мистер Банни, как обычно, устроился на подушке. Я поцеловала их обоих на ночь и поднялась, чтобы выйти. Но тут я почувствовала, что Люси что-то мучает.

– Все в порядке, дорогая? – спросила я. – Тебя что-то беспокоит?

Люси молчала, только теребила край одеяла. Она всегда так делала, когда о чем-то думала. Я снова присела на кровать.

– Что? Что ты хочешь сказать?

– Мне нужно у тебя что-то спросить, – тихо сказала Люси, стараясь не смотреть на меня. – Ты можешь сказать «нет», если захочешь. Я пойму. Мне не будет больно. Нет, конечно, будет, но

я постараюсь не показать…

– Спрашивай, конечно, – сказала я, гадая, о чем же Люси боится мне сказать. Обычно она была очень откровенной.

– Ну, в общем… – Люси была очень серьезна, но пальцы ее по-прежнему теребили одеяло. – Вы знаете, что я считаю вас своей настоящей семьей?

– Конечно, мы все знаем.

– И вы знаете, что я иногда называю тебя мамой?

– Знаю.

– Мы в школе делали проект об усыновлении – читали книги из библиотеки, рылись в Интернете и все такое… И я подумала, не можешь ли ты удочерить меня? Я всех вас очень люблю. Обещаю, я не доставлю тебе проблем. Но ты можешь сказать «нет», если захочешь.

Слезы мгновенно навернулись на глаза. Я крепко обняла Люси и прижала к себе. Я была так поражена, что не могла говорить. Люси молчала, но я чувствовала тепло ее любви и доверия в этом объятии. Потом я легонько отстранилась и посмотрела на нее. Я знала, что хочу сказать, но должна была оставаться реалисткой.

– Люси, дорогая, я уже считаю тебя своей дочерью. Я не могла бы любить тебя сильнее. Я была бы счастлива удочерить тебя, но не могу принять это решение сама.

– Я знаю, – пробормотала Люси. – Я все понимаю.

– Завтра я поговорю с Лили. Посмотрим, что она скажет. Ты должна поговорить с матерью – ее мнение тоже будет принято во внимание. Может быть, она не захочет, чтобы я удочерила тебя. Я могу спросить, но, если ничего не получится, нам же с тобой не нужен листок бумаги, чтобы считать себя матерью и дочерью, верно?

Люси грустно улыбнулась.

– Конечно, не нужен. Но я была бы так рада…

– Я знаю, дорогая. Я все понимаю. Я постараюсь изо всех сил.

Глава двадцать седьмая
Особая любовь

На следующее утро я отвезла Полу в школу, вернулась домой и сразу же позвонила Лили. Я рассказала ей о нашем разговоре об удочерении. Лили ответила, что ей нужно поговорить со своим начальником. Но ей казалось, что если мы с Люси обе хотим этого, то отдел поддержит мою просьбу. Но, как я и ожидала, Лили предостерегла меня: сначала нужно поговорить с Бонни и узнать ее мнение. Мы обе знали, что большинство родителей соглашаются передать детей под долгосрочную опеку, но категорически возражают против усыновления, поскольку в этом случае они лишаются родительских прав. Меняется даже свидетельство о рождении усыновленного ребенка – вместо имен биологических родителей туда вписываются имена родителей приемных. Вечером я рассказала Люси о своем разговоре с Лили. Что-нибудь определенное можно будет сказать только через какое-то время.

Лили смогла связаться с Бонни лишь через три месяца. Она рассказала, что поначалу Бонни была против удочерения. Ей казалось, что она больше никогда не сможет увидеть Люси. Лили объяснила, что я не собираюсь менять условий ее встречи с дочерью. И тогда Бонни сказала, что она не будет возражать: она хочет того, чего хочет Люси. Подобное бескорыстие было очень необычно. Люси была в полном восторге, и я приступила к процессу удочерения.

Через год, когда Люси жила с нами уже два года, мы получили ордер на удочерение, и Люси официально стала моей дочерью. По ее просьбе мы изменили ее фамилию на нашу. Я подала документы на переоформление сберегательного счета и паспорта на новое имя. Люси получила еще один бонус: социальная служба с этого момента переставала следить за ее судьбой – никаких оценок, никаких социальных работников. Теперь она была не под опекой. Она стала моей дочерью.

Удочерение Люси мы отметили настоящим праздником. Приехали мои родители, мой брат с семьей, Лили, Джилл, Жозетта и Вики (еще одна подруга Люси). Я накрыла большой стол. Люси рассказала Жозетте и Вики об удочерении, но, кроме учителя, больше в школе об этом никто не знал.

Хотя социальная служба более не имела отношения к Люси, Лили предложила и дальше организовывать ее контакты с

матерью. Поскольку у меня сложились хорошие отношения с Бонни, я сказала, что необходимости в организации больше нет. Мы всегда сможем договориться напрямую. Так все и вышло, Бонни продолжала встречаться с Люси дважды в год и периодически звонила ей. Обычно мы встречались в дни рождения и на Рождество. Иногда Люси встречалась с Бонни у нас дома. Тогда Бонни познакомилась с Адрианом и Полой. А иногда Бонни и Люси встречались в городе. Я всегда давала Люси деньги, чтобы они могли пообедать и как-то развлечься – например, сходить в кино. У Бонни вечно не было денег. Мне очень хотелось, чтобы Бонни изменила образ жизни и выбралась из этой трясины, но я ничего не говорила ни ей, ни Люси. Бонни и сама все понимала, и ей не следовало давать советы. Я была уверена, что если бы она могла, то изменилась бы, и надеялась, что когда-нибудь так и будет.

После встреч с матерью Люси всегда была грустной и тихой. Она часто отказывалась от ужина или ела очень мало. Хотя питание ее заметно улучшилось, в моменты стресса она мгновенно теряла аппетит. Я все еще следила за ее питанием, но больше не тревожилась об этом так, как раньше. Люси немного набрала вес и теперь весила столько, сколько и должна девочка ее возраста и роста. Впрочем, она от природы очень миниатюрна и стройна, так что полнота ей не грозит. Еще до удочерения ей предложили пройти курс психологической поддержки, но она отказалась. Это очень личное дело, и очень важно правильно выбрать время. Люси знает, что всегда может обратиться к психологу. Когда ей об этом сказали, она очень трогательно ответила:

– Собственная семья – вот лучшая психологическая поддержка.

И я снова не смогла сдержать слез.

Когда Люси исполнилось шестнадцать, она отправилась встретиться с матерью. Вернувшись, она сразу же ушла к себе. Я дала ей немного времени, а потом поднялась следом. Я постучалась и вошла. Люси сидела на кровати, обняв мистера Банни. Я сразу поняла, что она о чем-то думает.

– Все в порядке, дорогая? – спросила я, входя в комнату.

– Вроде того, – тихо ответила она, глядя на меня снизу вверх.

– Вроде того – не очень хорошо, – сказала я, присаживаясь на кровать. – Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Расскажи, что случилось.

Люси грустно улыбнулась и уставилась на мистера Банни.

– Трудно, – чуть помолчав, сказала она. – Не знаю, поймешь

ли ты.

– Я постараюсь, – я подбадривающе коснулась ее руки.

Люси снова замолчала, а потом сказала:

– Когда я встречаюсь с Бонни, мне стыдно, что я не могу любить ее по-настоящему. Она моя мать по рождению, но я не чувствую по отношению к ней того, что чувствую к тебе. Я не могу любить ее так, как тебя. И порой я чувствую себя виноватой и несчастной.

– Дорогая, я все понимаю. Абсолютно все. Я попробую тебе объяснить. Любовь к родителям – это не то, с чем мы все рождаемся. Мы привязываемся к тем, кто заботится о нас, и любовь – это часть наших уз. Я люблю тебя, а ты любишь меня, потому что мы много времени проводим вместе, многое делаем и переживаем вместе. Я стала для тебя матерью, а ты мне – дочерью. И мы любим друг друга, как мать и дочь. Бонни так и не сумела построить этих особых отношений между матерью и дочерью, и это очень печально. Совершенно нормально, что к ней ты относишься не так, хотя я знаю, что она тебя любит.

– Но мне кажется, что я всегда была твоей дочерью, – снова сказала Люси. – Настоящей дочерью.

– Я знаю. Я чувствую то же самое. Я не могла бы любить тебя больше, даже если бы родила тебя. Настолько сильны наши узы. Но в твоем сердце всегда будет особое место для Бонни – даже если сейчас ты этого не сознаешь. Это другая любовь, не такая, как ко мне. Она другая, но она всегда будет с тобой. И ты не должна чувствовать себя виноватой. Бонни понимает. Она хочет, чтобы ты была счастливой. Это очень бескорыстная любовь.

Люси немного помолчала, а потом посмотрела прямо на меня. Лицо ее прояснилось.

– Да, теперь я понимаю, – сказала она и поцеловала меня. – У меня две матери. И я могу любить их по-разному. Спасибо, мама. Я люблю тебя!

– И я тоже тебя люблю!

Кэти Гласс

Одна замечательная женщина – и более ста приемных детей.
Узнайте о детях, жизни которых пересеклись с жизнью Кэти.

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ЛОГО
ВАША КНИГА
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, КОТОРЫЙ ВЫ МОЖЕТЕ РАСПОЛОЖИТЬ НА ОБЛОЖКЕ И РАССКАЗАТЬ КЛИЕНТАМ О ВАШЕЙ КОМПАНИИ

ВАШ ЛОГОТИП НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ К КЛИЕНТАМ НА ОБЛОЖКЕ